

УДК 330.837.1(470+571)"08/18"

ББК 65.02(2)4-218

И74

Рецензенты:

член-корреспондент РАН *Г.Б. Клейнер*

д-р экон. наук, профессор *Б.А. Ерзнкян*

Иншаков, О. В., Фролов, Д. П.

И74 Эволюция институционализма в российской экономической мысли (IX—XXI вв.) [Текст]: [монография] : В 4 т. — М. : Экономистъ, 2007. — Т. 1. — 511 с.

ISBN 978-5-98118-214-3 (в пер.)

Агентство СІР РГБ.

В книге с оригинальных методологических позиций освещается развитие институциональных идей в российской экономической мысли со второй половины IX в. до 1861 г. Единство онтологического и гносеологического аспектов позволило раскрыть представленные концепции как этапы эволюции институционального компонента теории и практики отечественного хозяйства. Книга может быть полезна научным и практическим работникам, студентам и преподавателям разных специальностей, всем интересующимся кругом рассматриваемых в ней проблем.

УДК 330.837.1(470+571)"08/18"

ББК 65.02(2)4-218

ISBN 978-5-98118-214-3

© Иншаков О. В., Фролов Д. П., 2007

© «Экономистъ», 2007

Содержание

Предисловие (Л.И. Абалкин)	7
От авторов	10
Введение (О.В. Иншаков)	12
1. Категориальная противоречивость современного институционализма	13
2. Метаморфоз и полиморфизм институционального фактора хозяйственных систем	20
3. Пространство институциональных номинаций в русском языке	30
4. Уровни строения и векторы эволюции институциональной системы общества	33
5. Логика и структура эволюционного исследования российского институционализма	42
Глава I. . Онтологические истоки российского институционализма (IX — середина XV в.)	49
§ 1. Институциональная определенность древнерусского хозяйства	49
§ 2. Мир русской народной сказки и былины: передача институциональной идентичности	67
§ 3. Правовые формы институциональных отношений в Древней Руси	80
§ 4. Первые авторские произведения «российских институционалистов» (XI—XII вв.)	93
§ 5. Русь Средневековая: от удельной раздробленности и монгольского владычества — к образованию централизованного государства	108
§ 6. Берестяные грамоты — «зеркало» институционального быта средневекового Новгорода	119
Эпилог	133
Глава II. Выявление «нестроений» и обоснование «исправлений» в государстве Российском (середина XV — начало XVII в.)	136
§ 1. Развитие институционального механизма централизации власти в Московской Руси	136
§ 2. Дифференциация религиозных институций на Руси и возникновение теологического институционализма в XV—XVI вв.	153
§ 3. Русский «Домострой» и институциональные грани средневекового «ойкоса»	170
§ 4. От «Хожения» А. Никитина до сочинений И.С. Пересветова и Ермолая-Еразма: зарождение институционального анализа экономики	184
Эпилог	198
Глава III. Идеи институционализма в эпоху «Великой трансформации» (начало XVII — первая четверть XVIII в.)	200
§ 1. От Смуты и расцвета сословного представительства — к бюрократии и «расставанию с простотой» институтов	200
§ 2. Институционализм «от практики» А.Л. Ордина-Нашекина и «взгляд со стороны» на проблемы Русского государства Ю. Крижанича	215
§ 3. «Лавина» институциональных новаций в эпоху Петра Великого	223
§ 4. Вклад И.Т. Посошкова в развитие российского институционализма	235
Эпилог	248

Глава IV. Институциональная мысль «развитого феодализма» (вторая четверть — конец XVIII в.)	252
§ 1. Эволюция институтов крепостного хозяйства и абсолютистского государства	252
§ 2. Становление институциональной модели развития этноэкономики приграничных регионов Российской империи	264
§ 3. Институциональные воззрения первой половины XVIII в. (В.Н. Татищев, М.В. Ломоносов, П.И. Рычков)	274
§ 4. «Наказ» Екатерины Великой и критика А.Н. Радищевым противоречий самодержавно-крепостного строя	287
§ 5. Идеи институционализма во второй половине XVIII в. (С.Е. Десницкий, М.Д. Чулков, М.М. Щербатов)	301
Эпилог	312
Глава V. Российский институционализм в эпоху «загнивающего крепостничества» (первая половина XIX в.)	316
§ 1. Формирование институционального механизма становления и развития капитализма в России	316
§ 2. Н.С. Мордвинов и его программа институциональных преобразований хозяйства	335
§ 3. М.М. Сперанский как представитель институциональной теории и практики	342
§ 4. Позитивный потенциал консервативного институционализма Н.М. Карамзина в борьбе с «российскими неурядицами»	359
§ 5. Институциональные идеи и проекты декабристов	376
§ 6. Российский институционализм в зеркале идейного противостояния славянофильства и западничества	407
§ 7. И.К. Бабст и Н.Г. Чернышевский: сквозь века об институциональных проблемах переходного хозяйства России	441
Эпилог	448
Приложения	455
<i>Приложение 1.</i> Классификационные признаки исторических этапов развития институционализма в российской экономической мысли и практике	457
<i>Приложение 2.</i> Словник институций в древнерусском языке	470
Список литературы	476

Предисловие

В период системного кризиса экономики России отечественная экономическая наука закономерно обратилась к изучению роли институтов и транзакционных издержек, правил и норм, обычаев и традиций в жизнедеятельности людей.

Важную роль при этом сыграли переводы классических и современных трудов ведущих зарубежных ученых, представляющих институциональное направление. Достижениями же российской школы экономической мысли институционалисты нового времени, как правило, пренебрегали.

Подъем институционализма в «постсоветской» России — явление, хотя и закономерное, отражающее тенденции эволюции мировой науки, но все же несколько неожиданное.

Однако это отнюдь не первая волна интереса к проблемам институционализма. Еще в конце XIX — первой четверти XX в. происходила напряженная, а порой и резкая полемика о путях эволюции отечественного хозяйства, о его «становых» институтах, о роли неформальной институциональной среды (обычаев, местных законов и норм и т.д.), о наиболее эффективном типе социально-экономического порядка. К обсуждению подключились не только экономисты, но вместе с ними историки и социологи, юристы и политологи, государственные и общественные деятели. Особый вклад внесли А. Богданов, С. Булгаков, С. Витте, М. Ковалевский, Д. Менделеев, Н. Михайловский, П. Струве, М. Туган-Барановский, Н. Чернышевский, А. Чупров, И. Янжул и др. Поэтому правы те современные ученые, которые рассматривают институциональное направление не как ультрановое для нашей страны явление, а видят его корни уже в золотом веке отечественной экономической науки.

Отдельные элементы использования институционального подхода к осмыслению хозяйства России, его установлений и учреждений, встречаются гораздо раньше. Их можно найти в трудах И. Пересветова, Е. Еразма, Ю. Крижанича, И. Посошкова, М. Ломоносова и А. Радищева, многих других прославленных и незаслуженно забытых самобытных мыслителей.

Российский институционализм — это не только обогащенное современными исследованиями, но во многом и традиционное, самобытное явление. Его глубинные истоки заключены в народе, в его нравственных ценностях и культуре, преданиях и обрядах, традициях и устоях, обычаях и вере.

Поэтому системное исследование как самого институционального фактора российского хозяйства, так и развития представлений о нем должно начинаться с тех далеких времен, когда наши предки потом и кровью осваивали и отстаивали жизненное пространство, создавали отношения государственности и ее базовые институты, закрепляя их в первых правовых кодексах.

Именно так и поступают авторы предлагаемой вниманию читателей книги, начиная свое исследование с середины IX века, то есть со времени зарождения Новгородско-Киевской Руси, и проводя его до наших дней.

Для повышения научной обоснованности проводимых в стране реформ необходимо активнее использовать накопленный многовековой опыт институционального строительства. Не менее важно переосмыслить творческое наследие отечественной общественно-экономической мысли с древнейших времен до современности для выявления неповторимой специфики и глобальной общности институциональных устоев хозяйства России.

Ведь многие обсуждаемые в наше смутное время вопросы теории и практики развития эффективных институциональных структур уже ставились и решались на предыдущих исторических этапах. Игнорирование прошлого чревато дополнительными издержками обучения на собственных ошибках, а нарушение преемственности — болезненными скачками на виражах развития.

Поэтому смысл данного исследования в том, чтобы современное поколение российских экономистов, тяготеющее к институционализму, не потеряло идейную связь поколений, свою истинную историю.

Книга представляет собой логичное продолжение уже начатой работы, увидевшей свет в конце 2002 г. в форме двухтомника под названием «Институционализм в российской экономической мысли (IX—XXI вв.)». Она была положительно встречена, высоко оценена научным сообществом, поддержана рядом рецензий и стала библиографической редкостью.

Теперь на суд читателей выносится новое исследование, которое охватывает более чем тысячелетний период. Книга существенно обогащена новыми именами, историческими фактами и событиями, основывается на мощном эмпирическом фундаменте. Это позволяет значительно углубить и расширить границы наших представлений о становлении, рождении, развитии институционального направления в общественной мысли России, прежде всего, в ее экономической сфере.

Работы такого объема и масштаба крайне редки и естественно вызывают повышенное внимание, особенно если они сочетаются с выдвиганием оригинальной научной концепции. Речь идет о теории институционального фактора экономического развития, обоснованной О.В. Иншаковым в рамках более широкого исследовательского поля — развиваемой им теории экономической генетики. Этот оригинальный подход стал методологической базой данного историко-экономического исследования.

В четырехтомной серии используется более трех тысяч источников, отразивших взгляды и идеи около тысячи мыслителей, государственных и общественных деятелей. Единство этого многообразия проявляется в его общей институциональной направленности, взаимосвязи и преемственности. Отмечу весьма успешное использование редких для экономических исследований источников, среди которых сказки, былины и даже берестяные грамоты, религиозные трактаты и публицистические произведения, судные грамоты и Судебники, указы русских царей и «Наказ» Екатерины II, труды декабристов и т.д. Это делает книгу интересной и полезной для представителей всех гуманитарных наук, вообще для широкого круга мыслящих людей, интересующихся не только экономикой, но исторической судьбой России.

Представления, понятия, концепции и теории «российских институционалистов» возникали не на пустом месте, а шли от реалий хозяйственной жизни, не в абстрактном обществе, но в конкретных координатах экономического пространства-времени.

Исследование эволюции институционального направления общественно-экономической мысли России удачно сочетается с анализом их реального «фона» — конкретно-исторической совокупности институций, институциональных структур и нормативно-правовой среды.

Институты российской цивилизации принципиально отличны от западных. Они воплощают кооперативные, а не корпоративные начала, отражают приоритет общих народнохозяйственных интересов над частными. В них заключены и облечены в четкую социальную форму духовно-нравственные основы общественных производительных сил, уважение к национально-государственным интересам России.

Вопреки распространенному мнению, экономические институты — не просто социокультурные или правовые факторы прогресса, а неотъемлемая составляющая хо-

зыйственного механизма, что убедительно показано на страницах данной книги. Они не столько создают рамки и ограничения действиям людей, сколько обеспечивают их кооперацию и интеграцию, предоставляя дополнительные возможности в борьбе с жизненными трудностями для достижения поставленных целей.

В контексте проведенного исследования устаревают и снимаются традиционные разграничения предметов социологии и экономики. Становится ясно, что без понимания механизмов формирования социальных групп, их интересов и мотивов, статусов и ролей участников невозможно адекватно представить внутреннюю организацию экономической жизни.

Использование эволюционного подхода позволяет ликвидировать противопоставление экономической теории, с одной стороны, и экономической мысли — с другой. Институционализм рассматривается как направление общественной мысли, длительно обретающее научную, теоретическую форму, непрерывно продолжающее развиваться, «питаясь» как от хозяйственной практики, так и от смежных отраслей знания.

Итак, на очередном витке своего развития экономическая наука России вновь обращается к своей истории, но теперь уже рассматриваемой сквозь призму институциональной теории. Импонирует стремление авторов показать эту историю неназидательно и как можно более объективно. Удалось, не приуменьшая значения зарубежных концепций, избежать преклонения перед ними, а также отстраниться от «квасного патриотизма», особенно неуместного в условиях глобализации научных связей.

Судьбу любой книги, в конечном итоге, определяют ее читатели. Надеюсь, что предлагаемый фундаментальный труд станет для них импульсом к новым размышлениям о России, ее традициях, культуре, неповторимом и загадочном институциональном облике, понять которые возможно только в сопоставлении институтов прошлого, настоящего и будущего.

Академик Л. Абалкин
Москва, январь 2007 г.

От авторов

Казалось бы, совсем недавно мы с волнением и надеждой представляли на суд научной общественности книгу «Институционализм в российской экономической мысли (IX—XXI вв.)». С тех пор прошло достаточно времени, в течение которого постепенно расширялась и углублялась теоретико-методологическая база исследования, обнаружилось дополнительные источники необходимой информации, определились новые интересные аспекты эволюционного анализа отечественных институциональных идей в экономико-историческом контексте. На призыв о конструктивной критике и информационной поддержке проводимого исследования откликнулись многие известные специалисты. Были опубликованы рецензии, указавшие на необходимость более подробного освещения как теоретической концепции, на основе которой создавались комментарии оригинальных текстов, так и отдельных этапов развития отечественного институционализма.

И вот, наконец, подготовлен первый том новой монографии «Эволюция институционализма в российской экономической мысли (IX—XXI вв.)». Книга, которую Вы держите в руках, охватывает тысячелетний период российской истории — от создания Киевского государства (предположительно в 862 г.) до отмены крепостного права в 1861 году. В перспективе — выход еще трех томов, подробно раскрывающих логику и динамику, содержание и формы институциональных идей о российском хозяйстве и обществе вплоть до их современного состояния. Решение столь масштабной задачи предполагает многоаспектное описание процесса институционализации в единстве идей, понятий, проектов, учреждений и преобразований. История институтов государственного и народного хозяйства пересекается и сливается с историей институциональной мысли в единое целое... Этим обусловлено значительное увеличение объема книги и написание расширенного Введения, с необходимой степенью детальности излагающего использованное в работе новаторское понимание сущности и форм институционального фактора человеческого бытия.

Институционализм рассматривается авторами как течение экономической и общественной мысли, объектом познания которого являются эволюционные процессы социальной дифференциации и интеграции видов, масштабов, ресурсов, факторов и продуктов труда, производства и хозяйствования в целях повышения их эффективности. Предметом институционализма становятся функциональные общественные отношения людей, обеспечивающие индивидуальное и групповое социальное закрепление различных видов жизнедеятельности акторов и их агентов в нормах, правилах, порядках, статусах и образах жизни.

Для усиления системности эволюционного анализа отечественного институционализма в книге, по сравнению с первым изданием, существенно расширен массив привлеченных источников. Исследованием охвачены новые авторы, существенно переработаны комментарии к оригинальным текстам, содержательно дополнены приложения, исправлены выявленные неточности.

Проведенное исследование дает основания утверждать, что в российской экономической мысли сформировалось и развилось своеобразное, интересное и подлинно научное институциональное направление, имеющее насыщенную историю, представленное яркими и глубокими учеными. Важнейшей особенностью «русских институционалистов» всегда была направленность их творческих исканий к высшей идее социальной справедливости — достижению «общенародной», «всеобщей пользы».

Представляемая Вашему вниманию книга — результат долгих раздумий о судьбе нашей Родины, об институциональных причинах бед и побед российского народа. Мы верим, что она внесет свой вклад в создание условий завершения затянувшегося самоопределения отечественного институционализма. Убеждены, что она будет полезна в качестве мощного ресурса информации о зарождении и формировании институциональных отношений в российском хозяйстве. И, конечно, мы надеемся, что эта книга станет фактором очередного переосмысления уникального многовекового опыта размышлений и дискуссий о путях создания и преобразования институциональной системы нашей страны. Ведь новое прочтение институционального наследия необходимо для формирования реалистичной стратегии развития России в глобальном пространстве-времени.

*О.В. Иншаков,
Д.П. Фролов*

Введение

Неоднозначный опыт, обретенный за годы рыночных трансформаций в российской экономике, постепенно перерождается в новые знания, формирует новые нравственные, познавательные и практические приоритеты бытия. Одним из эффективных инструментов познания и практического достижения реального успеха реформ все в большей мере становится институциональная экономическая теория, которая совсем недавно была лишь предметом критики в рамках политической экономии социализма. Но на современном этапе недостаточно просто освоить результаты развития этого особого течения в потоке мировой экономической мысли.

Чтобы достойно и своевременно восполнить существующий в наших знаниях огромный теоретический пробел и верно ответить на вызовы XXI века, необходимо, прежде всего, развить фундаментальные основы экономической науки, раскрыть и понять исторические корни современных достижений и заблуждений. Эффективные прикладные решения назревших проблем трансформации и модернизации, регионализации и глобализации не будут найдены без проникновения в новые пласты создающего знания. Это в полной мере касается и институционального направления в российской экономической науке.

Институциональная экономика, исследуя воздействие общественных институтов на поведение хозяйствующих субъектов, действие законов спроса и предложения, динамику экономического роста и развития, функционирование рыночных и общественно-государственных механизмов, управление деловыми транзакциями, предполагает новую постановку вопроса о структуре общественных отношений между людьми в процессе ведения хозяйства. Возникает необходимость перехода к выделению в общей системе структурных, функциональных и генетических подсистем экономических отношений как аспектов реализации сущности хозяйства — собственности. В хозяйственной системе эти аспекты должны быть раскрыты: а) на уровне трудовой деятельности, как функции пользования; б) на уровне производства искусственных продуктов и пространства человеческого бытия, как функции владения; в) на уровне государственного управления, как функции распоряжения общественным богатством. Только посредством механизма гармоничного устойчивого взаимодействия всех этих функций в единстве эффективно реализуется собственность как суть хозяйства. Институциональная составляющая — неотъемлемая часть этого механизма.

Основное назначение и смысл экономических институтов не в том, чтобы быть просто «правилами игры», а в функциональной организации общественных взаимодействий людей, их групп и сообществ. Институты создают правила, определяя одновременно возможности и ограничения, права и обязанности, роли и статусы. Изменение функциональных форм связей и отношений невозможно без соответствующих структурных изменений, что во взаимодействии создает механизм эволюции хозяйства. Любое игнорирование роли и значения актуальных институциональных изменений, их несовместимость с организационными мерами по реформированию экономики изначально обрекают последнее на неудачу.

Институциональное направление все отчетливее «вырисовывается» в статусе одного из лидеров экономической науки современной России, в связи с чем возникает потребность в фундаментальном переосмыслении категориальной системы институциональной теории, изучении онтологических и гносеологических корней, аспектов и форм эволюции институционального фактора отечественного хозяйства.

1. Категориальная противоречивость современного институционализма

Теоретическая интерпретация излагаемого в книге исторического материала построена по принципу восхождения от простого к сложному, от отдельных идей и практик к устойчивым взглядам и концепциям, от формирования нового направления к актуальному процессу создания институциональной теории и системы институтов в российском хозяйстве. Книга основывается на оригинальной методологической концепции, которая требует подробного разъяснения перед изложением всех ее частей.

Институциональное направление в науках об обществе — социологии и экономике, философии и истории, юриспруденции и культурологии, этнографии, антропологии и др. — в течение веков сохраняет в качестве «ахиллесовой пяты» неоднозначность основных понятий, значительную несовместимость теоретических фрагментов и дискретность своего категориального поля. Поэтому одним из условий современного успешного практического институционального реформирования и проектирования будущего российского общества по-прежнему остается системная разработка базовых и производных понятий институциональной теории.

Используемые определения социальных институтов изначально многозначны настолько, что могут ввести в глубокое заблуждение. К институтам относят все: нормы и правила, организации и учреждения, органы и отношения, сообщества и статусы, рутины и ритуалы, обычаи и традиции, образ мышления и поведения. При таком собирательном подходе понятие социального института теряет границы и масштабы собственного содержания, перестает быть тем особенным, которое есть результат взаимодействия всеобщего и единичного для определенного класса феноменов с качественно специфической информацией.

Экономический институт можно назвать, пользуясь метафорой Р.И. Полякова¹, «понятием-сфинксом», имея в виду предельную неопределенность предлагаемых определений и трактовок, придающей данному феномену некий мистический характер. Это понятие балансирует на грани нулевого и всеобъемлющего смысла, «лишнего» термина и «ключа к тайнам хозяйства»... Но следует иметь в виду, что «образность в научном доказательстве вообще возникает там, где обнаруживается недостаток логики, слабое место в подлинно теоретическом категориальном движении мысли»².

Одним из главных стимулов создания книги было стремление преодолеть имеющуюся фрагментацию и нарастающую вульгаризацию институциональной теории. Мощный и мутный поток якобы «институциональных исследований» заполнил отечественное информационное пространство. Институциональная «революция» в отечественной экономической науке последнего десятилетия XX в., переживая период бума, сейчас имеет тенденцию к трансформации в свой антипод — постмодернистскую «контрреволюцию». В начале XXI в. институционализм предстает как *upstream* (восходящее течение) экономической мысли, реализуя мультипликативную дифференциацию направлений исследований и их позитивную междисциплинарную интеграцию, рефлексивно отражаясь в практике экономических трансформаций. Растущая актуальность данного направления экономических исследований стимулирует многих ученых спешно «перековываться» в институционалисты, расширяя тем самым агентскую базу его постмодернистского варианта. Расширяется множество диссертаций по институциональной тематике, где многие ключевые проблемы не получают должного осмысления, а принимаются как данность, а многие выдвигаемые в ранге научной новизны идеи граничат с вульгарностью.

¹ См.: Поляков Р.И. Обобществление производства в условиях развитого социализма. Л.: Изд-во ЛГУ, 1984. С. 7.

² Экономическая теория — хозяйственной практике / С.Н. Мареев, В.И. Панченко, А.К. Покрытан, Г.П. Солодков. М.: Экономика, 1990. 238 с. С. 115.

Сложившаяся к настоящему времени нечеткость понятийной системы институционализма, упрощение или, напротив, чрезмерное расширение определений его основных категорий порождают искаженное отражение и торможение процессов практической модернизации хозяйственной действительности. Это в значительной степени дискредитирует институциональную теорию, которая нередко рассматривается как некая скоропреходящая научная мода. Институционализму подчас отказывают в экономическом содержании, сводя его предмет исключительно к области социологии или правоведения¹.

В связи со сказанным следует с пониманием отнестись к эмоциональному призыву В.И. Маевского о необходимости системной борьбы с проявлениями лженауки в экономической теории². Хотя, к сожалению, опасной формой его реализации может стать чрезвычайно разрушительный механизм репрессий и гонений в отношении непонятых, принципиальных или бескомпромиссных ученых-новаторов. Чистилище может в любой момент превратиться в инквизицию.

Однако бороться за доказательность, реализм, обоснованность, и достоверность выводов общественных наук особенно необходимо именно в «переходные времена», когда неустойчивость знания вызвана отрицанием предыдущей парадигмы, ее авторитетов. Поиск новой парадигмы может оказаться сведенным к принятию чужой, ранее существовавшей, победившей, но не самой достойной. Проблема вульгаризации характерна не только для экономической, но и для любой общественной науки в России нашего времени³.

В отечественном институционализме имеет место плюрализм поверхностных мнений и фрагментарных суждений. В итоге теряются действительно важные моменты — четкость текстов и чуткость к текстам. Масштабная эмиссия идей, касающихся различных вопросов институциональной теории и практики, но имеющих под собой слабую теоретическую основу, ведет к раскручиванию инфляции продуктов познания и девальвации статуса данного направления в экономической науке современной России. Категория общественного института стала широко употребляться в быту, где приобретает любые значения и изменяется до неузнаваемости. Так, чиновники, депутаты и «просвещенные журналисты» наперебой оперируют понятиями институтов президентской власти и гражданского общества, парламента и ежегодного послания Президента РФ Федеральному Собранию, криминальной «крыши» и всенародных праздников. Недостаточная четкость понимания институциональной терминологии приводит к тому, что, например, в ходе дискуссии по поводу создания Общественной Палаты ее называют и особым органом, и независимым институтом, искажая тем самым функциональную роль данной структуры.

Институт и организация (в меньшей степени — институция) рассматриваются как «понятия подвижные, а не застывшие; они изменчивы и текучи. Они то употребляются как синонимы, то противопоставляются друг другу. Каждый использует их с тем большей легкостью, чем меньше знает, что именно они обозначают. Но когда пытаешься эти понятия определить и отделить друг от друга, возникает множество про-

¹ См., напр.: *Мамедов О.Ю.* Институционализм — приоритет вторичности? // *Экономический вестник Ростовского государственного университета.* 2003. Т. 1. № 1.

² Краткий отчет о выступлении В.И. Маевского на расширенном заседании редколлегии журнала «*Экономическая наука современной России*» (г. Москва, ЦЭМИ РАН, 17 апр. 2003 г.) опубликован в № 2 указанного издания за 2003 г.

³ Речь, в частности, идет о концепции «новой хронологии», предложенной историком академиком А.Т. Фоменко, которая справедливо критикуется как результат фальсификации. См., напр.: *Носовский Г.В., Фоменко А.Т.* Новая хронология и концепция древней истории Руси, Англии и Рима. Т. 1: Русь; Т. 2: Англия, Рим. М., 1995; *История за и против истории: В 2 кн.* / Под ред. Ю.М. Осипова, И.В. Бестужева-Лады, Е.С. Зотовой, Г.Р. Наумовой. М.: Центр общественных наук, 2000.

блем и трудностей»¹. Действительно, среди социальных институтов ученые называют религию и церковь, конкуренцию и рынок, искусство и профсоюз, культуру и спорт, право собственности и частную собственность, военную обязанность и армию, семью и образование, здравоохранение и найм, дружбу и государство, суд и партии, науку и управление, ломбард и деньги, налогообложение и Internet, клонирование и Киотское соглашение, бренды и полицию, а также многие другие явления общественной жизни. Иногда результаты такого рода идентификации по меньшей мере удивляют, но заставляют искать новые аргументы для развития научной теории.

Понятие института связывают как с отдельными людьми, так и с их группами, классами, нациями, сообществами и человеческим обществом в целом. В различных науках доминируют различные трактовки институтов, которые демонстрируют неприятие понятий смежных областей знаний. Это приводит к сохранению и углублению разобщенности наук об обществе в рамках реализации институционального подхода, подтверждает и консервирует системную незавершенность его категориального аппарата, препятствует интеграции исследований и исследователей.

Справедливой оценкой и актуальным напутствием остается принципиальная позиция Д.С. Львова: «Пора преодолеть разобщенность и профессиональную замкнутость ученых, развивающих институциональные концепции в рамках узко дисциплинарных «картин социального мира». Спектр вопросов, требующих глубокого институционального изучения, очень широк, и сами по себе его не в состоянии полностью охватить ни экономическая наука, ни социология, ни государственное управление. Необходимо активизировать совместные разработки в рамках блока общественных наук, в том числе и в исследовании институциональных проблем»².

Наиболее развернутыми системами категориального отражения институционального устройства общества традиционно обладают социология, экономическая теория и юриспруденция, черпающие эмпирический материал из истории и актуальной реальности. Существенные различия в категориальных системах этих наук мешают созданию полной институциональной концепции. Настало время «движения навстречу друг другу» в русле интеграции наук об обществе для преодоления разобщенности сформировавшегося конгломерата институциональной теории, перехода к системности представлений об институтах общества от односторонности в их исследовании.

Институт в социологии трактуется как «установленный порядок правил и стандартизированных моделей поведения. Термин используется разными способами и, следовательно, часто бывает двусмысленным. *Социальный институт* относится к образованиям, охватывающим большие массы людей, чье поведение управляется *нормами и ролями*»³. Это также «исторически сложившиеся и закреплённые, устойчивые, самовозобновляющиеся виды социальных взаимодействий, призванные удовлетворять те или иные человеческие нужды» или «система упорядоченных статусов и ролей, принудительно, неодолимо обеспечивающих самовозобновляемость, регулярность принятого (ожидаемого) характера процесса удовлетворения потребностей людей»⁴. В трактовке Т. Веблена институт определялся как «стереотип мысли», «привычные способы реагирования на стимулы», «распространенный образ мысли в том,

¹ Маритен Ж. Человек и государство. М.: Идея-пресс, 2000. 196 с. С. 11.

² Львов Д.С. Предисловие // Homo institutus — Человек институциональный / Под ред. д-ра экон. наук О.В. Иншакова. Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2005. 854 с. С. 7.

³ Большой толковый социологический словарь (Collins): Пер. с англ. Т. 1 (А — О). М.: Вече: АСТ, 2001. С. 248.

⁴ Общая социология: Учеб. пособие / Под общ. ред. проф. А.Г. Эфендиева. М.: ИНФРА-М, 2000. С. 215, 222.

что касается отдельных отношений между обществом и личностью и отдельных выполняемых ими функций»¹. Здесь проявился функциональный подход к пониманию данной категории, но в рамках субъективно-психологического подхода.

Б. Малиновский, А.Р. Рэдклифф-Браун, а затем Т. Парсонс связывали природу институтов с реализацией функциональных предпосылок и императивов эволюции общества. Э. Дюркгейм рассматривал институты как функциональные формы социальной организации, связанные с «общими условиями коллективной жизни». Э. Гофман относит институт к социальным формам организации жизни общества, а бюрократически организованный институт даже определяет как «тотальное учреждение». Институты, видимо, по содержанию гораздо ближе к учреждениям (хотя и не сводятся к ним), а не к самим по себе нормам и правилам. Таким образом, социология создала предпосылки исследования институтов хозяйства, однако эта ее миссия еще далека от завершения.

Потребности трансформации российского хозяйства создали новые стимулы для прочтения классических и современных работ новых экономистов-институционалистов. Для развития институциональной экономики в России особое значение приобрели работы как зарубежных ученых (Т. Веблена, Дж. Коммонса, Р. Коуза, В. Ни, У. Нила, Д. Норта, Р. Рихтера, О. Уильямсона, Э.Г. Фуруботна, Дж. Ходжсона, Т. Эггертсона и др.), так и отечественных (В.Г. Гребенникова, Б.А. Ерзнкяна, С.Г. Кирдиной, Г.Б. Клейнера, Д.С. Львова, В.Л. Макарова, В.И. Маевского, А.Д. Некипелова, А.Н. Нестеренко, А.Н. Олейника, В.М. Полтеровича, В.В. Радаева, В.Л. Тамбовцева, А.Е. Шаститко и др.).

Детальный обзор категориального аппарата институционализма в западной экономической литературе дал Дж. Ходжсон². Современные экономические определения института опираются обычно на понятие нормы или правила различных аспектов деятельности хозяйственных субъектов и их групп³. В.М. Полтерович в целях специального исследования институциональных «ловушек» использует термины «институт», «норма», «правило поведения» в качестве синонимов, не вдаваясь в теоретические уточнения⁴. В.Г. Гребенников вводит понятие «рефлексивной нормы»⁵, а под институтом им понимается «фактически действующая рефлексивная норма и ничего кроме нее», хотя ранее им предлагалось⁶ считать институтом комплекс устойчивых ролевых функций. В спектре современных определений институт представляется и как «комплекс ролевых отношений», и как «интегрированный комплекс традиций и рутин», и как реализующий комплекс — «норма плюс механизмы, контролирующиеся и поддерживающие ее выполнение»⁷. Можно встретить и такую компромиссную позицию: «Институт — это правило игры, формальная или неформальная норма, обычай, стереотип поведения (мышления), организационная форма (в частности,

¹ Веблен Т. Теория праздного класса. М.: Прогресс, 1984. С. 200, 201.

² См.: Ходжсон Дж. Жизнеспособность институциональной экономики. Эволюционная экономика на пороге XXI века. М.: Япония сегодня, 1997.

³ См.: Норт Д. Институциональные изменения: рамки анализа // Вопросы экономики. 1997. № 3; Шаститко А.Е. Условия и результаты формирования институтов // Там же.

⁴ См.: Полтерович В.М. Институциональные ловушки и экономические реформы // Экономика и математические методы. 1999. Т. 35. № 2.

⁵ Гребенников В.Г. Институционализм как методология экономической науки // Институциональная экономика: Учеб. пособие / Под рук. акад. Д.С. Львова. М.: ИНФРА-М, 2001. С. 35—37.

⁶ Гребенников В.Г. Ассоциации на пройденные темы // Экономическая наука современной России. 1998. № 1.

⁷ См.: Клейнер Г.Б. Эволюция институциональных систем. М.: Наука, 2004. 240 с. С. 16; Шаститко А. Предметно-методологические особенности новой институциональной экономической теории // Вопросы экономики. 2003. № 1. С. 27.

фирма и т.п.)»¹. Характерно, что последняя дефиниция предлагается в рамках лекционного курса. Возникает резонный вопрос: что студенты смогут понять из такого расплывчатого определения через неоконченное перечисление?

Уточняя в 2003 г. методологический аспект своей концепции, Дж. Ходжсон определяет институты «в основном как долговечные системы сложившихся и укорененных правил, которые придают структуру социальным взаимодействиям»², что также способствует расширительной трактовке данного термина и широкому его использованию³. Он развивает свою мысль следующим образом: «Короче говоря, институты (читай — институции. — *О.И.*) суть системы социальных правил. Термин “правило” здесь трактуется в широком смысле, как предписание или установка в ситуации X делать Y. Тем самым сюда включаются как нормы поведения и социальные конвенции, так и юридические и формальные правила. По своей природе институты должны основываться на некоторых общих концепциях — только тогда правила будут действительными. Языковые, денежные, правовые системы, системы мер и весов, правила дорожного движения и поведения за столом, а также фирмы (равно как и все прочие организации) — все это институты»⁴. Системы общественных отношений отождествляются с институтами или институциями. Но не представляется ли абсурдным предлагаемый в такой редакции вывод?

Далеко не все, что социально упорядочено, можно целостно рассматривать в качестве институтов, хотя институциональный аспект есть во всех субъектах и объектах общественных систем. Конечно, сфера действия институтов прямо или косвенно связана со всеми условиями, ресурсами, факторами и продуктами общественного бытия. Приняв же точку зрения Дж. Ходжсона в качестве методологически верной и распространяя ее на всю «картину» общественной жизни, можно прийти к парадоксальным выводам. Доводя ситуацию до гротеска, допустимо определить трудящегося как все, что так или иначе связано с трудом, неправоммерно «синтезировать» в этом понятии предметы и орудия, продукты и эффекты, субъектов и факторы трудовой деятельности. Тогда трудящийся — это топор и автомобиль, дом и лесопосадка, рантье и семейный бюджет, завод и книга, штатное расписание и замочный ключ и т.д. Аналогично поступают многие современники, расширяя понятие института до пределов предметного мира общественного бытия.

В.В. Зотов, В.Ф. Пресняков и В.О. Розенталь определяют экономические институты как «общественно признаваемые функционально-организационные формы коллективной экономической деятельности, через которые реализуются системные функции экономики»⁵. Многие экономисты считают институтами фирмы и домашние хозяйства, организации и финансово-промышленные группы, банки и биржи, профсоюзы и парламент, деньги и церковь. Почему это возможно? Что общего у этих, казалось бы, принципиально разных феноменов? Еще труднее объяснить использование для определения экономического института понятия «нормы», трактуемой в качестве его базового компонента⁶. Представляется, что при наличии несомненной

¹ Сухарев О.С. Основные понятия институциональной и эволюционной экономики. Краткий курс лекций: Учеб. пособие. М.: Центр эволюционной экономики ИЭ РАН; Брянск: Изд-во БГУ, 2004. 128 с. С. 18.

² Ходжсон Дж. Предисловие к русскому изданию // Ходжсон Дж. Экономическая теория и институты: Манифест современной институциональной экономической теории. М.: Дело, 2003. 464 с. С. 9—14.

³ См.: Кузьминов Я.И. Курс институциональной экономики: институты, сети, трансакционные издержки, контракты: Учебник для студентов вузов / Я.И. Кузьминов, К.А. Бендукидзе, М.М. Юдкевич. М.: Изд. дом ГУ ВШЭ, 2006.

⁴ Ходжсон Дж. Указ. соч. С. 11—12.

⁵ Зотов В.В., Пресняков В.Ф., Розенталь В.О. Институциональные проблемы функционирования и преобразования экономики России // Экономическая наука современной России. 1999. № 1. С. 10.

⁶ Клейнер Г.Б. Указ. соч. С. 17, 19.

связи суть институтов не сводима к нормам. Конечно, норму можно признать атрибутом и продуктом института, но не его социальной сущностью, для исследования которой требуется методологически более широкий социологический подход.

Вызывает сомнение и доминирующая в современной науке трактовка институтов как внешних «рамок», ограничений действий субъектов и их агентов посредством различных норм, правил, обычаев, контрактов и т.д.¹ Становится непонятным, как в результате действия институтов могут сокращаться трансакционные издержки, если количество препятствий у социальных акторов при этом возрастает? Уже в трудах В.О. Ключевского имеется понимание того, что институты по своей природе являются не только ограничениями, рамками, но и средством раздвижения границ возможностей субъекта. Рассуждая о сословном делении общества, ученый писал: «Существенным и наиболее осязательным признаком сословного деления служит *различие прав, а не обязанностей*. Довольно простого анализа обоих этих понятий, чтобы видеть, что, когда речь идет о сословном различии обязанностей, то при этом разумеется собственно различие прав: обладая различными правами, классы общества могут нести одинаковые государственные обязанности; но если на них положены неодинаковые обязанности, то они не могут обладать равными правами»². Права институциональных субъектов, следовательно, представляют для них известные возможности, тогда как обязанности накладывают определенные ограничения на их деятельность.

Следовательно, институты — это не ограничения или эндогенные рамки человеческой деятельности. Дж. Ходжсон вынужден признать, что «институты одновременно и накладывают ограничения на поведение, и расширяют его возможности. Вообще говоря, сам факт существования правил подразумевает ограничения. Однако благодаря ограничению могут открыться новые возможности, а именно могут появиться варианты выбора действий, которые при отсутствии данного ограничения не существовали бы»³. Косвенно с этим соглашается и Н. Флигстин, отмечая, что, хотя «правила выступают в качестве источника ограничений, они также открывают и новые возможности. Этим подчеркивается, что акторы сами осуществляют свой выбор и что они действуют в целях обеспечения наиболее позитивных результатов для самих себя. Попадая в определенную ситуацию, акторы оценивают свои ресурсы и предпочтения, а затем выбирают способы действия, направленные на максимизацию этих предпочтений»⁴. Верное понимание природы институтов с трудом прокладывает себе дорогу... Эта ситуация осложняется попытками искусственно разделить традиционный и новый институционализм, часто в ущерб их общей сути.

Гипертрофированная жесткость ограничений и норм реализуется в крайней форме институтов — кастах. Касты «разрывают» общество, несокрушимыми стенами отгораживая друг от друга его членов, препятствуя постепенному «рубцеванию» институциональных противоречий. Дезинтеграция общества на касты часто происходит в эпохи общественных «взрывов» и потрясений при отсутствии или неэффективности соответствующих институциональных «амортизаторов», как это было, в частности, в поздней Римской империи⁵.

¹ См.: Шаститко А. Условия и результаты формирования институтов // Вопросы экономики. 1997. № 3. С. 67; Шаститко А.Е. Неинституциональная экономическая теория. М.: Экон. фак. МГУ: ТЕИС, 1998. 424 с. С. 84; Олейник А.Н. Институциональная экономика. М.: ИНФРА-М, 2000. 416 с. С. 188; и др.

² История сословий в России проф. В. Ключевского: Курс, читанный в Московском Университете в 1886 г. М.: Тип. П.П. Рябушинского, 1914. С. 2.

³ Ходжсон Дж. Указ. соч. С. 12.

⁴ Флигстин Н. Поля, власть и социальные навыки: критический анализ новых институциональных течений // Экономическая социология: Новые подходы к институциональному и сетевому анализу. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2002. 280 с. С. 131.

⁵ См.: Ростовцев М.И. Общество и хозяйство в Римской империи: В 2 т. СПб.: Наука, 2001. Т. II. С. 232.

Значит, в основе природы институциональных феноменов лежит, выражаясь языком XIX в., «возревнование», т. е. стремление к более высокому общественному положению, статусу, а не «воспящение», иначе говоря — препятствие, помеха или ограничение возможностей. Принцип приоритета прав (расширения институциональных возможностей) был положен В.О. Ключевским в основу выделения сословий Русского государства. Существующие же в реальности ограничения и параметры «русла» институтов как социальных составляющих «варьируются, но и степень их отличия также неодинакова — от воображаемой тонкой линии до широкой промежуточной области»¹.

Проявлением неоправданной редукции категориального аппарата институционализма можно считать издание в СССР фундаментального труда Т. Веблена «Теория праздного класса» (1984 г.), в ходе перевода которого был полностью опущен авторский подзаголовок, в котором указывалось именно понятие институции — «An Economic Study of Institution». Такой подход стал традицией и воплотился в переводе трудов Д. Норта, Т. Эггертссона, Дж. Ходжсона и др.², в то время как в оригинале их труды посвящены прежде всего экономическим институциям³. Это закрепило применение термина «институт» и способствовало отказу от категории «институция» при описании феноменов соответствующего характера. Кстати, свободные от инерционно закрепившихся в экономической науке клише представители смежных областей знания верно транслируют данный термин с позиции дифференциации видов деятельности. Примером может служить перевод статьи С. Нила, увидевший в свет в 2002 г. под названием «Арт-синема как институция», также как и перевод книги А. Эшбаха «Нобелевская премия»⁴. Из-за отсутствия всех цитируемых материалов в подлиннике в дальнейшем придется довольствоваться их переводом.

На современном этапе сложившийся и доминирующий редукционный подход к формированию категориального ряда институционализма становится тормозом его развития в социологическом, экономическом, правовом и других аспектах, что часто приводит к отождествлению понятий, описывающих социальные формы структур и функций, примером верного различения которых могут служить исследование А.Р. Рэдклиффа-Брауна⁵. Это значительно затрудняет восприятие и анализ оригинальных зарубежных текстов, где наибольшее употребление находит термин «институция»⁶, и обедняет научный инструментарий российских исследователей, не заме-

¹ Геннеп А.ван. Обряды перехода. Систематическое изучение обрядов. М.: Изд. фирма «Восточная литература» РАН, 1999. С. 175.

² См.: Норт Д. Институты, институциональные изменения и функционирование экономики. М.: Фонд экономической книги «Начала», 1997. 180 с.; Эггертссон Т. Экономическое поведение и институты. М.: Дело, 2001. 408 с.; Ходжсон Дж. Экономическая теория и институты: Манифест современной институциональной экономической теории. М.: Дело, 2003. 464 с.

³ См.: North D. Institutions, Institutional Change and Economic Performance. Cambridge: Cambridge University Press, 1990; Eggertsson T. Economic Behavior and Institutions. Cambridge: Cambridge University Press, 1990; Hodgson G.M. Economics and Institutions: A Manifesto for a Modern Institutional Economics. Polity Press, 1988.

⁴ См., напр.: Neale S. Art Cinema as Institution // Screen. 1981. Vol. 22. № 1. Русский перевод см.: Нил С. Арт-синема как институция // Логос. 2002. № 5—6. См. также: Eshbach A. Der Nobelpreis. Verlagsgruppe Lubbe GmbH & Co. KG, Bergisch Gladbach, 2005. Русский перевод: Эшбах А. Нобелевская премия. М.: «Захаров», 2007. 464 с.

⁵ См.: Рэдклифф-Браун А.Р. Структура и функция в примитивном обществе. Очерки и лекции. М.: Изд. фирма «Восточная литература» РАН, 2001. 304 с.

⁶ См.: Best M.H. The New Competition / Institutions of Industrial Restructuring. Polity Press, 2002; Neale W. Institutions // Journal of Economic Issues. 1987. September. Vol. XXI. № 3; North D. Institutions // J. Of Economic Perspectives. 1991. Vol. 5:1; Nee V., Ingram P. Embeddedness and Beyond: Institutions, Exchange, and Social Structure // The New Institutionalism in Sociology / M. Burton and V. Nee, eds. N. Y.: Russel Sage, 1998; Stein J. How Institutions Learn: A Socio-Cognitive Perspective // Journal of Economic Issues. 1997. September. Vol. XXI. № 3; Stanfield J. Institutions and The Significance of relative prices // Journal of Economic Issues. 1995. June. Vol. XXIX. Iss. 2; и др.

тивших или проигнорировавших призыв Дж. Ходжсона перейти от изучения обычаев и привычек к познанию институций¹. Последние все еще предстают для многих ученых загадочным «фактором X»².

Отечественные ученые, как и их зарубежные коллеги, часто не обращают внимания на различие исходных категорий институционализма и подменяют институцию организацией, а организацию называют институтом, последний же трактуют как инструмент, орган или механизм. Имеет место и обратный ход рассуждений. Это вызывает необходимость очертить систему исходных категорий и провести их дефиницию.

2. Метаморфоз и полиморфизм институционального фактора хозяйственных систем

Как самостоятельная сущность и понятие человек изначально должен восприниматься в качестве представителя живого общественного создающего рода — человечества. Человек институционален по своему общественному происхождению, поскольку отношение каждого индивида к человечеству как особой форме и виду жизнедеятельности закрепляется его сородичами в процессе их совместного бытия и становится способом его существования.

Системно обобщенная жизнедеятельность целостно представленного человека обладает родовыми признаками в отношениях: сознательности и созидательности, поскольку целенаправленно творит новую предметность и поле бытия; совместимости и современности, поскольку соотносится с эволюцией природы и общества во времени; согласованности и совместности в рамках неразрывно связанных отношениями общественных функций и структур.

Универсальность жизнедеятельности человека осуществляется, закрепляется и развивается в естественных и общественных формах дифференциации и интеграции путем присвоения статусов индивидами, их группами и сообществами. Социальное, имплицитное или эксплицитное, закрепление конкретных форм деятельности за человеком осуществляется посредством добровольной или принудительной, свободной или вынужденной институции. Институция означает введение в статус, она есть фактор и процесс создания и закрепления статуса каждого человека.

Получая в процессе институции статус, индивид вводится с этим статусом в систему взаимодействия природы и общества, т.е. в человеческое бытие. Человек рождается существом, в котором институция его естества в единстве с институцией общества создает институцию человечества как системного родового совместного существования индивидов. Вместе с тем статус человека в достаточной степени не стал еще предметом категориального описания диалектической логики, системного подхода и отдельных философских систем. Индивид признается человечеством как сородич, т.е. посредством институций родства, единства и общества за ним закрепляется принадлежность к человеческому роду. *Homo sapiens* исходно предстает как *homo institutus*.

Поэтому институция должна быть понята как процесс и как форма социальной спецификации и фиксации функций человеческой жизнедеятельности за индивидами, группами или сообществами, присваиваемая и воспроизводимая ими. Формирование и функционирование, субординация и координация институций происходит на уровнях существования, бытия и действительности, а также между ними. В переплетениях отношений тождества и различия институций человек обретает свое место и играет свою роль в обществе.

¹ См.: Hodgson G. From Habits To Institutions // Journal of Economic Literature. 1998. March. Vol. 36. Iss. 1.

² См.: Филипенко А.С. Экономическое развитие: цивилизационный подход. М.: Экономика, 2002. С. 67.

Будучи социальной формой типизации и закрепления функций хозяйственных субъектов и объектов, институция раскрывает свое содержание как функциональное отношение или отношение функций людей в процессе воспроизводства их жизни. Суть институции состоит в ее всеобщности как социальной формы всех человеческих действий, осуществляемых членами общества. Такая всеобщая форма предполагает соотношение не с конкретным единичным, отдельным и преходящим действием, но способствует пониманию связи и сцепления постоянно воспроизводимых общественно значимых действий в значении более самостоятельном и отвлеченном. Это не просто действия любого существа, а действия социализированные, обобществленные по своей сути, вводящие их исполнителей в статус, определяемый в соответствии с потребностями общества. При таком понимании институции объединяются функция индивида и социум.

Поэтому принципиально не может быть не институцированных человеческих действий в обществе, так как любая функция общественного существа реализуется посредством определения ее места в кооперации и разделении труда, оценки ее необходимости и полезности. Институция как социальная форма функции человека вообще — «голая абстракция», которая приобретает содержание только в конкретном действии. Институция должна быть понята не только как привычный и «распространенный образ мыслей» (Т. Веблен)¹, но, прежде, как привычный образ жизни, способ видовой дифференциации и родовой интеграции деятельности людей.

Реализуемые в рамках институций действия не могут быть единичными в данном обществе. Они — совокупность повторяемых одним лицом либо многими лицами одновременно или исторически действий и их результатов, что приводит к образованию социальных типов с соответствующими общественно признанными ролями, образами и нормами действия и поведения. Вводя человека в статус исполнителя особого социально значимого типа действий, институция обуславливает принадлежность к особой общности субъектов, равных по функции или функциональному свойству. Поэтому институция определяет не только звание, чин, сан, профессию, степень, должность, но и социальную группу, сословие, общность интересов и взглядов, а также иных свойств субъектов, однотипных по социальной специфике их деятельности.

Несмотря на то, что институции — реальное социальное явление, их, равно как порожденные ими статусы или иные социальные атрибуты человеческой деятельности, можно представить лишь мысленно. Но, они — отнюдь не «символический капитал» (по П. Бурдьё), а основа капитала реального. Это можно объяснить действительной силой институции как важного эндогенного фактора бытия, результаты которого неизменно материализуются — в уровне располагаемых благ (доходах и затратах), в особенностях ведения хозяйства (разном уровне конкуренции и монополии, устойчивости и изменчивости, безопасности и риска) для представителей различных статусных позиций, в потенциале развития (ограничениях и перспективах взаимодействия с другими людьми). Для своих акторов институции характеризуются вполне определенными затратами и доходами, причем в нормальных условиях доходность институций пропорциональна уровню затрат на их поддержание. Индивидуумы и их различные группы постоянно конкурируют между собой за ограниченные на каждый момент времени институциональные ресурсы, факторы, продукты и доходы.

Расширение многообразия форм организации социально закрепленных форм конкретных функций людей развивает систему институтов общества. Такая система формирует в сознании каждого человека «воображаемые сообщества», к которым он себя относит и в соответствии с которыми ведет себя как потребитель или производитель, семьянин или гражданин, чиновник или предприниматель, студент или преподаватель, рабочий или фермер, панк или хиппи, диггер или бэггер, байкер или хакер...

¹ Веблен Т. Теория праздного класса. М.: Прогресс, 1984. 367 с. С. 201—202.

Ведь «все сообщества крупнее первобытных деревень, объединенных контактом лицом-к-лицу (а, может быть, даже и они), — воображаемые»¹. Неадекватность реальной принадлежности к тому или иному институту и субъективного воображаемого отнесения себя к нему могут приводить к институционально неадекватному поведению, заблуждению, повышению транзакционных издержек, снижению институциональных доходов, деформации институционального экстерьера и интерьера людей². И при этом, как заметил Р. Жирар, «наши институты... регулируют нас тем жестче, чем меньше мы помним об их роли»³, что обусловлено их особой рефлексией.

Потенциально и реально каждый человек является агентом многих институций, реализуя их в своих действиях и выступая при этом представителем соответствующего институционального субъекта. Процессы социального закрепления функций основываются на устойчивом положительном или отрицательном отношении к ним общества, на его оценках результатов выполнения этих функций в различных сферах жизни: хозяйстве, науке, религии, политике, праве, морали, искусстве, семье, государстве и пр. В рабочее время человек является агентом одних институций, в свободное время — других, возможно полностью или частично несовместимых с первыми.

В основе понимания институциональной природы и специфики человека должно лежать понимание институции как фактора и продукта жизнедеятельности человека. Для этого надо исходить из новой генетической теории факторов производства как общественного бытия, в которой производственная функция хозяйственного субъекта (системы) любого уровня масштаба и сложности представлена следующим образом: $Q = F(A, T, M, Ins, O, Inf)$, где Q — произведенный продукт; A — человеческий; T — технический; M — материальный; Ins — институциональный; O — организационный; Inf — информационный факторы его создания⁴. Взаимодействие этих факторов, или необходимых компонентов и созидательных сил, составляет содержание человеческого труда, в которых они всегда присутствуют в двух формах: как вещественные трансформационные факторы (человек, техника и материалы) и как полевые трансакционные (институция, организация и информация)⁵.

В исторической эволюции соотношение роли, сложности и многообразия форм проявления трансакционных факторов по отношению к трансформационным непрерывно менялось. Поэтому на разных исторических этапах эволюции российского хозяйства и общества решались различные задачи: освоения природного пространства, наращивания демографической мощи, технологического переоснащения, увеличения информационной составляющей в производстве и т.д., но для этого требовались вполне определенные институциональные изменения, нередко представлявшие собой единственную преграду дальнейшего развития.

Человеческая деятельность осуществляется в определенных условиях, основывается на освоенных ресурсах, активно применяемых в качестве факторов производства. Тем самым расширенно воспроизводится многообразие продуктов, формируется искусственная природа человеческого бытия, его предметное поле. Поскольку в хозяйственной жизни общества функциональным является все, то без введения в устой-

¹ Андерсон Б. Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма. М.: КАНОН-пресс-Ц: Кучково поле, 2001. С. 31.

² Подробнее см.: *Инишков О.В., Фролов Д.П.* Человек — институциональная система // Homo institutus — Человек институциональный. С. 210—218.

³ Жирар Р. Насилие и священное. М.: Новое литературное обозрение, 2000. 400 с. С. 29.

⁴ Уточненный вариант исходной формулы, ранее данной в: *Инишков О.В.* Потенциал эволюционного подхода в экономической науке современной России // Экономическая наука современной России. 2004. № 4. С. 42—46.

⁵ См.: *Инишков О.В.* Теория факторов производства в контексте экономики развития: Научный доклад на Президиуме МАОН (Москва, 29 нояб. 2002 г.) / Международная академия организационных наук. Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2002. 92 с.

чивую социальную форму (т.е. без институции) никакое действие, будь то акция, реакция, трансакция, трансформация, трансляция и т.д., не может быть осуществлено. Освоение определенного жизненного пространства создает необходимые ресурсы хозяйственной деятельности (вовлеченные и доступные для использования элементы природного и социального миров), в том числе водные, лесные, человеческие, интеллектуальные, информационные и др., которые формируют богатство страны. Ресурсы присваиваются хозяйственными субъектами и вовлекаются в их деятельность в качестве факторов производства. Непрерывный переход от освоения ресурсов к присвоению факторов обеспечивает накопление богатства и имущества в хозяйственном континууме¹. Институциональной формой условий деятельности является пространство, ресурсов — богатство, факторов — имущество, которые организуются и информационно отражаются в хозяйстве страны.

Каждый фактор путем трансформаций или трансакций создает адекватные ему свойства искусственных продуктов, тогда $Q = F(Tf; Ta)$, где Tf — совокупность трансформационных факторов производства (A, T, M), а Ta — совокупность трансакционных факторов (Ins, O, Inf). Исходя из приведенного выражения, справедливо и другое: $Ins = \varphi(A, T, M, O, Inf, Q)$. Каждая институция зависит от знаний, умений и навыков своего актора; используемых им технических средств; предметов деятельности и среды; внутренней структуры, места и роли в обществе; пространственно-временного континуума и контура осуществляемой деятельности. Кроме того, соединение комплементарных факторов A и T порождает технологии (V) как видовые комплексы взаимодействия человека и техники, а соединение комплементарных факторов Ins и O создает институты как видовые комплексы взаимодействия институций и организаций (W). С учетом этого справедливо: $Q = F(V, M, W, Inf)$, где V и W являются интрафакторами системы производства, а M и Inf — ее оболочкой с «входом» и «выходом».

Институция, социально закрепляя функции человека в его деятельности, относится в одну группу с однородными ей факторами, которые ранее рассматривались только в виде производственных отношений, но не сил. Это позволило выделить в системе производственных отношений функциональную (институциональную), структурную (организационную) и генетическую (информационную) группы. Главной проблемой рационализации и повышения социально-экономической эффективности производства становится достижение необходимого уровня развития, пропорциональности и гармоничности всех взаимодействующих факторов. Институции вводят человека в статус центрального элемента хозяйства, его главного фактора и продукта, поэтому актуальным и значимым становится их изучение в универсальных временном и пространственном аспектах, ведь, «хотя институциональные формы можно изменить быстро, все же, чтобы они оказались устойчивыми, они должны находиться в надлежащем соответствии с самим человеком: они не сохраняют стабильность, если они изменяются намного быстрее, чем меняется сам человек»².

Лишь условно и аналитически можно выделять некий «мир институтов», поскольку социального мира вне институтов и институций вообще не существует. Никакой процесс совместной деятельности людей не может быть осуществлен без «участия» последних, как всеобщего эндогенного, хотя и не центрального фактора человеческой деятельности, закрепляющего и устойчиво воспроизводящего систему общественного и частного разделения труда. Здесь методологически полезным может оказаться предостережение Г.Б. Клейнера, обоснованно полагающего, что «обращение с безусловно важным принципом институтоцентризма требует аккуратности...

¹ См.: Инишаков О.В., Олейник О.С., Слепцов Н.С. О стратегии развития Южного федерального округа // Стратегии макрорегионов России: методологические подходы, приоритеты и пути реализации / Под ред. акад. А.Г. Гранберга. М.: Наука, 2004. С. 192—194.

² Маршалл А. Принципы политической экономии. Т. I. М.: Прогресс, 1983. С. 329.

Мир институтов всепроникающ, но не всеобъемлющ. Кроме институтов, в социальном мире действуют интересы, ожидания, намерения, культурные артефакты и т.д.»¹, то есть, по нашей концепции, институциональные атрибуты, порождаемые, в свою очередь, различными институциями и институтами и немислимые в отрыве от них. В этом смысле институциональное пространство не дискретно, а континуально и целостно.

Вместе с тем необходимо поставить встречный вопрос: а может ли вообще человек выжить в обществе, не будучи включенным ни в какие институты? Да, но лишь осуществляя простое воспроизводство на основе таких институций, как отшельничество, аскетство, одиночество и т.д., непродуктивных с позиций общества.

Интересно мнение Д. Норта, согласно которому институции выступают движущими силами исторического процесса, осуществляя уменьшение «неопределенности путем установления устойчивой (хотя не обязательно эффективной) структуры взаимодействий между людьми»². При этом нельзя игнорировать и значения технологических «прорывов», географических открытий, освоения новых территорий и природных ресурсов, развития человеческого потенциала, прогресса актуальных знаний и способностей людей, развития коммуникаций и др., которые играли не меньшую роль в экономической истории.

Вместе с тем необходимо преодолеть настойчивую фетишизацию институтов в теории и практике. Редукция экономической теории к институционализму, как это предлагает Р. Коуз³, неуместна и лишена оснований, но и игнорирование институционального направления исследований чревато отложенными во времени негативными эффектами.

Зададимся вопросом: действительно ли институты «решают все»? Ведь, несмотря на их неоспоримую значимость, «образцы нашего поведения не могут разрастаться настолько, чтобы подменять решения, которые мы принимаем в жизни!»⁴. Насколько искусственная и экономически не всегда обоснованная институциональная гипертрофия (хотя сейчас такая перспектива может быть интерпретирована как необоснованное фантазерство) соответствует стратегическим задачам экономического реформирования? Рационально ли закладывать в государственные программы и стратегии такой курс? Ведь подобные «перегибы» могут оказаться непосильными для ослабленных инвестиционных возможностей российской экономики, даже при сохранении в среднесрочном периоде позитивных тенденций конъюнктуры на мировых рынках.

Становится реально необходимым баланс количества и качества рыночных институтов, достигаемый на основе мониторинга соотношения издержек их «селекции» («инкубации») в автохтонном хозяйстве или «трансплантации» из аллохтонных хозяйственных систем⁵. От экономической науки требуется разработка системы критериев и показателей эффективности таких процессов, а в дальнейшем — системы индикаторов институциональных, организационных, информационных и, в целом, трансакционных измерений хозяйственной системы. Некоторые методологические продвижения в этом направлении уже осуществлены⁶. Нарушение пропорциональ-

¹ *Клейнер Г.Б.* Агенты и институты: к проблеме институционального выбора // Homo institutus — Человек институциональный. С. 111.

² *Норт Д.* Указ. соч. С. 21.

³ См.: Интервью с Рональдом Коузом // Квартальный бюллетень клуба экономистов. Вып. 4. Минск: ПроPILEI, 2000. С. 17.

⁴ *Мураками Х.* Страна Чудес без тормозов и Конец Света: Роман. М.: Эксмо, 2003. С. 350.

⁵ См.: *Полтерович В.М.* Трансплантация экономических институтов // Экономическая наука современной России. 2001. № 3; *Клейнер Г.Б.* Особенности процессов формирования и эволюции социально-экономических институтов в России: Препринт № WP/2001/126. М.: ЦЭМИ РАН, 2001.

⁶ См.: *Ишиаков О.В.* О стратегии развития Южного макрорегиона России: (Методологические и методические проблемы формирования). Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2003. С. 83—85.

ности факторов в трансакционном триплексе хозяйства России порождает многочисленные локальные и системные противоречия. Поэтому нужен переход к механизму гармонизации условий, ресурсов, резервов, факторов, продуктов, эффектов, процессов общественного бытия.

Теоретической основой его разработки должна стать эволюционная экогенетика, интегрирующая институциональную теорию, теорию организаций и информационную экономику. В рамках общеэкономической теории она должна дополняться исследованиями по инновационной экономике и теории технологических укладов, экологической экономике, теории устойчивого развития, человеческого капитала и др. При этом эволюционная теория не должна замыкаться на какой-либо сфере хозяйства или фазе воспроизводственного цикла, не должна ограничиваться рамками определенного уровня строения хозяйственной системы или сводиться к какому-либо аспекту ее специального анализа (например, институциональному, технологическому или монетарному). В начале XXI столетия необходимость широкого междисциплинарного подхода уже не подлежит сомнению, напротив, замыкание в тесных рамках превратно понятого и искусственно редуцируемого предмета «чистой экономической науки» ведет лишь к непродуктивному самоограничению. Будущее — за эволюционным экогенетическим подходом, конкретно-исторической формой становления которого является преобладающий ныне институциональный фетишизм.

Итак, институции будем понимать как социальные формы типизации и фиксации функций хозяйственных субъектов, определяющие их статусы и роли в воспроизводстве предметного и процессного «миров» общественного бытия, образующие систему отношений функциональной структуры общества. Тогда организации — это социальные формы структуры, возникающие между хозяйственными субъектами на основе их связей в процессе производства и формирующие систему отношений элементной структуры общества. Каждая организация, или учреждение, обеспечивает, устанавливает, внедряет и проводит в жизнь соответствующую ей институцию (чаще — их комплекс). Организация как устойчивая система отношений между субъектами, выполняющими различные функции в процессе достижения общей цели, связывает воедино различные институции, устанавливая их координацию и субординацию, осуществляясь на их основе.

Развитие институций как форм общественного разделения труда необходимо связано с прогрессом экономических организаций как форм его кооперации. Так, по мере возрастания капиталистического уклада «постепенно производство <...> разделяется на различные частичные операции, каждая из которых откристиаллизовывается в исключительную функцию рабочего-специалиста и совокупность которых выполняется союзом таких частичных рабочих»¹. Марксов термин «разделение труда» достаточно метафоричен, ведь труд, будучи процессом универсального, активного, творческого, продуктивного преобразования человеком природы (естественной или искусственной), не может быть разделен на некие части, становящиеся к тому же функциями людей.

То, что К. Маркс называл «разделением труда» суть единство процессов дифференциации частичных трудовых функций и специализации акторов по ним. Первый из указанных процессов отражает изменения в институциональной структуре, а второй — в структуре ее агентов. Своим совокупным действием они дифференцируют исходно бинарную (в силу базового полового «разделения труда») целостность общества в многообразии институций, интегрируя агентов вокруг каждой из них: «Различные работы, создающие <...> продукты: обработка пашни, уход за скотом, прядение, ткачество, портняжество и т.д., являются общественными функциями в своей нату-

¹ Маркс К. Капитал. Критика политической экономии. Т. I. Кн. I: Процесс производства капитала. М.: Госполитиздат, 1951. С. 343.

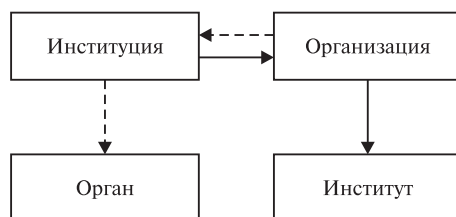

Рис. 1. Категориальное «ядро» институциональной теории

ральной форме, потому что это функции семьи, которая обладает, подобно товарному производству, своим собственным, естественно выросшим разделением труда (курсив наш. — *Авт.*)¹. Из рассуждений К. Маркса следует, что институции представляют собой производительные (не путать с производственными!) функции людей, а также субъектов коллективного действия.

Дифференциация частичных трудовых функций дополняется их интеграцией, а специализация акторов на исполнении конкретных институций сочетается с их кооперацией в качестве агентов конкретных экономических институтов. Это отвечает идеям Г. Спенсера, понимавшего эволюцию как двуединый процесс интеграции и дифференциации, его словами, — «изменение от несвязной однородности к связанной неоднородности»². Взаимосвязь факторов институции и организации в ходе эволюции понималась и К. Марксом, который рассматривал «разделение труда» как основу кооперации, поскольку исполнители частичных функций становятся все более зависимыми друг от друга, развивая свою виртуозность и формируя «связные функции»³, очевидно, исполняющиеся в структурных рамках рабочих групп разных масштабов. Великий ученый писал, что «каждая отдельная группа, известное число рабочих, выполняющих одну и ту же частичную функцию, состоит их однородных элементов и образует особый орган совокупного механизма»⁴, т.е., в нашем представлении, институционально обособленную функциональную часть организации.

Эволюционное взаимодействие функциональных и структурных форм в обществе, т.е. институций и организаций, порождает институты и органы хозяйственной системы, причем институциональная организация становится институтом, а организованные институции — отдельными органами, обеспечивающими функционирование и развитие организации в целом и воспроизводство «своей» институции (см. рис. 1).

Этимологическое значение слова «институция» (от лат. *institutio*) — устройство, образ действия, наставление, учение, указание. Поэтому ее следует понимать онтологически как форму социализации функции, а гносеологически как свод, систему знаний по осуществлению этой функции, как описание данной функции для передачи информации о ней, для обучения, для формирования актора, способного выполнять эту функцию в системе зафиксированных правил, норм, положений, инструкций.

Институт (от лат. *institutum*) — установление, учреждение и организация, посредством которых институции реализуются, т.е. осуществляются сами эти специфические общественные функции или им обучают, передают новым акторам. В этом эволюционная роль институтов как «твердых структур» хозяйственных систем в отличие от «мягких» институций, которые, только «затвердев», системно пере-

¹ Маркс К. Указ. соч. С. 84.

² Spencer H. On Social Evolution (selected writings edited and introduced by D.Y. Peel). Chicago: Aldine, 1972. P. 71.

³ Маркс К. Указ. соч. С. 345—346, 358.

⁴ Там же. С. 354.

даются и сохраняются в новых циклах деятельности, генерациях факторов и продуктов производства.

Институт является типовой организационной формой комплекса однородных институций, обеспечивающей их воспроизводство и гомеостазис как целостной системы социально признанной и необходимой деятельности. Следовательно, институт выступает моделью конкретных организаций, задавая структурно-функциональные рамки формирования устойчивых связей и отношений между их агентами и клиентами. Таковы, например, образовательные, научные, профсоюзные, партийные, религиозные, кредитные и другие учреждения. Поэтому институты неверно сводить к неким социальным рамкам человеческой деятельности, поскольку этот аспект их бытия вторичен по отношению к их сущности. Но их нельзя и отождествлять с конкретными организациями, функционирующими в хозяйстве. Поскольку импульсом возникновения и сущностью любого института являются «его» институции (т.е. те, которые лежат в его основе), то и все обозначения институтов также связаны с понятием функции и действия, указывают на сферу и масштабы, границы и постоянство, роль и место в структуре общества, ценности и образ жизни, а также правила и нормы поведения их агентов.

Орган предстает как институционально выделенная часть, обеспечивающая функционирование организации, в которой «прогресс осуществляется скорее благодаря постепенной адаптации старых органов к новым функциям, чем благодаря их ослаблению и отмиранию»¹. Например, в профсоюзе видовое единство профессионалов является институцией, а ее организация в рамках отрасли — институтом, который представлен локальными организациями на предприятиях с соответствующими органами в виде собраний, конференций, комиссий. Церковь как институт основана на институции христианства, приходской организации с соответствующими органами — попечительскими советами, Синодом, Собором и т. п. В конечном счете орган не может быть сформирован как вне организации, так и вне института. Так различные комиссии и комитеты суть органы государственных институтов, а на предприятии отдельные функции структурируются в форме особых органов — отделов, подразделений, бюро, цехов, профсоюза, кружков контроля качества и т.д. Поэтому органы зависимы от своих институтов, создаются для повышения их устойчивости и эффективности в конкретном, подчас довольно узком аспекте деятельности.

Очень часто одни и те же феномены могут рассматриваться и как институты, и как конкретные формы организации, что во многом зависит от их масштабов. Например, институты кредиторства при их общей содержательной основе могут проявляться в виде меняльной конторы, ломбарда, сберегательной кассы, кассы взаимопомощи, банка, инвестиционного или страхового фонда, любого иного кредитного учреждения. В результате игнорирования масштаба происходит отождествление понятий, характеризующих институты и организации. В этом смысле необходимо различать профсоюз как институт и профсоюзную организацию, институт церкви и храм или монастырь, партию как институт и партийную ячейку и т. д. Предприятие вообще — это институт, но только в его конкретной организации (завода, фабрики, магазина, бюро, автоколонны и т. п.) оно реализует определенное структурное бытие институции предпринимательства.

Следует учитывать, что масштабы и формы организации одного и того же института могут быть различными: предприятия могут быть малыми, средними и крупными; вертикально или горизонтально интегрированными; сетевыми, матричными и «виртуальными» и т.д., что не отменяет их общей структурно-функциональной основы. В юридическом аспекте предприятия могут быть институционально учреждены в

---

¹ Кули Ч.Х. Человеческая природа и социальный порядок. М.: Идея-Пресс: Дом интеллектуальной книги, 2000. С. 41.

формах акционерного общества или союза, хозяйственного общества или товарищества, муниципального, унитарного, совместного предприятия и т.д.

Кроме того, в современной науке закрепилось стремление к идентификации (выявлению) функций тех или иных институциональных форм (например, малого бизнеса, предприятий¹, государства и т.д.), а также организаций и институтов в целом². Такой аналитический прием методологически ограничен, поскольку речь должна идти не о функциях института как такового или его организационной формы, а об институциях, составляющих основу их деятельности, отражая разделение труда внутри хозяйственных субъектов коллективного или надындивидуального действия.

Институции и институты, организации и органы хозяйственной системы непрерывно осуществляют замысловатый метаморфоз, «сворачиваясь» в устойчивые и стабильные социальные формы бытия и «разворачиваясь» в многообразие их эволюционных проявлений. По сути «в динамике истории становление выражено судьбами и деяниями людей, а ставшее — в надличностных результатах их деятельности и в институтированных формах общественной организации»³. «Ставшее» здесь понимается, конечно, условно, т. е. в актуальном социальном времени, поскольку с позиций процессуального подхода любой институт есть процесс, в котором единство бытия и небытия выражает развитие в форме становления.

Посредством Конституции как Основного закона и свода необходимых и достаточных правовых норм общество отбирает и закрепляет полезные институции, координируя их на основе общественного консенсуса и компромисса, в результате чего происходит консолидация их многообразия в единстве государственной системы. Но Конституция, как свод согласованных статусов, может быть принята всеобщей организацией — Конгрессией (исходя из понятий ингрессии и депрессии в тектологии А.А. Богданова) лишь на основе решения особого уполномоченного органа. Им становится Собор, вече, сход, ассамблея, съезд, Верховный или Государственный совет, референдум, конгресс, конференция или иная форма общенационального или народного собрания как институциональный орган общественного представительства. Обосновывая конституционные и конгрессионные принципы общественного устройства, следует исходить из того, что «не человек существует для государства; наоборот — государство существует для человека»⁴. Государство — консолидированный институциональный агент общества. Фундаментальный анализ конгрессионного воздействия общества на государство и обоснование конституционных предпосылок эффективного развития хозяйства⁵ необходим, чтобы преодолевать государственно-монополистические тенденции, как это было в период СССР, или противостоять государственно-монополистическому капитализму и крупным частным монополиям, как это происходит в ходе современных реформ в России.

Конечно, «в каждом обществе существуют стихийные зависимости, не связанные с формальными общественными установлениями и зачастую противоречащие конституции»⁶. Но и они опираются на сложившуюся неформальную институциональную структуру, которая будет со временем воспринята или отвергнута обществом. При этом «конституционный закон приобретает тем большую важность, чем больше

¹ См.: *Клейнер Г.Б.* Эволюция институциональных систем. М.: Наука, 2004. С. 100—106.

² См., напр.: *Лебедева Н.Н.* Институциональная экономика: Лекции, тесты, задания: Учеб.-метод. пособие. Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2004. С. 50—56.

³ *Туровский М.Б.* Философские основания культурологии. М.: РОССПЭН, 1997. 440 с. С. 339.

⁴ *Маритен Ж.* Указ. соч. С. 21.

⁵ См.: *Баренбойм П.Д., Лафитский В.И., Май В.А.* Конституционная экономика. М., 2001. С. 8—9.

⁶ *Фергюсон А.* Опыт истории гражданского общества. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2000. С. 202.

социетальное сообщество отделяется от своего государства»¹ как господствующего института.

Выступая общественно значимым сложным фактором прогресса, формируясь на пересечении трансакционных движущих сил человеческого бытия, институции подтверждают социальное свойство действия и функциональное состояние его субъектов. В организованных на их основе институтах фиксируются общественные нормы, правила, форма реализации и оценки способов действий субъектов, воспроизводящиеся в образе жизнедеятельности особых социальных групп, слоев и индивидов.

Постоянным выполнением устойчиво закрепленных за отдельными индивидами, их группами и сообществами функций институции порождают особое состояние или положение как своих акторов, так и других, не входящих или входящих в другие институты людей, а также их групп и сообществ. В итоге определяются и дифференцируются их социальные статусы, которые суть продукты институций, вводящих хозяйственных акторов в определенное социально закрепленное достоинство и положение.

Возникают и нормы выполнения социально признанной (формально или неформально) функции, а также правила, порядки, алгоритмы, обряды, ритуалы, законы, принципы ее реализации. Норма связана со статусом, она его критерий, показывающий соотношение данной институции с социальными формами закрепления функций общественно необходимого среднего труда. «Каков бы ни был тип общества, жизнь конкретного человека обусловлена последовательными переходами от... одного рода деятельности к другому. Там, где переход от одной деятельности к другой является жизненной вехой, он сопровождается особыми действиями»², основанными, если продолжить эту мысль, на институциональных атрибутах. К последним также относятся различные формы проявления статусов — должности, чины, звания, титулы, регалии, церемонии и т.д.

Как справедливо считал А. Маршалл, хотя экономическую науку особенно интересуется та сторона жизнедеятельности человека, «где он чаще всего высчитывает выгоды и невыгоды какого-либо конкретного действия, прежде чем к нему приступить», не менее важна и «та сторона его жизни, в которой он, следуя привычкам и обычаям, поступает в данный момент без предварительного расчета, но при этом сами эти привычки и обычаи почти наверняка возникли в процессе тщательного выявления выгод и невыгод различных образов действий»³. При этом «то, что делает один образ действий предпочтительнее другого, вовсе не обязательно сводится к корыстной или материальной выгоде»⁴, ведя не только к повышению дохода, но и к экономии издержек, в том числе институциональных, за счет преодоления таких ситуаций, которые могут «подмочить репутацию», спровоцировать неловкость («онокфузить»), «выставить в дурном свете», создать неудобное или «затруднительное положение», «накалить обстановку», вызвать нарекания, унижить и т.д.

Поскольку институции, с одной стороны, соответствуют потребностям людей и обладают полезностью, а с другой — требуют осуществления затрат на их воспроизводство, то они обладают стоимостью. Отношение полезности к стоимости выражает ценность институции в статусе, который она присваивает своему актору. Изначально статус существует как продукт институции, пока он производится как бы для себя. Объединенные общим статусом акторы формируют институт. Посредством их статус обладает полезностью и стоимостью не только для своего носителя, но и для общества. Когда статус начинают производить для других, на продажу, он превращается в товар, а производящая его институция — в капитал, приносящий доход. Поэтому ста-

¹ Парсонс Т. Система современных обществ. М.: Аспект-Пресс, 1997. С. 34.

² Геннеп А. ван. Указ. соч. С. 8—9.

³ Маршалл А. Указ. соч. С. 76—77.

⁴ Там же. С. 77.

тус, как единство блага и затраты, т.е. как товар, можно создавать, распределять, потреблять, обменивать, продавать, покупать, дарить, наследовать, сдавать в аренду, терять и т. д., получая при этом возмещение произведенных затрат, доход, неся соответствующие издержки и потери, порождая эффекты и ущербы.

Институциональный капитал — одна из конкретных форм капитала, отражающая возможность получения дохода за счет приобретения статуса теми или иными субъектами хозяйствования, обусловленного их принадлежностью к определенным институтам. В этих организованных системах отношений интегрируются большие группы людей на основе признанного их участниками механизма согласования общих интересов, предусматривающего определенные правила, нормы, традиции и стимулы воспроизводства сложившихся ценностей. Издержки институционального капитала также можно разделить на индивидуальные (для создания статуса отдельным институтом) и общественно необходимые (средние для создания наиболее массовых статусов распространенных в обществе институтов). Представляется целесообразным выделять как индивидуальную, так и общественную потребительную стоимость института и даваемого им статуса.

Институты, присваивая посредством вменяемых институций своим агентам постоянные роли, как особым действующим лицам с закрепленными типическими «надындивидуальными» качествами, обуславливают их общественную ценность для исторически конкретных условий жизни. Агенты институций определяются, отождествляются и различаются через их положение и состояние, чин и сан, звание и степень, должность и статус, поддерживаемые социальными формами закрепления их функций. В институциональных понятиях отражается функциональная дифференциация бытия, которая есть условие и результат аспектной интеграции в рамках институтов всех их агентов с однородными признаками жизнедеятельности.

Прежде, чем продолжить дальнейшее раскрытие методологических основ концепции, следует сделать важное отступление, касающееся лингвистических особенностей изложения институциональных идей в данной книге.

3. Пространство институциональных номинаций в русском языке

Богатство русского языка все больше становится востребованным в социологических и экономических исследованиях, что выдвигает задачу развивать и лингвистические основы институциональной теории. Работа, начатая в этом направлении, позволила обнаружить, что одним из средств фиксации в структуре слова значения институции явилась общая лингвистическая форма в виде существительных, оканчивающихся формантом *-ство*. Эта большая группа сложившихся в древности словоформ с характерными отличительными признаками, в значительной мере определяющими их назначение, претерпевала смысловые и употребительные исторические трансформации, но во многом сохранила свою специализацию в обозначении институций, проявившуюся даже в жаргоне и неологизмах современной эпохи¹.

В словах, называющих институции, корневая морфема раскрывает содержание конкретного действия, а к ней обязательно добавляется формант *-ство*, выражающий связь с обществом. Такие слова называют понятиями, обозначающие объективно и социально обусловленную, но обязательно постоянно возобновляемую деятельность или устойчиво воспроизводимое действие в обществе посредством системы связей и отношений последнего.

¹ См.: Функционирование русского языка как государственного языка Российской Федерации в Волгоградской области: Материалы расширенного заседания Ученого совета Волгоградского государственного университета, 28 июня 2002 года. Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2002. 80 с.

Данная лингвистическая модель в русском и других «славянских языках сформировалась как способ прямой или косвенной фиксации (маркировки) абстрактной семантики слова для выражения совокупности признаков особого типа, связанных с наличием определенной функции и статуса, закрепляющих актора в социальной структуре и являющихся продуктом его институционализации на основе иерархии, субординации, координации, интеграции, дифференциации, дополнения, комбинации, кооперации, замещения, смещения, поглощения, пересечения, включения и т.д. субъектов и их свойств, действий, состояний, отношений»¹.

Наиболее частотны в исторических и современных экономических текстах слова, обозначающие институции: *общество, хозяйство, производство, средство, богатство, воровство, предпринимательство, казначейство, государство, министерство, правительство, купечество, крестьянство* и др. Все они являются существительными среднего рода на *-ство*. Существительные, образованные по такой модели, могут использоваться для называния формально и неформально, легитимно и нелегитимно, позитивно и негативно закрепленных действий, имеющих общественное значение. В семантике таких существительных может содержаться указание на запрет или разрешение выполнять определенные функции, а также указание на их общественную оценку, например: *баловство* или *мастерство, лихачество* или *геройство, достоинство* или *лишенство, творчество* или *убийство, домоводство* или *домогательство, рыцарство* или *хамство, злодейство* или *доброжелательство, изящество* или *излишество, казначейство* или *казнокрадство, мародерство* или *меценатство, доброхотство* или *дуже губство* и т.п.

Многообразием форм институций обусловлено «появление ситуаций, в которых слова на *-ство* выступают в функции общеупотребительных номинативных единиц в непринужденном общении, активно используются в составе новых сочетаний, в том числе сленговых (*мажорство, диджейство, рэпперство, тинейджерство, лоховство* и т.д.), ассоциативно-поэтических (*единочество*) и др.»².

При потере отдельными функциями общего значения и масштабности они возвращаются в состав обычных незакрепленных, случайных, спонтанных или скоротечных действий, частично теряют величину своей социальной ценности. Они перестают быть институциями, трансформируясь в обычные промежуточные действия, устойчиво не разделяющие и не объединяющие индивидов и их группы по роли и месту в процессе общественного бытия. Практически нельзя долго или постоянно, повторно или регулярно, многократно или непрерывно *превышать, предвидеть, предвещать, предзнаменовать, предостерегать, превращать*. Эти действия возможны только как фрагменты постоянного потока событий бытия, поэтому от этих глаголов образуются существительные на *-ие, -ье*, например: *предвидение, предзнаменование, предостережение, превышение, предвестье, превращенье* и т. п. Они не выражают образ жизни и долго длящейся деятельности.

Но поскольку возможно долго или постоянно, повторно или регулярно, многократно или непрерывно *представлять, предстоять, председательствовать, предавать, превосходить, пребывать*, то существительные, отражающие институциональные формы человеческого бытия, образуются с помощью форманта *-ство*: *представительство, предстательство, предательство, председательство, предводительство, превосходительство, пребывательство*. Аналогичные различия можно установить у таких однокоренных слов, как *покушение — покуительство, искушение — искуительство*. Если первые члены в парах обозначают единичные действия, то вторые называют постоянные, долговременные действия, превращающиеся для их исполнителей в

¹ Тупикова Н.А. Гл. 29. Содержание и выражение институциональных понятий в русском языке // Homo institutus — Человек институциональный. С. 646.

² Там же. С. 654.

социальные роли или социально закрепленные и оцененные функции, а сами исполнители становятся социальными персонажами.

Переход от одной роли к другой (регулярной или нерегулярной) противоречит закреплению функции как общественно значимой постоянно исполняемой роли. Так, слова *покупатель* и *продавец* не используются для обозначения соответствующей институции, поскольку называют людей, социальные роли которых постоянно меняются, несмотря на многократное повторение. А для обозначения институций могли бы использоваться зафиксированные в Толковом словаре В.И. Даля устаревшие существительные *покупание* и *продавание*, которые постепенно вытеснены исконно русскими и привычными современникам словами — *покупка*, *купля* и *продажа*.

Отсутствие институциональности касается и действий, которые незакончены, несамостоятельны или являются частью, операцией в других действиях, не выделены в процессе общественного разделения труда. Существительные, которые называют отдельные действия, составляющие части более длительного процесса с общим результатом, то есть элементы функций, представляющих институциональные виды деятельности, являются образованиями на *-ие*, *-ье*, например: *кошение*, *доение*, *боронование*, *кормление*, *прошение*, *моление*, *катание*, *ношение*, *ведение*, *умение* и т. п. Эти понятия фиксируют сменяемые операции, стадии или фазы общих процессов, хозяйства, растениеводства или животноводства.

Особое место занимают закрепленные временные стадии, фазы, операции деятельности, на которых обоснованно или интуитивно, рационально или эмоционально, специально или спонтанно «заикливаются» субъект, создавая рутины, например: *украшательство*, *укрывательство*, *рассужденчество*, *прожекторство* и т. п., которые становятся негативными способами закрепленной деятельности.

Одни и те же действия, рассматриваемые как постоянные и статусные или разовые и не имеющие социальной формы закрепления и оценки во времени и пространстве данного сообщества, могут иметь две языковые формы выражения — актовую и институциональную, образованную от глаголов, обозначающих действие: *поручение* и *поручительство*, *убиение* и *убийство*, *суждение* и *судейство*, *правление* и *правительство*, *потребление* и *потребительство*, *произведение* и *производство* и т. п. Но институциональные формы также могут не иметь однокоренных аналогов в актовых, когда они образованы от существительных, обозначающих субъекта действия. Например: *руководство*, *казначейство*, *пиратство*, *кулачество*, *студенчество* и т. п.

Проведенные компаративные лингвистические исследования институциональных номинаций показали: «Англосаксонские институциональные образы и концепты, как правило, номинативно и информативно насыщены, детализированы, их семантическая “картинка” предельно детализирована и визуализована, чего не скажешь о слабо сфокусированных (эврисемантических) номинациях русскоязычной лингвокультуры, представленных синкретично. Это обстоятельство во многом связано с типом ментальности “языковой личности” сопоставляемых лингвокультур — преимущественно соборным, коллективистским мировоззрением россиян и прагматическим индивидуализмом англосаксов»¹. Это также отражает процесс вызревания институтов в разных обществах и культурах, их современную зрелость.

Хотя институции суть формы общественного разделения и кооперации деятельности, формирующие связи функций общественного бытия, они сами выступают содержанием институтов. Последние уже теряют общий формант в своих названиях, поскольку выражают организационную форму функциональной формы, а их номинации более разнообразны как закрепляющие более отстоящие от сущности явления жизни. Вместе с тем в родственных языках наименование институции подчас перенос-

¹ Астафурова Т.Н., Олянич А.В. Гл. 30. Типология и классификация институциональных номинаций в англосаксонской лингвокультуре // Homo institutus — Человек институциональный. С. 677.

сится и на институт, подчеркивая его социальную значимость, но не принимая во внимание различие социальных форм функции и структуры: так, в украинском языке существует слово «підприємство», переводимое на русский как «предприятие». Но возвратимся к методологической основе концепции.

4. Уровни строения и векторы эволюции институциональной системы общества

Исследования, проведенные в рамках экогенетической теории факторов производства, показали, что некоторые из этих инвариантных движущих сил индивидуального, коллективного и общественного развития являются взаимодополняющими (комплементарными)¹. Возникают устойчивые факторные дуплексы, характеризующиеся как устойчивые единства противоположностей, — «человек — техника» (*A-T*) и «институция — организация» (*Ins-O*). Данные комплементарные наборы жестко связаны в рамках трансформационного и транзакционного блоков производственных факторов.

Эти неразрывные бинарные связи факторов формируют сложные факторы первого порядка, — соответственно, технологии и институты. Человек, в полной мере овладевший определенной техникой, обретает статус мастера, а индивид, в полном объеме включенный в некий институт, становится его агентом.

Воспроизводство указанных факторных дуплексов в ходе эволюции хозяйственной системы означает технологизацию и институционализацию ее пространства. Тем самым получает объяснение, казалось бы, необъяснимое более, чем столетнее противостояние сторонников технологического и институционального детерминизма экономического прогресса. Технологизация означает *облегчение* человеческой деятельности при помощи особого класса предметов (орудий труда, или техники в более широком истолковании) между актором и объектом его деятельности. Институционализация предполагает *упорядочение* действий и взаимодействий людей и их коллективов, общественной жизни в целом.

Диалектика двух выявленных факторных дуплексов состоит в том, что, с одной стороны, технологические нормы и институты упорядочивают использование различной техники в хозяйственных процессах, а, с другой, — институциональные технологии облегчают взаимодействия агентов разных институций.

В институционализации субъектов, понимаемой как диалектически противоречивое, но неразрывное единство их институции и организации, выражается их устойчивая способность к определенному действию и способу его реализации. Поскольку в книге исследуется институциональный фактор отечественной хозяйственной системы, то акцент изучения хода и последствий институционализации на каждом ее историческом этапе смещен на макроуровень. Применительно к его субъектам и объектам институционализация трактуется как институциональная организация экономического пространства. В ее ходе происходит формирование отношений и перераспределение прав собственности, установление порядков и распорядков деятельности, закрепление устойчивых комбинаций институции с другими факторами производства в рамках хозяйственного уклада. Институционализация включает институцио- и институтогенез, но представляет собой по отношению к ним вторичный процесс, т.к. осуществляется на базе уже действующих институций, институтов и соответствующих механизмов, как формирующих компромисс институциональных интересов (*status quo*) и новый «облик» хозяйственного устройства, так и отторгающих или под-

¹ См., напр.: *Ишakov O.B.* О стратегии развития Южного макрорегиона России: (Методологические и методические проблемы формирования). Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2003. С. 18.

держивающих старей. Такой трактовке адекватно образное понимание данного процесса как волны, захватывающей большие отрезки исторического времени.

Наличие конкуренции между институциями за своих потенциальных агентов, причем часто в достаточно жестких формах, не подлежит сомнению. Ассоциированным интересом агентов любой институции является овладение максимальным «объемом» экономического пространства, что позволит им извлекать ренту, близкую к монополю. При этом существенно облегчается согласование взаимодействий агентов между собой, повышается их социальная значимость (за счет относительного роста ранга данного статуса), расширяются возможности, «стираются» многие ограничения деятельности и т.д. В целом, поскольку функцией-минимумом любого институционального субъекта является непрерывное воссоздание себя как элемента социальной реальности, т.е. простое воспроизводство собственной целостности, то курс на максимизацию количества агентов оправдан, поскольку тем самым усложняется ликвидация данной институции, она все более «укореняется» в общественной жизни, становится незаменимой (хотя и у этого процесса есть рациональные границы). Институциональные же альтернативы имеются всегда, и конкуренция между ними представляет собой объективную закономерность общественного развития.

Поэтому, как будет показано в ходе эволюционного анализа институционального фактора российского хозяйства, проблемы элементной или системной ликвидации дисфункциональных или неэффективных институций и институтов занимали большое место в трудах отечественных мыслителей и государственных деятелей во все времена. Такие преобразования неизменно наталкивались на противодействие со стороны консерваторов, стремящихся по-прежнему извлекать выгоды из неэффективной для общества институции или института. Но наряду с конкуренцией институций объективно действует и принцип их дополнения в «наборах» отдельных хозяйственных субъектов и общества в целом.

Отношения, отражающие организацию и персонификацию институций в институтах, принадлежат различным по своим масштабам и параметрам, сферам и уровням, секторам и отраслям, пространствам и временам общественного бытия. Основу типологии и классификации социальных институтов формирует своя система критериев. Наиболее актуальная концепция типологии и классификации экономических институтов в отечественной науке была предложена Г.Б. Клейнером, который выделяет в качестве критериев следующие: тип и вид субъектов, сферу принятия решений, время возникновения, устойчивость, степень формализации, механизмы информирования и контроля институтов¹. В соответствии с таким подходом институты делятся по уровням на макро-, мезо-, микро- и наноэкономические.

Иные аспекты предполагают выделение всеобщих, частичных и единичных институтов, или базисных и вспомогательных. При этом предусматривается, что на пересечении критериев выделения возникают многосторонние характеристики конкретных институтов. Отдавая должное прогрессивности и эвристическому потенциалу этого подхода, следует заметить, что пока за рамками рассмотрения остается множество разнообразных возможных аспектов классификации. Их применение способствовало бы созданию более полной модели данного феномена и развитию отражающей его научной категории в богатстве их содержания и многообразии форм проявления. Это необходимо для описания их выделенных типов и видов, органично составляющих совокупную институциональную систему данного общества.

Особый интерес для развития системной методологии классификации институтов представляет попытка построения иерархической четырехуровневой пирамиды эволюции институций в единстве онтологического и гносеологического планов, ко-

¹ Клейнер Г.Б. Указ. соч. С. 21—25.

торая представлена О. Уильямсоном на его известной схеме¹. В реальности предложенная им модель подтверждается не только многими фактами истории и актуальной практики, но и отражает познание и практическое развитие институционального фактора хозяйства во взаимосвязи его элементов.

На исходном уровне «социальной включенности» находятся «прародительские» нормы, обычаи, правила, нравы, традиции, ритуалы, обряды, религии, которые стали базовыми рутинами современного общества и его организаций, глубоко укоренившись в сознании людей, став функциональными элементами генов их социальной наследственности². Этот фундаментальный слой институций исторически включал в себя, видимо, понятия, которые позволяли человеку выделить себя из природы, действовать в обществе, осознать свою суть и функциональные характеристики, обусловленные принадлежностью к определенной общности. К ним представляется возможным отнести: *существо, пространство, вещество, естество, качество, количество, единство, множество, чувство, свойство, убийство, яство, людоедство, человечество, творчество, божество, родство, воинство, звероловство, преемство, средство, собирательство, производство, хозяйство* и др.

Самые глубинные институции «подобно ветрам, налетающим невзвесть откуда и дующим, куда им захочется, ...происходят из туманного далека»³, граничащего с выделением человеческого сообщества из природного мира. Многие из понятий исходного уровня претерпели не одну историческую и межкультурную трансформацию, изменили лингвистические формы, некоторые исчезли в длительном эволюционном процессе становления современного общества. Ведь «слова имеют свою историю и с течением времени изменяются в своем значении. Это — несомненная истина, однако мы, формируя свои представления о каком-нибудь новом вопросе, очень часто забываем эту истину или упускаем ее из вида, что порождает недоразумения»⁴.

Выяснению истины могут способствовать совместные исследования историков, лингвистов, этнографов, антропологов, культурологов и других представителей различных областей знания. Но в книге рассмотренная лингвистическая форма фиксации институций уже используется.

Хотя анализ исходного онтологического и гносеологического институционального уровня предпринимается чаще представителями философии, социологии, истории, культурологии, этнографии⁵ и принимается как данность большинством ученых всех направлений, он методологически важен для экономистов. Институции этого уровня меняются веками и тысячелетиями, порождая чрезвычайно прочные институты (семью, род, общину и др.), позволяя многим неофициальным ограничениям и

¹ См.: *Williamson O.E.* Transaction Cost Economics: How It Works; Where It Is Headed // *The Economist*. 1998. 146:1. P. 23—58.

² См.: *Рэдклифф-Браун А.Р.* Структура и функция в примитивном обществе. Очерки и лекции М.: Восточная литература РАН, 2001. 304 с.; *Геннеп А.ван.* Обряды перехода. Систематическое изучение обрядов. М.: Восточная литература РАН, 1999; *Тайлор Э.Б.* Первобытная культура. М.: Политиздат, 1989; *Кули Ч.Х.* Человеческая природа и социальный порядок. М.: Идея-Пресс: Дом интеллектуальной книги, 2000; *Ростовцев М.И.* Общество и хозяйство в Римской империи: В 2 т. СПб.: Наука, 2001; *Бурдые П.* Практический смысл. СПб.: Алетейя, 2001; *Нельсон Р.Р., Уинтер С.Дж.* Эволюционная теория экономических изменений. М.: Финстатинформ, 2000.

³ *Фергюсон А.* Указ. соч. С. 189.

⁴ *Веселовский С.Б.* Село и деревня в северо-восточной Руси XIV—XVI вв. М.; Л.: ОГИЗ, Гос. соц.-экон. изд-во, 1936. С. 12.

⁵ См. также: *Banfield E.C.* The Moral Basis of a Backward Society. N. Y.: Free Press, 1958; *Putnam R.D., Leonardi R., Nanetti K.Y.* Making Democracy Work: Civic Traditions in Modern Italy. Princeton: Princeton U. Press, 1993; *Huntington S.P.* The Clash of Civilizations and the Remaking of World Order. N. Y.: Simon and Shuster, 1996; *Nee V.* Sources of the New Institutionalism // *The New Institutionalism in Sociology* / M. Burton and V. Nee, eds. N. Y.: Russel Sage, 1998. P. 1—16; и др.

разрешениям долгосрочно и в большой степени определять характер хозяйствования и иной социальной деятельности¹.

Для последующей видовой классификации важно, что масштабность и связи этих институций различны: одни — функциональны в рамках всего общества, другие получают символическую ценность в отдельных обособленных социальных группах; некоторые существуют обособленно и долговременно; многие тесно связаны с дополняющими их формальными и неформальными институтами и в большей мере подвержены модификации и модернизации².

Посредством механизмов креации, интериоризации, интернализации, мультипликации, легализации, инерции и т. п. институции стремятся занять все доступное социальное пространство человеческой деятельности, интегрировать его, сделать устойчивым и однородным посредством распространения единых норм, правил, соглашений и статусов для всех субъектов и агентов социализации³. Упорядоченность, возникающая при образовании, внедрении и распространении институций и институтов в жизни общества, инициирует и скрепляет его организацию, воспроизводит институциональную традицию в обычаях, нормах, ценностях, обрядах, ритуалах, церемониях и т. п.

Но изолированные и переходные сообщества часто воспринимают такие «сверхустойчивые» механизмы, присущие другим сообществам, как отрицательные блага и принимают меры защиты от «чужих ценностей», хотя иногда все же «трансплантируют» их в свое социальное тело, определенным образом адаптируя и модифицируя.

На втором уровне располагаются институции лишь в основе, частично обусловленные стихийными процессами, с чертами сознательной, намеренной организации жизни общества. На неформальном фундаменте возводятся формальные правила, что открывает возможности для экономизации общих институтов первого порядка: *государство, богатство, имущество, наследство, опекунство, рабство, крепостничество, купечество, ростовщичество, данничество, крестьянство, предпринимательство* и др.

Изучение институций реализации собственности в большой степени основывается также на втором уровне этой эволюционной схемы. Особое значение здесь приобретают организационный и правовой механизмы функционирования общества. Результаты исследований институций реализации собственности на факторы производства демонстрируют как сильные, так и слабые стороны ранних исследований XX столетия.

Существенный недостаток этих исследований заключается в том, что они совершенно проигнорировали неформальные проявления институциональной реальности и поместили права собственности в фокус внимания и тем самым создали предпосылки для правовой ориентации последующих разработок⁴. Слабость проведенных исследований также заключается в абсолютизации значимости правовых институтов. Например, утверждение, что правовая система может устранить хаос путем определения и осуществления прав собственности, предполагает, что определить и осуществить такие права легко, поскольку это не требует никаких затрат.

Но подавляющее большинство решений, актов и сделок не вписывается в рамки этих рассуждений. Это обуславливает необходимость пойти дальше изучения «правил игры» в собственности и исследовать механизм выбора методов, потенциала ин-

¹ См.: North D. Institutions // J. of Economic Perspectives. 1991. 5:1. P. 111.

² См.: Williamson O.E. Op. cit.

³ См.: Granovetter M. Economic Action and Social Structure: The Problem of Embeddedness // Amer. J. of Sociology. 1985. 91:3. P. 481—510; Smelser N., Swedberg R., eds. Introduction // The Handbook of Economic Sociology. Princeton: Princeton U. Press, 1994. P. 18.

⁴ См.: Alchian A. Some Economics of Property. RAND Corporation D-2316, 1961; Coase R.H. The Federal Communication Commission // J. Law Econ. 1959. 2:2. p. 1—40; Coase R.H. The Problem of Social Cost // J. Law Econ. 1960. 3. p. 1—44; Demsetz H. Toward a Theory of Property Rights // Amer. Econ. Rev. 1967. 57:2. P. 347—59.

струментов и полноты форм «комбинации игры» в контрактах. Именно поэтому во второй половине XX века появилось новое направление институциональных исследований, связанное с управлением контрактными отношениями, которое активно развивается и в России в связи с формированием рыночных механизмов.

На третьем уровне располагаются институции управления: *правительство, наместничество, партнерство, товарищество, губернаторство, представительство, исполнительство, распорядительство, чиновничество, земство, министерство, ведомство, директорство* и др. Без их институтов, хотя собственность остается основным фактором, идеальное функционирование хозяйственной системы, определение и выполнение контрактов не представляется реальным. Ведь «первичный социальный контроль задан существованием института как такового»¹.

На этом уровне управление контрактными отношениями в конкретных актах и сделках становится новым фокусом институционализации, цель которой — снижение трансакционных издержек в деятельности хозяйственных субъектов, связанных с неопределенностью и неполнотой информации в их деятельности. Это позволяет говорить о развитии фазовых, стадийных, сегментных, микро- и наноуровневых видов институций, которые также должны быть классифицированы.

На четвертом уровне схемы О. Уильямсона анализ институций соприкасается с методами их оптимизации, маржинального анализа, при решении проблемы оптимальности на микроэкономическом уровне. В этом случае обычно фирма представляется как производственная функция. Следовательно, неминуемо подходим к пониманию институции как особого фактора производства, воплощенного в его издержках и продукте. Но тогда необходимо признать, что институция есть фактор всякого производства, в любых масштабах, на всех уровнях. Если это так, то она должна структурно согласовываться и функционировать с другими такими же факторами.

На этом уровне анализа задачи исследований конкретизируются в оптимизации совокупности применяемых факторов с целью получения максимума продукта или минимизации всех видов факторных издержек производства посредством предпринимательства, изобретательства и рационализаторства. При этом актуально не только углубленное исследование этой оптимизации на микро-, мини- и наноуровнях, но также в макро- и мезоэкономическом аспектах. Поэтому факторный и многоуровневый подходы нашли отражение в данной книге при трактовке исторически и теоретически рассматриваемых идей и позиций ученых, а также практики институционализма в хозяйстве России.

Характеристикой эволюции общества являются изменения, происходящие в используемых им факторах и ресурсах производства и хозяйственных механизмах, в созданном его членами предметном мире и типичном для данной эпохи мировоззрении. Социум, эволюционируя, меняет созданные им или до него институции и институты.

Если в общеэкономическом смысле эволюция представляет собой единство процессов освоения и насыщения пространства хозяйственной системы во времени, то в институциональном ракурсе она характеризуется установлением порядков и распорядков действий и взаимодействий акторов, определением их норм и правил, статусов и соглашений, интересов и ценностей. Тем самым создается база социальной стратификации, которая закрепляется в прогрессе механизмов экономической организации и информации субъектов.

Эволюция институций и институтов характеризует метаморфоз их рутины и новации, т.е. переход старого в новое и становление нового старым с поправкой на целевую функцию хозяйственных акторов одного социального типа. Причем, если инно-

¹ Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности: Трактат по социологии знания. М.: МЕДИУМ, 1995. С. 93.

вазия понимается как формирование институций (создание новых или коренное изменение сложившихся социальных форматов, раздвижение функциональных границ жизни, изменение параметров гомеостаза), то рутинизация предстает процессом форматирования параметров социально-функциональных модификаций адекватно существующим комплексам институций (sets of institutions), т.е. как приспособление изменений в алгоритмах и механизмах общественного бытия к уже заданным рамкам, можно сказать, — «вписывание» нового в сложившиеся границы приемлемого. В институциональном смысле информация суть диалектическое единство процессов формирования и форматирования обществом и его акторами функциональных основ хозяйствования.

Генеральный тренд институциональной эволюции отражает экофункциональные параметры гомеостаза хозяйственной системы в каждый момент времени, но реальная эволюционная траектория неизбежно расходится с оптимальной, характеризуя агрегированное воздействие на нее множества возмущений. Суть эволюции институциональных систем — в непрерывном смещении от упорядоченного хаоса к хаотическому порядку и обратно, порождающем широкий спектр оперативных, тактически и стратегически реализуемых акторами моделей поведения. Состояние балансирования между крайностями является нормальным и для отдельного «человека институционального», и для системы институтов страны в целом. Если трактовать эволюцию как нормальное движение, ход хозяйства, то революция предстает своего рода выходом за границы институционального «русла», т.е. отрицанием параметров обычного хода, а инволюция отражает возврат к параметрам устойчивого хода, т.е. в нормальное русло общественно-исторического прогресса.

Как вариант эволюции институциональных систем, трансформация представляет собой процесс их перехода в новую социально-функциональную форму. В переходные эпохи акторы не спешат отказываться от старых институтов, но вынуждены вступать в новые системы коллективных действий, вследствие чего их исходное социальное качество постепенно «размывается», тогда как параметры целевого состояния еще не достигнуты. Экономическая трансформация предполагает революционное преобразование, когда кардинально меняется соотношение форм собственности, а также структура ее субъектов. Хозяйственная система со всеми ее акторами как бы погружается в «сумрак», т.е. входит в зону институциональной бифуркации, где соотношение инновационной интенсивности и рутинной резистивности (сопротивляемости) определяет успех или неудачу трансформации.

Конкуренция старых и новых институций сопровождается издержками, убытками, потерями и шоками для их агентов, преодоление которых возможно на основе государственной политики поддержки социально незащищенных групп и слоев населения. Меняется атрибутивное поле экономических трансакций и интеракций: возникшие и распространенные ценности и нормы, многократно воспроизводясь, расширяют пространство своих «прозелитов», побуждая к имитации и пропаганде их выгоды, но при этом стимулируют антагонизм приверженцев (часто латентных) старых институций и порядков. Неадекватное отражение действительности в ходе трансформации ведет к необоснованному творчеству воображаемых институций, а, в масштабах всего общества, — к массовому «клонированию» иностранных институтов, т.е. воспроизведению их в отечественном экопространстве по готовым образцам из других хозяйственных систем.

Человек, как хозяйственный субъект, присваивая природу и отчуждая в нее свои силы, преобразует ее по своей мерке, создавая искусственный антропогенный мир, и в этом преобразовании изменяет себя, постоянно преодолевая ограничения. Поэтому вектором институциональной трансформации должен быть переход в новое социально-функциональное качество с преодолением негативных и удержанием позитивных черт старого. Широкие возможности для этого открывает адаптация к сво-

им и окружающим институтам и институциям, а также к их грядущим изменениям, представляющая собой реактивное приспособление общества и его акторов к вариациям институциональных условий.

Модернизация, как форма институциональной эволюции, представляет собой глубокое, коренное обновление институтов и институций для приведения их в соответствие с изменившимися условиями. В силу объективно присущей им инерционности, институты и институции, в которых акторы задействованы в качестве агентов, относительно медленно реагируют на изменения внешней среды, что ведет к систематическому запаздыванию ответных действий, порождая консерватизм в хозяйственном поведении как мировоззрение рутинерства. Институции как «фактор социальной инерции» (словами Т. Веблена), имеют тенденцию за счет лоббирования ассоциированных интересов своих агентов и формирования благоприятной экосреды «сохраняться неопределенно долго, кроме тех случаев, когда обстоятельства вынуждают к изменениям»¹.

По истечении некоторого лага осмысления произошедшего отставания от быстро меняющейся экономической реальности, новаторы в рамках экономических организаций начинают оказывать давление на его руководителей и агентскую массу с целью осуществления комплексных кардинальных изменений для достижения соответствия современным стандартам и эталонам, встречая и преодолевая на этом пути сопротивление рутинеров путем использования лоббистского потенциала заинтересованных агентов — имитаторов, прозелитов, пропагандистов, дистрибьюторов и др. «Приспособление институций и жизненных позиций к изменившейся среде, — подчеркивал Т. Веблен, — производится как отклик на давление извне; по своей природе оно является реакцией на (внешний. — *О. И.*) раздражитель. Свобода и легкость приспособления, т.е. способность социальной структуры к развитию, зависит, следовательно, в большей степени от степени свободы, <...> (иначе говоря. — *О. И.*) от степени обнаженности индивидов перед силами принуждения внешней (социальной. — *О. И.*) среды»².

Хотя по глубине и масштабу реализуемых изменений институциональные модернизация и модификация соотносятся примерно так же, как пластическая операция и утренний макияж, они, взаимно усиливаясь, обеспечивают преодоление деформаций и диспропорций, формируя и направляя обновляемость хозяйства и его субъектов в процессе эволюции.

Несмотря на свою транзакционную природу, институциональный механизм — это, по сути, трансформационный процесс, преобразующий базовые институции человеческой деятельности (свойство, общество, преемство) в бесконечное многообразие конкретных частичных трудовых функций акторов, обеспечивающих устойчивость воспроизводства основного отношения хозяйственной системы — собственности на факторы производства. Многомерность трансформационного институционального механизма определяет сущность модификации как процесса частичных преобразований, близких к рационализации, затрагивающих отдельные участки и сегменты институциональной «поверхности» хозяйственной системы.

Если конкретные институции, созданные в результате трансформирующего воздействия институционального механизма, обеспечивают выполнение данной системной функции, то хозяйственная система сохраняется, а ее институциональный механизм модернизирует и модифицирует ее элементы и отношения посредством адаптации, экзаптации, селекции, генерации, репликации, рефункционализации, креации частичных функций и атрибутов с их последующей типизацией и воспроизводством на стационарной основе. Когда же созданная система экономических ин-

¹ *Veblen T. The Theory of the Leisure Class / A Penn State Electronic Classics Series Publication. The Pennsylvania State University, 2003. P. 128.*

² *Ibid. P. 129.*

ституций и институтов не обеспечивает воспроизводства основного отношения хозяйственной системы, то институциональный механизм автоматически трансформирует последнее и адекватно преобразуется, каскадом меняя всю совокупность конкретных институций, в том числе путем элиминации неэффективных форм, генерации, трансплантации, инновации, реструктуризации, интеграции, комбинации более совершенных в перспективе функций.

Мутация как одна из форм эволюции институциональной системы общества представляет собой неконтролируемое отклонение параметров состояния институциональных феноменов от планируемых значений, заданных в ходе их проектирования, селекции или «клонирования», с последующим закреплением и воспроизводством измененного качества на постоянной основе. В институционализме мутации традиционно трактуются в негативном смысле, поскольку мутагенез характеризуется обострением хронических и возникновением новых противоречий, ведущих к системным дисфункциям институтов и институций.

Под влиянием изменения институциональных условий и факторов хозяйственной деятельности, которые можно уподобить мутагенам, возникают новые и активизируются латентные функции институциональных объектов, что характеризует адаптивную и экзопативную природу мутаций, определяет их полиморфизм в хозяйственной системе. Институциональные мутации могут быть: по результату — полезными и вредными; по происхождению — спонтанными и индуцированными (т.е. возникшими в результате эндогенного или экзогенного воздействия); по масштабу — точечными, комплексными (связанными с образованием «пучков» мутаций) и общесистемными; по обратимости — прямыми и обратными (т.е. обеспечивающими реверсию к норме); по времени реализации — дискретными, т.е. вызывающими резкие изменения, и континуальными, связанными с возникновением практически незаметных фенотипических отклонений от нормального состояния. Мутация институций в случае эффективности полученных результатов порождает их имитацию, копирование и многократное воспроизведение, что обеспечивает стабилизацию и социализацию приобретенных признаков.

Наличие множества видов институций в рамках одного исторического типа выдвигает задачу их упорядочения, определения объемов и содержания каждой из них. Типовое и видовое членение системы институций позволяет на пересечении ее «вертикальных» и «горизонтальных» срезов, субординационных и координационных взаимоотношений вычленивать и описать их специфические исторические и актуальные формы с позиции генезиса, структуры, функций, состояния и динамики системы хозяйства любого масштаба.

Поскольку «типологию можно рассматривать как универсальную основу и начальный пункт любых операций по систематизации объектов»¹, институты целесообразно типологически определять исходя из исторических типов хозяйственных систем общества. В процессе общего кризиса, бифуркации и перехода хозяйственной системы от одного исторического типа к другому институты трансформируются. Внутри этих типов они могут модифицироваться, интегрироваться и дифференцироваться в различные новые виды, сохраняющие в своей основе общие для типа существенные черты.

Модификация и дифференциация институций и институтов связана с составом, структурой, функционированием, состоянием и контурами хозяйственной системы, а также с воздействиями ее среды, слиянием с другими системами или выделением из состава суперсистем. Следовательно, причинами, приводящими к изменениям институтов, могут стать как их собственная эволюция, так и изменения других факторов хозяйственных систем.

¹ Свинцов В.И. Логика. М., 1987. С. 189.

Выявление специфики институтов основывается на их генезисе с цивилизационной и формационной точек зрения и должно рассматриваться не по принципу «или-или», а по принципу дополнительности¹. В России, как и во всех других реально существовавших и существующих исторических типах общества, то и другое содержание существуют всегда вместе², поэтому в родовых понятиях институции и института можно выделить два его типа — цивилизационный и формационный, а различия в конкретно-исторических формах их осуществления определяют две группы подтипов: а) традиционный, нормативный, ценностный; б) первобытно-общинный, рабовладельческий, феодальный, капиталистический. В реальной хозяйственной деятельности они не бытуют в чистом виде, а каждый из них одновременно несет черты формации и цивилизации как системные «срезы» общества³.

Множество анализируемых институтов распределяется по классам через «систему распределения некоторого множества объектов на подмножества таким образом, что каждый объект попадает в определенную рубрику системы, именуемую «родом», «классом», «видом», «подвидом» и т. п.»⁴. Относительная сложность классификации проявляется в том, что она представляет собой деление с достаточно большим количеством членов деления на всех уровнях, что позволяет создавать классификационное дерево, а также использовать формализацию для удобства анализа. Необходимость осуществления классификации обусловлена тем, что природа социальных и экономических институтов сложна, а «потому оказывается налицо множество принципов, с которыми она должна сообразоваться»⁵. Общий же подход состоит в том, что отдельные эмпирические виды должны вообще отличаться друг от друга, не будучи при этом противоположными.

Классификация институтов должна, исходя из их системности, отразить адекватные ей характеристики: функциональность, структурность и динамичность. «Главная задача истории экономики и экономического развития — учесть эволюцию экономических и политических институтов, создающих такую экономическую среду, которая стимулирует рост производительности»⁶. На основе функционального, структурного и генезисного подходов в рамках каждого типа и подтипа институтов можно выделить классы и подклассы, группирующие их по признакам принадлежности к определенной сфере, отрасли, уровню хозяйствования, масштабам распространения, степени зрелости, стадиям развития, иерархии.

Используя отраслевой подход, представляется целесообразным дифференцировать отраслевые институты, функционирующие в строительстве, добывающей, пищевой промышленности; по сферам хозяйствования — промышленные, сельскохозяйственные, транспортные, торговые и т. д.; по уровням — мега-, макро-, мезо-, микро-, мини-, наноинституты; на масштабам распространения — глобальные, страновые, региональные, локальные и т. п.

Класс иерархических видов институтов позволяет выделить в истории их эволюции сословно-кастовый, бюрократический и демократический виды. В реальной хозяйственной практике отношения между ее субъектами основываются как на патернализме, так и на партнерстве, а также учете бюрократического влияния на результативность взаимодействий. Класс институтов развития в качестве оснований имеет степень их зрелости и состояние.

¹ См.: Новикова Л.И. Цивилизация как идея и как объяснительный принцип исторического процесса // Цивилизация. Вып. 1. М., 1992. С. 13.

² См.: Кузьмин В.П. Принцип системности в теории и методологии К. Маркса. М., 1976.

³ См.: Бромлей Н.Я. Цивилизация в системе общественных структур // Цивилизация. Вып. 2. М., 1993. С. 229.

⁴ Свинцов В.И. Указ. соч. С. 185.

⁵ Гегель Г.В.Ф. Наука логики. М., 1998. С. 910.

⁶ North D.C. Institutions // J. of Econ. Perspectives. Vol. 5:1. 1991. p. 8.

Для институциональной системы характерна множественность состояний, динамизм, альтернативность эволюции. По степени зрелости можно выделить становящиеся, развивающиеся, развитые и разрушающиеся институты, а также стадии этих процессов, характеризуемые определенным состоянием и параметрами.

Представленный методологический подход к типологии и классификации типов и видов экономических институтов не может охватить все основания их внутрисистемного многоаспектного деления и исторического развития, поэтому является открытым для дополнения, уточнения и критики заинтересованными исследователями. Примером же полезности ее применения может служить осуществленная и отраженная в ряде публикаций и развиваемая в данной книге типология и классификация институциональных экономических механизмов¹.

5. Логика и структура эволюционного исследования российского институционализма

В последнее время наблюдается значительное повышение интереса к институциональным аспектам российской истории. В богато иллюстрированных изданиях освещается эволюция атрибутов и статусов высшей государственной и церковной власти², народных обычаев, обрядов и праздников³. Стали издаваться и амбициозные учебники по институциональной экономике, в которых пытаются объединять подчас разные области экономической теории, не давая конкретных определений и доказательств. Но, при всей своей несомненной полезности, они не могут восполнить создавшегося дефицита научного осмысления отечественных институциональных отношений и идей с позиций современной теории.

Специальные исследования истории российской экономической институциональной мысли только начинаются, но их мало, и они в той или иной мере показывают лишь отдельные периоды или эпизоды ее развития⁴. Этого уже принципиально недостаточно для системного познания огромной сложности эволюционного пути институционализма в общественно-экономической мысли России.

Институциональные идеи, бесспорно, были присущи человечеству на всем протяжении его эволюции. Они бытовали уже у восточных славян, ставших прародителями русского народа; их документальное описание и законное оформление на Руси относится уже к IX в. Поэтому в рамках данного исследования возникновение институционализма и его элементов принципиально не связано ни с трудами И.Т. Посошкова, ни со временем «расцвета» либерального народничества, ни с периодом формирования «русской школы экономической мысли» или «нового направления» в истории и

¹ См.: *Иниаков О.В., Лебедева Н.Н.* Типология и классификация институциональных механизмов // Экономика развития региона: проблемы, поиски, перспективы: Ежегодник. Вып. 1. Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2002. С. 23–37.

² См., напр.: Россия: Полный энциклопедический иллюстрированный справочник / Авт.-сост. П.Г. Дейниченко; Под ред. А.А. Красновского. М.: ОЛМА-ПРЕСС Звездный мир, 2005. 352 с.; *Перевезенцев С.* Россия. Великая судьба. М.: Белый город, 2003. См. также хорошо иллюстрированное переиздание: Костомаров Н.И. Русская история в жизнеописаниях ее главнейших деятелей. М.: Эксмо, 2004. 1024 с.

³ См.: Русский народ. Кн. 1: Праздники, обычаи и обряды на Руси; Кн. 2: Суеверия, приметы, заговоры / Сост. М. Забылин [Текст печ. по изд. 1880 г.]. М.: Белый город, 2004.

⁴ См.: *Зайцева Л.И.* Русские провидцы о российской государственности (середина XVI — начало XX в.). Ч. I. XVI в. / Под общ. ред. Л.А. Зубченко. М.: Ин-т экономики РАН, 1999; *Погребинская В.А.* «Новое направление» как школа российского институционализма // Экономический журнал. 2001. № 1; *Рязанов В.Т.* Экономическое развитие России и российское хозяйство в XIX—XX вв. СПб.: Наука, 1998. С. 7–8. С определенной условностью к перечисленным изданиям можно отнести книгу: *Рисованный И.М.* Экономическая наука и институциональные преобразования в России XIX—XX вв.: логика идей и логика реформ. СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 2003. 308 с.

политэкономии СССР. Условным отправным пунктом нашего анализа является 862 г., который с XIX в. традиционно рассматривается историками как исходный институциональный рубеж в образовании Древнерусского государства и его хозяйственной системы. При этом импонирует позиция Д.Н. Макклоски: «Попытки установить точную дату выглядят, конечно, несерьезно. Точная дата уместна на мемориальной доске или на свитке, но не тогда, когда речь идет о сложных явлениях»¹.

Эволюция институциональной системы России закономерно отражалась в общественном сознании, непрерывно порождая противоречие между желаемым и реальным ее состоянием. Разрешение этого противоречия становилось возможным через наблюдение и глубокое осмысление специфики механизма функционирования отечественных институций и институтов; сравнение их качества с иностранными образцами в ходе военных походов, дипломатических визитов и торговых поездок; формирование представлений и понятий о месте и роли институционального фактора в хозяйственных и социальных процессах; разработку гипотез и теорий институционального устройства и развития.

Институционализм «от практики» формировался методом дедукции на основе эмпирических обобщений и выражался в проектах и решениях о преобразовании институциональной структуры в целом или отдельных ее элементов. Институционализм «от теории» развивался методом индукции, расширяя спектр представлений о закономерностях и противоречиях институциональных отношений, постепенно кристаллизуясь в строгих научных формах дискуссии и формулировки теоретических положений.

Тот факт, что термин «институциональная экономика» появился лишь в 1919 г. в работе американского ученого У. Гамильтона², позволяет, тем не менее, обоснованно относить к данному научному течению тех мыслителей и ученых, которые изучали институциональные отношения и структуры на более ранних этапах. Ведь определение названия любого научного течения является одним из завершающих этапов его самоидентификации. Такое понимание логики научного прогресса характерно для всех гуманитарных наук, что позволяет, например, философские идеи Аристотеля относить к материализму, а взгляды Платона — к идеализму, хотя соответствующие термины появились гораздо позже.

Степень подробности анализа основных институциональных идей тех или иных авторов в проведенном исследовании, к сожалению, часто была ограничена доступностью литературных первоисточников, а иногда научным и общественным значением бытовавших взглядов, концепций и их практических воплощений, интересных для наших современников. Тем не менее к задачам книги не относится выявление ученых или практических деятелей как представителей институционализма. Ведь объектом предлагаемого исследования являются не столько личности, сколько идеи, их персонализация и реализация в конкретных продуктах действия институционального фактора. Это представляется тем более оправданным, что до второй половины XIX в. происходило становление институционализма, понимаемое как единство его бытия и небытия в процессе формирования.

Развитие организации и форм познания институтов хозяйства шло волнообразно, со «всплесками» на рубеже XIX—XX вв. и в 60—80-х гг. XX в., которые нельзя считать четкими с позиций категориального и методологического содержания. Начиная с середины 90-х гг. прошлого века происходит резкое нарастание интереса к институ-

¹ Макклоски Д.Н. Непрерывность в экономической истории // Экономическая теория / Под ред. Дж. Итуэлла, М. Милгейта, П. Ньюмена; Науч. ред. чл.-кор. РАН В.С. Автономова. М.: ИНФРА-М, 2004. С. 179.

² См.: Hamilton W.H. The Institutional Approach to Economic Theory // American Economic Review. Supplement. 1919. № 9 (March). P. 309—318. См. также: Stewart W.W. Economic Theory—Discussion // American Economic Review. Supplement. 1919. № 9 (March). P. 319—320.

циональным исследованиям, носящее характер «бума» во всем мире, включая и Россию. При этом институционализм в нашей стране наконец обрел статус самостоятельного научного направления.

Кроме того, представлялось нецелесообразным пытаться выявлять и обосновывать приоритет российского институционализма по отношению к американскому, английскому, французскому, итальянскому, китайскому, египетскому и др. Мы не вправе сказать в духе позднего славянофильства, что институционализм мог родиться только в России... Считаем такую задачу принципиально ненаучной, ведь приоритет той или иной страны, нации в производстве наиболее раннего законченного институционального продукта весьма сомнителен, а его доказательство кардинально ограничено бесконечным многообразием форм и атрибутов социальных институций вкупе с актуальным несовершенством инструментов и ограниченностью источников исторического познания.

В публикуемом исследовании не ставится задача воспроизведения всего хода российской истории и ее периодизации с позиций институционализма. Такой труд представляется колоссальным по объему привлекаемого архивного материала и источниковой базы, поэтому подобный проект может быть реализован лишь в тесной междисциплинарной кооперации представителей общественных наук — историков, экономистов, юристов, социологов и др. Вместе с тем виделось необходимым представить и охарактеризовать основные тенденции и события эволюции институций и институтов в рамках выявленных основных этапов развития институциональных идей в истории отечественной хозяйственной системы и научной мысли. Обращение к смежным с экономической наукой сферам оказалось неизбежным в связи с поздним выделением из общего государствоведения политической экономии и дифференциацией от проблем политики, права, международных отношений, социологии, философии.

Достижение этой специальной цели осложнялось объективными трудностями, связанными с включением в анализ многих ранних источников, поскольку их объем чрезвычайно узок и неполон из-за гибели основного массива архивных материалов в огне московского пожара 1626 г. По данным, подтвержденным профессором И.О. Тюменцевым, специалистом по средневековой российской истории, до XV в. сохранилось всего 2285 документов, из них по Киевской Руси — восемь. Этим и объясняется, почему историкам до последнего времени удавалось достаточно полно и подлинно установить лишь отдельные элементы событий и явлений истории России в «допетровский период».

Институциональную эволюцию продолжают по инерции исследовать в двух якобы несовместимых методологических ракурсах — индивидуалистическом и холистическом, хотя логика этой дихотомии довольно зыбка. Индивидуалистическая «теория спонтанного порядка» утверждает, что социальные институции и модели поведения — это непреднамеренные последствия многочисленных человеческих действий¹. Идея «спонтанного порядка» восходит к «Басне о пчелах» Б. Мандевилля, написанной им в 1714 г., где в образной форме «раскрывалась мысль о том, что развитие социальных институций, прогресс законов и знаний, запретов и указов, ограничений и языка могут быть описаны как непреднамеренные последствия человеческих действий»².

Механизм этой взаимосвязи позднее разрабатывался шотландскими мыслителями Д. Юмом, А. Фергюсоном и А. Смитом³. Использованная последним метафора «невидимой руки» по сути «означает “невидимость” в процессе, который, тем или иным образом, агрегирует рассеянные (в социальном пространстве. — *О.И.*) действия

¹ *Aydinonat N.E. Invisible Hand Explanations: the Case of Menger's Explanation of the «Origin of Money» / EIPe, Erasmus University. Rotterdam, 2000. P. 2.*

² *Ibid. P. 3.*

³ *См.: Ferguson A. History of Social Society. L., 1767; Smith A. The Wealth of Nations. L., 1776.*

индивидов и порождает организованный социальный феномен (социальную норму или институцию), возникновение которого не является преднамеренным со стороны индивидов. Это показывает, что механизм (институциогенеза. — *О.И.*) остался “невидимым” для индивидов¹, хотя они могут судить о его результатах опосредованно по изменению уровня институциональных издержек для трансакций разных типов, соотношению социальных статусов, тенденциям трансформации структуры доходов и расходов и т.д.

Поскольку, образно говоря, институции «оседают в подсознании» акторов, то любые трансформации и модернизации институциональной системы так или иначе сказываются на когнитивных особенностях людей. Тем самым преобразованные институции и институты за счет действия механизма обратной связи экзогенно детерминируют и оформляют индивидуальный процесс принятия решений², причем они выступают как ограничителями, так и одновременно освободителями (*liberators*) в отношении действий акторов³, задавая им «русло» свободного выбора. Поэтому далее с позиций методологического реализма (или холииндивидуализма, реинтерпретируя термин Б. Тирета⁴) будем исходить из непосредственного и опосредованного взаимного влияния акторов и институциональных феноменов.

Эволюция институционального фактора российского хозяйства представлена как процесс взаимного перехода ее гносеологического и онтологического аспектов, институциональных идей и событий, их воздействия на обычаи и законы, учреждения и статусы, понятия и концепции, приоритеты и ориентиры, магистралы и механизмы хозяйственного прогресса. С одной стороны, особенности институциогенеза на различных этапах его естественно-исторического метаморфоза в значительной степени определяли специфику возникавших институциональных идей и позиций, проектов и планов, гипотез и теорий. С другой — в конкуренции носителей и выразителей институциональных взглядов и интересов определялись векторы, темпы и перспективы развития отечественного хозяйства.

Поэтому предметом исследования стал институциональный процесс в единстве его гносеологической и онтологической форм. Практика порождала новые идеи о перспективных и наиболее эффективных формах общественного устройства. Эти идеи вновь воплощались в реальных формах экономической жизни, образуя непрерывный метаморфоз институциональной мысли (теории) и практики хозяйствования. Обоснованной представляется необходимость характеристики становления и формирования институционализма в контексте институционализации российского хозяйственного пространства. Ведь современное поколение россиян, строящее общество будущего, «должно знать, как искони мятежные страсти волновали гражданское общество, и какими способами благодотворная власть ума обуздывала их бурное стремление, чтобы учредить порядок, согласить выгоды людей и даровать им возможное на земле счастье»⁵.

Определились и объекты исследования, которыми стали институциональные идеи и понятия, теории и решения, отраженные в течение многих веков в различных по характеру исторических источниках: сказках и летописях, грамотах и уложениях, указах и

¹ *Aydinonat N.E.* Op. cit. P. 2.

² См.: *Alston L.J.* A framework to understanding the New Institutional Economics / Paper for the First Brazilian Seminar of New Institutional Economics, July 1998. P. 3.

³ См.: *Clague C.* The New Institutional Economics and Economic Development // Clague C. (ed.) *Institutions and Economic Development — growth and governance in less-developed and post-socialist countries.* Baltimore: John Hopkins University Press, 1997.

⁴ См.: *Nielsen K.* Institutional Approaches in the Social Sciences: Typology, Dialogue, and Future Challenges // *J. of Economic Issues.* 2001. Vol. XXXV. № 2. P. 509—510.

⁵ *Карамзин Н.М.* История государства Российского: в 12 т. Т. I. М.: Наука, 1989. 640 с. С. 13.

законах, уставах и регламентах, договорах и наказах, оригинальных текстах и книгах российских мыслителей, докладах и выступлениях, записках и проектах, лекциях и учебниках, материалах научно-практических конференций и симпозиумов и т. д.

Задачи, стоявшие перед авторами, можно сформулировать следующим образом:

- определить истоки институциональных идей в «глубинных», исходных, общечеловеческих институтах как самобытно сложившихся в хозяйственной практике, взглядах, языческом мировоззрении и миропонимании восточнославянских племен, так и имитировавших определенные элементы или навязанных внешним влиянием иных хозяйственных культур, с которыми соприкасались восточные славяне, ставшие впоследствии основой русского народа;

- охарактеризовать динамику эволюции институционального фактора русского хозяйства в свете важнейших событий, проводившихся преобразований, введения новых учреждений, обострения социальных противоречий, конкуренции рутинных и новаторских методов хозяйствования, формирования институционального поля человеческой деятельности, мультипликации форм общественного разделения труда и его кооперации;

- проследить главные тенденции развития институционализма в контексте логики и динамики институционализации российской хозяйственной системы. При этом представлялось необходимым учитывать неразрывную связь и взаимодействие институциональных взглядов и идей о хозяйстве с другими сферами жизни общества — политикой, правом, государственным строительством, религией, народным и авторским художественным творчеством и т. д.;

- показать связь институциональных идей с особенностями русского языка как их «зеркала», носителя и источника. В этом проявляется исходная «включенность» институционализма в национальную культуру — ее устои и традиции, обычаи и обряды, верования и представления, запреты и заветы, ритуалы и символы;

- выделить критерии изучения и дифференциации этапов эволюционного процесса институциональных идей об отечественном хозяйстве и дать их историческую характеристику в аспекте условий и содержания, субъектов и объектов, онтологических и гносеологических форм реализации, ведущих институций и доминировавших институтов, методов и организации познания, интернальных и экстернальных эффектов для хозяйственной системы;

- раскрыть суть и ключевые положения выдвинутых российскими учеными и мыслителями институциональных идей, показать их значение для хозяйственной практики и экономической теории;

- отразить взаимодействие русского институционализма с достижениями общественно-экономической мысли других стран и народов, проявившееся в заимствовании их идей и практического опыта, но и параллельно позволившее поделиться продуктами своего институционального творчества;

- показать борьбу между различными идеями и направлениями, находившими отражение в практических результатах как способ разрешения внутренних противоречий развития институциональной системы и ее дальнейшего прогресса;

- продемонстрировать различные формы отношения государства к институциональным идеям, в том числе и эксперименты, крупные нововведения, реформы, или безразличие и апатию, замкнутость и характерный запрет институциональных исследований в СССР, отторжение накопленного ими запаса знаний, нарушение постепенности в институциональной эволюции хозяйства;

- отразить бурный рост институциональных идей в экономической науке современной России, их влияние на решение проблем трансформации, модернизации, глобализации, формирование государственной политики, «снятие» социальных противоречий, становление корпоративизма и конституционного государства, открытого и инновационного общества.

Логическая структура книги, исходя из поставленной цели и решаемых задач, применяемого метода и особенностей исследования, естественно воплотилась в четырех томах. В первом из них рассматриваются онтологические истоки российского экономического институционализма, его роль в развитии и укреплении хозяйственной системы и государственности, связь с мировым опытом и зарубежными теоретическими изысканиями, борьба за свою самобытность.

Во втором томе будет отражено создание предпосылок и «первая волна» теоретического оформления институциональных идей в рамках формирующейся «русской школы экономической мысли», сопровождающаяся дифференциацией направлений исследований на рубеже XIX—XX вв., онтологическим контекстом которых стали формирование институтов капиталистического хозяйства, многоскоростная и инерционная адаптация к ним традиционных институций, сложная и неоднозначная трансформация народного менталитета.

В третьем томе планируется раскрыть особенности развития институционализма в СССР в рамках «великого» социального эксперимента, элиминация институциональных концепций в духе вульгарной марксистской ортодоксии, отторжения «буржуазной» институциональной науки до «оттепели» в экономической истории и политической экономии. Параллельно будут отражены характеристики и противоречия институционализации хозяйственной системы по государственно-монополистическому типу.

И наконец, в четвертом томе будет показано формирование собственного методологического «русла» и системы категорий современного российского экономического институционализма в новых концепциях, дискуссиях, хозяйственной практике, образовании, а также практическое строительство и теоретическое моделирование институциональных контуров настоящего и будущего хозяйства России.

Таким образом, в книге анализируются четыре основных исторических периода эволюции институционального фактора хозяйства России и развития отечественного экономического институционализма. Но, поскольку данная эволюционная траектория охватывает неравномерные «отрезки» исторического времени, то, для обеспечения принятых принципов достоверности и объективности, в рамках двух периодов были дополнительно выделены отдельные этапы в соответствии с логикой и динамикой институций в онтологическом и гносеологическом аспектах. Поэтому период становления был разделен на пять этапов, а в рамках «советского периода» были выделены еще два отдельных этапа, рубеж между которыми пришелся на годы Великой Отечественной войны.

В приложениях даются таблицы с обобщенными характеристиками исторических этапов развития институционального фактора, отражавшегося в экономической мысли и воплощавшегося на практике, а также словники, составленные на основе лексики старославянского, церковно-славянского, древнерусского, старорусского и современного русского языков, используемой в книге и отображающей институции в различных сферах жизни общества в различные периоды его эволюции.

Интерпретация основных институциональных идей и их воплощений в общественном бытии, анализируемых в данном исследовании, дается в актуальных терминах, то есть с позиций современных достижений институциональной экономики, чтобы уйти, насколько было возможно, от описательного метода и поднять научные проблемы, характерные для этого направления науки в начале XXI в.

Особенности языка цитирования оригинальных произведений состоят в том, что в целях облегчения чтения дается упрощенная орфография и графика оригинальных текстов, написанных и опубликованных до советского периода, без написания «исчезнувших» букв, но с сохранением других особенностей написания слов и их окончаний для наиболее выразительной передачи духа эпохи и стиля автора. В целом же орфография оригинальных текстов по возможности адаптировалась применительно к современной, в частности, «ять» заменялось на «е», «юс малый» — на «я», «омега» —

на «0», «зело» — на «3». В целях минимизации издержек восприятия книги библиография приводится полностью в современном написании.

Длительная работа над предлагаемой вниманию читателей книгой позволила выявить особенности российского экономического институционализма, которые обусловлены условиями и историческими обстоятельствами, источниками и факторами, самим евразийским пространством развития и менталитетом субъектов хозяйственной системы России в течение многовековой эволюции. Среди этих особенностей представляется возможным выделить несколько наиболее значимых:

- глубокое внимание к общечеловеческим ценностям и нравственным устоям развития общества, анализ любых институциональных преобразований в ракурсе их соответствия принципам социальной справедливости и общей эффективности;
- усиление роли государства и правительства в организации отечественной хозяйственной жизни, сохранения ее самобытности, независимости, повышения экономического могущества, проведения антикризисных мер как принципиальный элемент большинства выдвигавшихся идей и концепций;
- исполненность российских институционалистов духом патриотизма, конструктивной критики, эволюционного новаторства, преданности институциональным идеям, стремление к их неперемому реальному воплощению в хозяйственной практике, в чем они видели смысл и цель своей деятельности;
- использование хозяйственного опыта, результатов научных исследований, политических и практических решений сопредельных государств и народов евразийского континента в совершенствовании институционального устройства и мировоззрения о России;
- доминирование идей многоукладности, общинничества, земства, кооператорства и сотрудничества вопреки идеям чрезмерной унификации, стандартизации, универсализации и индивидуализации свойственно российскому институционализму на всех этапах его развития;
- волнообразное возрастание интереса к актуальным проблемам хозяйства в периоды великих преобразований, реформ, революций, отражающее связь гносеологического и онтологического аспектов институционального процесса;
- «экспоненциальный» рост исследований в условиях трансформации современной российской экономики, характеризующейся не только впитыванием лучших достижений мировой экономической науки, но и выдвижением новых фундаментальных институциональных идей и практических решений в духе реалий начала XXI в.

Результаты проведенного исследования позволяют обоснованно утверждать, что в российской экономической мысли сформировалось и развилось своеобразное, интересное и подлинно научное институциональное направление, имеющее насыщенную историю, представленное яркими и глубокими учеными. Важнейшей особенностью русских институционалистов всегда была направленность их творческих исканий к высшей идее социальной справедливости — достижению «общенародной», «всеобщей пользы», характерным являлось стремление не допустить ситуаций, когда «во имя интересов немногих попираются несомненные законные права большинства»¹.

Убежден: глубокое осмысление эволюции институционального фактора российского хозяйства в единстве онтологического и гносеологического аспектов позволит «в извечном российском споре о том, что же важнее — люди или учреждения»² отдать приоритет человеку.

О.В. Иншаков

---

¹ Туган-Барановский М.И. Основы политической экономии. Пг., 1915. С. 195.

² Абалкин Л.И. Избранные труды: В 4 т. Т. IV. М.: ОАО «НПО «Экономика», 2000. 799 с. С. 206.

Глава I

ОНТОЛОГИЧЕСКИЕ ИСТОКИ РОССИЙСКОГО ИНСТИТУЦИОНАЛИЗМА (IX — середина XV в.)

§ 1. Институциональная определенность древнерусского хозяйства

Время первых идей и понятий российского экономического институционализма, доступных современным исследователям, начинает свой отсчет в Русской земле примерно с IX в., когда вдоль рек Восточно-Европейской равнины возникают предгосударственные образования восточных славян, со временем интегрировавшиеся в Древнерусское государство — Киевскую Русь. В тысячелетнем русле институционального течения российской экономической мысли постепенно складываются устойчивые нормы взаимодействий, соответствующие им традиции и обычаи, специфические модели и регламенты продуктивной деятельности, появляются правила и статусы, договоры и соглашения различных хозяйственных субъектов¹.

Евразийское пространство хозяйственной деятельности и жизненных интересов восточных славян, впоследствии — древних русичей, изначально находилось на пересечении разных миров и стало полем столкновения цивилизаций различного уровня зрелости, народов, культур и религий. В основе их социального строя лежали наиболее древние и слабо меняющиеся со временем институциональные языческие понятия естества, божества, пространства, родства, материнства, отцовства, старшинства, единства, общинничества (общничества по В.И. Далю), хозяйства, средства, качества, количества, таинства и т.п.

Эти основные институции, если использовать современную терминологию, воплощались в сложившихся обычаях и нормах поведения, укоренившихся обрядах и ритуалах, действующих соглашениях, принятых порядках и ограничениях жизни людей; они составляли основы институтов, способов и органов регулирования общественной жизни, языческой веры и родоплеменной культуры. То действительно была «эпоха господства обычая, когда отдельный факт значит больше, чем какая-либо норма, право еще в зачатке, изменчивая практика руководит всем и часто разрушает даже установившиеся нормы»², характеризую внутреннюю противоречивость происходившего институциогенеза — процесса формирования и развития институций, или общественного разделения труда. «Именно эти различные расколы, глубокие и неясные следы которых ведут в глубь истории человечества и которые всегда были источником огромного напряжения в человеческих сообществах, должны быть проанализированы с совершенно новой точки зрения, которая возникает в рамках современной философии истории»³ и базируется на институционально-эволюционной парадигме.

¹ См.: *Инишков О.В., Фролов Д.П.* Онтологические истоки российского институционализма // Вызовы и ответы XXI века: Сборник научных трудов ученых Мэнсфилдского университета, США, и Волгоградского государственного университета, Россия. Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2003. С. 12—18.

² *Алексеев В.* Народовластие в древней Руси. Ростов н/Д: Тип. Т-ва «Донская Речь», 1904. 69 с. С. 5.

³ *Палюшев Б.* Физика Бога 2: Пограничные пространства. М.: ООО «Издательство АСТ»: ООО «Издательство Астрель», 2003. 318 с. С. 242.

На основе древнейших институций и обычаев в Древней Руси происходило формирование исходных форм разделения и кооперации труда в русле базовых институциональных отношений. Параллельно их усложнению, выражавшемуся в дифференциации хозяйственных статусов и ролей, и с обретением их первичным конгломератом системных свойств возникали и передавались определенные институциональные знания. Последние во все времена отражали «глубокую и далеко идущую аналогию между институтами как системами укоренившихся норм поведения и знаниями как системами общественно признанных норм восприятия, структурирования, оценки и интерпретации информации»¹. Причем «способ существования этого древнего знания иной, оно таится в ритуалах, обрядах, заговорах, праздниках, приметах, пословицах, поговорках, сказках и т.п.»².

Первоначально институциональные знания были связаны с хозяйственными навыками и рутинными, позволявшими членам восточнославянских сообществ — племенных союзов эффективно осуществлять закрепленные за ними трудовые функции, а также включали сведения о сложившихся традициях, обычаях, обрядах, ритуалах, нормах поведения и т.д. Постепенно возникали и институциональные знания иного рода, касавшиеся взаимодействий с внешней средой, отношений с соседними сообществами и представлявшие собой совокупность сведений об их быте и порядках, а также о ритуалах объявления войны, перемирия и ведения переговоров, заключения мира и обмена дарами и т.д. Основным методом познания институционального всеобщего, особенного и единичного в ранних древнерусских сообществах было наблюдение.

Знания наших предков об институциональных отношениях, бытовавшие в эпоху господства язычества, допустимо классифицировать на две группы. Первую составляли институциональные знания, характеризовавшие актуальную социальную структуру своего и соседских сообществ, сложившиеся статусы и атрибуты, обычаи и ритуалы, модели взаимоотношений между пришлым и аборигенным населением, использовавшиеся хозяйственные рутины и методы (например, собирательства и охоты, ведения коллективных боевых действий и т.д.). Континуальный и чрезвычайно медленный характер институциональных изменений обуславливал «плавность» обновления этих знаний, которые не были «скоропортящимися» и сохраняли значимость на протяжении жизни многих поколений.

Образующие вторую группу институциональные знания имели транслированный характер, будучи переданными предшествующими поколениями и отражая накопленный в данном сообществе опыт коллективного бытия. Субъектами такой передачи становились престарелые акторы, за которыми закреплялась соответствующая позитивно маркированная функция. Следовательно, представители каждого поколения (генерации) людей, сосуществовавшие в рамках общин и племенных союзов, выполняли необходимые для повышения устойчивости хозяйствования функции, были включены в систему разделения и кооперации труда. С этой исторической тенденцией следует связывать истоки возникновения институции общества, предполагающей достижение и поддержание паритета общих интересов людей разных статусов и поколений.

В институциональных знаниях предков современных россиян отражался начавшийся процесс институциогенеза хозяйственной системы. В 20-е гг. XX в. в своем исследовании русской государственности В.А. Пархоменко отмечал, что «под влиянием кочевнических передвижений разошедшиеся в разные стороны по трем на-

¹ *Клейнер Г.Б.* Эволюция институциональных систем. М.: Наука, 2004. 240 с. С. 212.

² *Чумакова Т.В.* Образ человека в культуре Древней Руси (опыт философско-антропологического анализа): Автореф. дис. ... д-ра филос. наук. СПб., 2002. 38 с. С. 5.

правлениям восточно-славянские племена очутились в общем в трех различных условиях существования: северная — среди леса, юго-западная — на черноземной лесостепи, юго-восточная — в степи; первая естественно занялась лесными промыслами — *звероловством* и *бортничеством*, а также рыбной ловлей (*рыболовством*. — *Авт.*); юго-западная сохранила старинное земледелие (*земледельчество*. — *Авт.*), как основу своего хозяйства; юго-восточная, попав в общение с кочевниками и живя близко от моря, уклонилась в сторону *скотоводства* и военно-торгового *мореходства* (курсив наш. — *Авт.*)¹. Таковы были исходные хозяйственные институции Древней Руси.

В целом, с позиций современной исторической науки, верными представляются только первые два направления институционального развития восточных славян, но отнюдь не последнее (мореходство). Новейшие исследования показывают, что во всех зонах земледельчество было институциональной основой хозяйства. Однако «в отличие от земледельческих племен Центральной Европы восточные славяне должны были выполнять объем обязательных сельскохозяйственных работ за более короткое время. Долгие снежные зимы ограничивали хозяйственную деятельность жителей Восточно-Европейской равнины»². Производственный цикл восточных славян отличался асинхронностью и характеризовался периодами резкой мобилизации всех факторов жизнедеятельности («один день год кормит»). Не в этой ли специфической черте древнерусского хозяйства кроются «корни» национального менталитета? Не отсюда ли происходит склонность «великороссов» к авраам и «штурмовщине»? При этом скотоводство (животноводство) также относилось к ведущим институциям рассматриваемого исторического периода: не случайно в древнерусском языке словом «скот» также назывались деньги, то есть институция денег была на данном этапе закреплена за скотом.

Историко-археологические исследования второй половины XX в. позволили внести значительные коррективы в представления об институциональной специфике хозяйственной жизни восточнославянских племен и особенно населения Киевской Руси. Выяснилось, что основным занятием славянского населения Восточно-Европейской равнины было земледелие в форме перелого: степного, лесостепного на юге и лесного на севере и северо-востоке. Подсечно-огневое земледелие, вопреки взглядам Б.Д. Грекова³, в IX—XII вв. использовалось лишь в начале колонизации новых земель и вскоре уступило место перелогу. Благодаря множеству рек и озер, богатых рыбой, рыболовство играло важную роль в хозяйственной деятельности местного населения. Заметными институциями, особенно на севере и северо-востоке, были бортничество и добыча пушнины. Скотоводство не получило широкого распространения, так как местные жители, благодаря близости степи, могли получать дешевые продукты животноводства в ходе торгового обмена с кочевниками. Охотничество выступало в основном вспомогательной институцией.

Различия в уровне институционального развития и специфика хозяйственной жизни основных земель Древнерусского государства — Южной Руси (Киев — Галич — Владимир Волынский), Северо-Восточной Руси (Ростов — Суздаль — Владимир), Северо-Западной Руси (Полоцк — Смоленск) и Северной Руси (Новгород Великий — Псков) — зависели от времени славянской колонизации, «накатывавшейся»

¹ Пархоменко Вл.А. У истоков русской государственности (VIII—XI вв.). Л.: Гос. изд-во, 1924. 113 с. С. 63.

² Павленко Н.И., Андреев И.Л., Федоров В.А. История России с древнейших времен до 1861 года: Учеб. для вузов. 3-е изд. М.: Высш. шк., 2004. 536 с. С. 27.

³ См.: Греков Б.Д. Киевская Русь. М.: Учпедгиз, 1949. 510 с.

с юго-запада на северо-восток и с запада на восток, а также от различного сочетания перечисленных выше видов хозяйственных занятий жителей¹.

С современных теоретических позиций «древние институты и составляющие их роли можно рассматривать как особый род “невоспроизводимых ресурсов”»², хотя в реальности многие из них в ходе эволюции выродились и были элиминированы из контуров социальной системы, сохранившись, тем не менее, в экогенетической информации. Другие по-прежнему воспроизводятся, но в простом формате, образуя базисный слой вековых традиций и запретов, создающий институциональную основу генерации и воспроизводства новых социальных форм закрепления функций и видов человеческой деятельности.

Вообще следует признать идеалистическим представление о возможности полного исчезновения или ликвидации экономических (и в целом социальных) институций. Они никогда не исчезают полностью. Проиграв в ходе конкуренции более эффективным общественным функциям, они вынужденно «уступают» им своих агентов, которые перераспределяются между новыми лидерами. Отток агентов из «угасающих» институций, порой переходящий в бегство, сопровождается отказом от присущих им ранее норм, правил, стандартов, моделей поведения и образа мыслей. Но эти институции продолжают воспроизводиться в суженном виде, они постепенно модифицируются и трансформируются, сохраняя возможность восстановления в новой измененной форме при благоприятных условиях.

Господствующей формой сохранения, закрепления и утверждения институций, а также соответствующих им статусов, норм, правил и других атрибутов была их устная наследственная передача. Вместе с тем формировавшееся население Древней Руси акцептировало мощное влияние разнонаправленных внешних факторов институционального характера, прежде всего воздействия скандинавских военных и светских субординаций и отношений, религиозных институций христианства из Византии, иудаизма из Хазарского каганата, мусульманства из Волжско-Камской Булгарии и Золотой Орды.

В экономическом пространстве Древней Руси аккумулировались и самобытно трансформировались институции аллохтонного происхождения, поступавшие по каналам «Запад — Восток» и «Север — Юг». В этом смысле представляет интерес позиция Д.С. Лихачева: «Обычно русскую культуру характеризуют как промежуточную между Европой и Азией, между Западом и Востоком, но это пограничное положение видится, только если смотреть на Русь с Запада. На самом же деле влияние азиатских кочевых народов было в оседлой Руси ничтожно. Византийская культура дала Руси ее духовно-христианский характер, а Скандинавия в основном — военно-дружинное устройство.

В возникновении русской культуры решающую роль сыграли Византия и Скандинавия, если не считать собственной ее народной, языческой культуры. Через все гигантское многонациональное пространство Восточно-Европейской равнины протянулись токи двух крайне несхожих влияний, которые и возымели определяющее значение в создании культуры Руси. Юг и Север, а не Восток и Запад, Византия и Скандинавия, а не Азия и Европа»³. Вместе с тем преувеличение роли того или иного

---

¹ См.: *Седов В.В.* Восточные славяне в VI—XIII вв. М.: Наука, 1982. 328 с. (Сер. «Археология СССР с древнейших времен до средневековья»: В 20 т); *Рыбаков Б.А.* Киевская Русь и русские княжества XII—XIII вв. М.: Наука, 1982. 588 с.

² *Гребенников В.Г.* Экономика как экзистенциальная проблема // Системное моделирование социально-экономических процессов. Ч. 3: Тез. докл. и сообщ. XXV Юбилейной междунар. науч. шк.-семинара им. акад. С. Шаталина, г. Королев, Моск. обл. 24—28 мая 2002 г. М.: ЦЭМИ РАН, 2002. 106 с. С. 51.

³ *Лихачев Д.С.* Русская культура. М.: Искусство, 2000. 438 с. С. 22.

канала рецепции институциональных форм едва ли целесообразно в силу их системной взаимосвязи и взаимовлияния.

Скандинавские дружины, проложив через восточно-европейские реки в VIII—IX вв. новые международные пути транзитной торговли между Европой и Азией («из варяг в арабы» — по Волге, «из варяг в греки» — по Днепру и др.), способствовали быстрому развитию военно-промысловой жизни славянских, финно-угорских и балтийских племен, содействовали интенсификации внутренней и внешней торговли населения Восточно-Европейской равнины и рождению древнерусских городов¹, выступавших точками интеграции хозяйственного пространства и предохранявших Русь «от губельного изоляционизма»² за счет концентрации производительных институций в пределах огражденного укрепления³.

Активно налаживались и развивались торговые связи: Киевская Русь служила своего рода «перевалочным пунктом» международной торговли Азии и Европы, через который транзитом проходили различные грузы. Вооруженные караваны русских купцов были частыми гостями в Багдаде, Хорезме, Александрии, Константинополе и др., осваивали морские торговые пути. За счет внешней торговли существенно прирастало богатство Русской земли. До монгольского нашествия Киев был единственным (!) городом в Европе, где чеканились золотые монеты. По мнению Р. Пайпса, в IX—XI вв. происходил первый расцвет русского городского хозяйства, «когда вследствие мусульманских завоеваний Восточное Средиземноморье оказалось закрытым для христианской торговли, и через Россию пролег удобный короткий путь от Северной Европы до Ближнего Востока. Большинство важнейших городов Руси были основаны в этот период»⁴. Около 1200 г. торговый путь в Византию был «перерезан» тюркскими кочевниками.

В результате синтеза экономических укладов норманов и местных племен и в процессе постепенного становления древнерусской хозяйственной системы, основанной на сборе «полюдь» и «даней» (крупное землевладение появилось в Южной Руси только в конце XI — начале XII в.)⁵, произошло ускоренное формирование социальной элиты через ассимиляцию славянской племенной верхушкой части норманских дружин, а также финно-угорской и балтийской родоплеменной аристократии. Тем самым было инициировано образование Древнерусского государства⁶.

Согласно традиции, условная дата образования Древнерусского государства историками XIX в. увязывалась с 862 г., когда, по сведениям из «Повести временных лет», произошел захват Новгорода князем Рюриком. Это историческое событие, в честь которого впоследствии был воздвигнут памятник тысячелетию Руси, обрело продолжение в захвате Киева князем Олегом в 882 году. Данный факт является одним из ключевых моментов изменения хода институционализации российской хозяйственной системы. Формой государственного устройства в тот период являлось объединение русских земель во главе с киевским князем.

¹ См.: *Ловмянский Х.* Русь и норманны. М.: Прогресс, 1985. 304 с.; *Лебедев Г.С.* Эпоха викингов в Северной Европе. Историко-археологические очерки. Л.: Изд-во ЛГУ, 1985. 283 с.; *Дубов И.В.* Северо-Восточная Русь в эпоху раннего Средневековья (историко-археологические очерки). Л., 1982. 248 с.

² *Даркевич В.П.* Происхождение и развитие городов древней Руси (X—XIII вв.) // Вопросы истории. 1994. № 10. С. 59.

³ См.: *Куза А.В.* Древнерусские города // Древняя Русь: Город, замок, село / Отв. ред. Б.А. Колчин. М.: Наука, 1985. 432 с. С. 52.

⁴ *Пайпс Р.* Россия при старом режиме. М.: Захаров, 2004. 496 с. С. 22.

⁵ См.: *Фроянов И.Я.* Рабство и данничество у восточных славян (VI—X вв.). СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 1996. 512 с.; *Он же.* Древняя Русь: Опыт исследования истории социальной и политической борьбы. М.; СПб.: Златоуст, 1995. 703 с.

⁶ См.: *Скрынников Р.Г.* История Российская: IX—XVII вв. М.: Весь мир, 1997. 496 с.

Дискуссия об аллохтонном (привнесенном) или изначально автохтонном (местном) характере государственности на Руси чрезвычайно важна для уяснения и осмысления институциональной специфики отечественного хозяйства, в котором государство на протяжении более чем тысячелетия выполняло роли инициатора, организатора и контролера экономических процессов. Прямых доказательств нет ни у сторонников первой, так называемой «патриотической», теории, ни у приверженцев второй. Безусловно, институциональные условия были таковы, что «пришествие варягов», являющихся реальными историческими персонажами, или их «призвание по ряду», то есть срочному контракту, стало детонатором институционализации исходных компонентов хозяйственного строя Древней Руси. По-видимому, коллективные потребности многочисленных разрозненных племен, осваивавших и социализировавших природное пространство в достаточно агрессивном внешнем окружении, заключались в установлении стабильности и порядка, что было возможно лишь на основе централизации власти в руках князя.

Основой «первой волны» институционализации Древней Руси стали институциональные механизмы «полюдья» и данничества, в смутных чертах дошедшие до нашего времени благодаря летописям. Добровольно объединившиеся под властью князя и его дружины племени платили «полюдье», а завоеванные — дань. Смешивать и отождествлять эти формы древнего обложения недопустимо. Уплата дани имела, помимо объективно вынужденного и поэтому рационального, еще и психологический аспект. Как считает современный археолог В. Кулаков, «дань платить легче чужому, чем своему. Никогда своему легко не подчиняются. Чужому подчиниться не обидно»¹. Впоследствии данный тезис не раз опровергался реальным ходом исторических событий².

Привнесение государственности применительно к Древней Руси может быть лишь частично описано в терминах теории институциональной «трансплантации», обоснованной В.М. Полтеровичем³. Как и любую другую институцию, «государство невозможно «экспортировать»»⁴ в чистом виде. Поскольку привнесенные институции должны были сочетаться с традиционными, это предполагало их ассимиляцию на новой почве в соответствии с коллективной потребностью в прогрессивных институтах и нормах. Безусловно, «называть государством Киевскую Русь можно только при одном условии: если принять «мягкое» определение государства, не настаивая на необходимости для признания его существования наличия четкой классовой структуры общества, единых границ, языка, культуры, этноса, экономического и правового пространства»⁵.

Наличие в рамках Руси большой территории, которая была «разреженным» экономическим пространством, сочеталось с дефицитом человеческого фактора, доминированием переложного земледелия и слабой потребностью в развитии прогрессивных технологий в аграрной сфере. При достаточно масштабном вовлечении земель в хозяйственный оборот урожайность оставалась невысокой, что обуславливало низ-

---

¹ Кулаков В. Рюрики — легендарные собирательные образы // Известия. 2004. № 17 (31 янв.). С. 5.

² См., напр.: Фроянов И.Я. Древняя Русь: Опыт исследования истории социальной и политической борьбы. М.; СПб., 1995; Вернадский Г.В. История России: Древняя Русь. Тверь; Леан; М.: Аграф, 1996. 448 с.; Кучкин В.А. Формирование государственной территории Северо-Восточной Руси в X—XIV вв. М., 1984. 348 с.

³ См.: Полтерович В.М. Трансплантация экономических институтов // Экономическая наука современной России. 2001. № 3. С. 24—50.

⁴ Павленко Н.И., Андреев И.Л., Федоров В.А. Указ. соч. С. 34.

⁵ Данилевский И.Н. Древняя Русь глазами современников и потомков (IX—XII вв.): Курс лекций. 2-е изд. М.: Аспект-пресс, 2001. 339 с. С. 166.

кую норму прибавочного продукта, тормозило процесс накопления и расширения воспроизводства. Тем самым эволюционно возникли и закреплялись предпосылки низкой эффективности первичного сектора экономики. По замечанию Д.Ю. Миропольского, «высокая ресурсоемкость вторичного сектора экономики и скудость первичного прибавочного продукта требовали (его. — *Авт.*) полного изъятия... в пользу вторичного сектора. Такую задачу мог осуществить только развитый экономический центр, который и существовал в Киевской Руси»¹.

Роль центра повышалась тем более, чем сильнее каналы товарных потоков расходились с руслами рек. Кроме того, освоение новых пространств требовало определения времени и мест сбора «полюдь» и дани (реформы княгини Ольги о погостах и становищах), адекватных коммуникаций, застройки административными, бытовыми и религиозными зданиями — домами, крепостями, складами, наблюдательными вышками, монастырями и др. Понятия первичного и вторичного «секторов» являются нестрогими, но ими можно и достаточно удобно пользоваться для объяснения видовой структуры производственного пространства, хотя они не имеют ничего общего с секторами экономики, выделяемыми в соответствии с действующими формами собственности при анализе функциональной структуры хозяйственной системы.

«Царьградские походы» в IX—X вв. способствовали укреплению международного статуса государства, развитию русско-византийских отношений, восприятию и постепенному заимствованию элементов институционального устройства Византии. Это осуществлялось благодаря договорам Киевской Руси с Византией: о «мире и любви» после Царьградского похода в 860 г.; о дружественных отношениях между государствами, нормах международной торговли и мореплавания в 907 и 911 гг. (князя Олега); о ряде ограничений для русских купцов, сохранении территориальной неприкосновенности, военной помощи Византии в 944 г. (князя Игоря); о ненападении Руси на Византию в 971 г. (князя Святослава). Становление русского государства было во многом обусловлено целью максимизации выгод от Днепровского торгового пути «из варяг в греки», поэтому важным стратегическим транзитным пунктом стал Киев².

Торговые приоритеты в действовавших институциональных актах, нормах и правилах были обусловлены развитием товарно-денежного обмена с приграничными странами, что давало немалые доходы Руси и способствовало укреплению ее хозяйственных институций. В статусе продукта всегда отражается его институция, то есть социальное предназначение и признание, в силу которых он является предпочтительным или игнорируемым. Потребительский спрос (внутренний и внешний) влияет на статус продукта, задает социально требуемый уровень его качества, количественно ограничивая масштабы или ведя к большему распространению этого продукта, то есть являясь стимулом сужения или расширения его производства.

Такая закономерность конкретно проявлялась и в Древней Руси. Поэтому стабильный рост производства русского зерна, меда, воска, пушнины, льна, пеньки и др. можно объяснить высоким статусом этих продуктов, как идущих на экспорт. Важной статьей экспорта были рабы, что часто умалчивалось поздними исследователями или же осуждалось без учета конкретно-временной специфики работорговли (так, Л.Н. Гумилев сравнивал эту деятельность с современными валютными операциями и перепродажей наркотиков)³ и высокого статуса осуществлявших ее акторов, скажем,

¹ Миропольский Д.Ю. Формирование типов хозяйственных систем: динамика материальной структуры и процессы неравновесия: Автореф. дис. ... д-ра экон. наук: 08.00.01. СПб., 1997. С. 24.

² См.: Сахаров А.И. Дипломатия Древней Руси: IX — первая половина X в. М.: Мысль, 1980. 358 с.; Он же. Дипломатия Святослава. 2-е изд. М.: Международные отношения, 1991. 236 с.

³ См.: Гумилев Л. Древняя Русь и Великая степь. М.: Мысль, 1989. С. 127—128.

в VIII столетии¹. А, например, кольчуга, появившаяся на Руси из азиатских стран на 200 лет раньше, чем в Европе, была дорогим и престижным импортным товаром. Импортировались также вина, драгоценности, ткани, оружие и т.п. Аналогично, высокий статус экспортных товаров в период доминирования идей протекционизма в XVII—XIX столетиях соответствующим образом мотивировал производителей, стимулируя затраты больших усилий на их выпуск по сравнению с товарами, изначально предназначенными для внутреннего потребления.

Договор князя Олега с Византией 907 г. дошел до наших дней в составе списков «Повести временных лет» не в полном виде, а в пересказе летописца, но с использованием вставок из оригинальных текстов. Поэтому у историков имеются сомнения в подлинности этого одного из первых международных актов Киевской Руси, хотя степень сложности его позднейших редакций и вероятность компиляций не обоснованы с достаточной точностью. Так, по мнению А.А. Шахматова, текст этого документа подвергся значительной редакции летописным сводчиком, а возможно, был им полностью скомбинирован, следовательно, не должен рассматриваться в качестве достоверного источника². Существуют и альтернативные точки зрения. Но для данного исследования важна институциональная направленность документа, которая не может вызывать сомнений у ученых.

В договоре были закреплены основные требования «руссов»: «Да приходять Русь, хлебное емлют, елико хотять. А иже придут гостье, да емлют месячину, на 6 месяць; и хлеб, и вино, и мяса, и рыбы и овощем; и да творять им мовь, елико хотять. И поиду же Русь домови, да емлют у цесаря вашего на путь брашно, и якоря, и ужа, и пре, и елико надобе»³. По «праву победителя» русские купцы получали довольствие на установленный полугодовой период своего пребывания в Константинополе. Греческие представители подтвердили эти требования и дополнили их конкретными процедурами: «...аще приидуть Русь бес купли, да не взимают месячины. Да запретит князь людем своим приходящим Руси zde, да не творять пакости в селех и в стране нашей. Приходящии Русь да витають у святого Мамы; и послеть цесарство наше, да испишуть имена их, и тогда возмуть месячное свое: первое от города Киева, и паки ис Чернигова и Переяславля, и прочии городи. И да входять в город одними вороты, с цесаревым мужем без оружья, мужь 50, и да творять куплю, яко же им надобе, не платяче мыта ни в чем же»⁴. В целях обеспечения безопасности для столицы Византии русские купцы должны были собираться в отведенном специальном месте, где византийский чиновник составлял их список на получение месячного довольствия. При этом учитывался статус городов, из которых они прибывали, в соответствии с чем формировалась очередность получения «месячины». Как видно из текста договора, торговые операции русских «гостей» не облагались никакими пошлинами.

Основные моменты институционального регулирования международных трансакций зафиксированы и в договоре с Византией 911 года. В нем говорилось, в частности, о преступлениях против имущества: «Аще ли кто, или Русин хрестьяну, или хрестьян Русину, мучения образом искус творити и насилье яве, или възметь что либо

¹ См., напр.: Геллер М.Я. История Российской империи: В 3 т. М.: Изд-во «МИК», 1997. Т. I. 448 с. С. 19–20.

² См.: Шахматов А.А. Несколько замечаний о договорах с греками Олега и Игоря // Записки неологического о-ва при Имп. Петроградском ун-те. Вып. 8: Сб. в честь проф. Ф.А. Брауна. Пг., 1915. С. 385–407.

³ Памятники истории Киевского государства IX—XII вв.: Сб. док. / Подгот. к печ. Г.Е. Кончин; Преподисл. Б.Д. Грекова. Л.: Соцэкгиз, 1936. 220 с. С. 32–33.

⁴ Там же. С. 33.

дружинне, да въспятить троичь»¹. За насильственные действия, грабеж, «набег шайкою или наезд»² полагалось трехкратное возмещение убытков.

Урегулированию подлежала и другая важная проблема того времени, связанная с выкупом пленных и рабов. В договоре описан механизм преодоления институции рабства с переходом в свободные люди посредством выкупа. Поскольку различались два способа получения рабов: пленение в ходе военных действий и покупка, то в первом случае пленники выкупались по установленной твердой цене: «...многожды от коея убо страны, пришедшим в Русь и продаемом в крестьяны, и еще же и от христиан полоненных многожды от коея любо страны приходящим в Русь: се продаемы бывают по 20 золота и да придут в Греки»³. При выкупе же приобретенных рабов применялась действовавшая на момент покупки рыночная цена (так называемая «цена челядинная»), которая подтверждалась клятвой. Данная практика нашла отражение в более позднем договоре князя Игоря с греками (944 г.): «Если окажутся русские в рабстве у греков, то, если они будут пленники, пусть выкупают их русские по 10 золотников; если же окажется, что они куплены греком, то следует ему поклясться на кресте и взять свою цену — сколько он дал за пленника»⁴.

Интересно также, что в статье 10 договора установлена возможность свободного поступления «руссов» на византийскую службу в качестве «воев» (воинов): «Егда же требует на воину ити, егда же потребу творите и си хотят почестити царя вашего, да аще в кое время елико их придеть и хотят оставити у царя вашего, своею волею да будут»⁵. Институциональные преграды со стороны князя в этом случае, следовательно, не создавались.

С этих времен на основе постепенного государственного обособления и самоопределения Киевской Руси начинается первый этап формирования письменной системы закрепления институциональных воззрений и отношений наших соотечественников в древнем обществе. Конечно, дату завершения процесса образования Великого княжества Киевского определить практически невозможно, поэтому сосуществуют различные точки зрения, связывающие ее (дату) со взятием Киева Олегом в 882 г. и присоединением Полоцка Владимиром Святым в 980 г., а также с принятием христианства в 988—989 гг.

Формирование системы экономических институций в нашей стране (IX — середина XV в.), как известно, представляло собой чрезвычайно сложный и неоднородный процесс, на который оказали влияние многие крупные исторические события, связанные с дроблением, объединением, новообразованиями и завоеваниями хозяйственного пространства русичей. Возникновение коренных институциональных компонентов в достаточно четко определившихся контурах Древнерусского государства составляло суть происходившего процесса первичного социального закрепления общих социальных и исходных хозяйственных функций.

Логика периодизации эволюции институционального компонента российской экономической мысли (народной и академической, официальной и бытовой) призвана показать его качественные и количественные изменения посредством системы «сквозных» критериев. Применение такой системы позволяет дать представление об институцио- и институтогенезе российского хозяйства, их истоках и факторах в рамках рассматриваемого и последующих исторических этапов.

¹ Памятники истории Киевского государства IX—XII вв. С. 35.

² Там же. С. 179.

³ Там же. С. 36.

⁴ Повесть временных лет // Библиотека литературы Древней Руси. Т. 1: XI—XII вв. СПб.: Наука, 1997. С. 101.

⁵ Памятники истории Киевского государства IX—XII вв. С. 36.

Система характеристик каждого периода развития институционализма в России основывается на принципах полноты и достоверности, объективной релевантности и компаративности, системности и диалектической противоречивости в единстве исторического и логического подходов. Эта система, характеризующая динамику онтологических и гносеологических форм реализации институциональной деятельности, включает:

- исторические условия познания институциональных явлений;
- основных представителей экономической мысли и институциональное содержание их идей;
- ведущие институции, доминирующие институты и органы;
- социальный тип основных субъектов институциональной познавательной и преобразовательной (практической) деятельности;
- особенности организации познания институциональной среды, ее основные методы и формы;
- интернальные и экстернальные эффекты онто- и гносеогенеза институциональной подсистемы хозяйства.

Сформированная система критериев эволюционного анализа позволила осуществить компаративное исследование степени «зрелости» институциональных идей на различных этапах их развития и эффективность полученных результатов. Внутренняя рефлексия общества, неудовлетворенность людей уже достигнутым уровнем институционального развития порождали конструктивную «напряженность», воплощавшуюся в творческих поисках, которые можно связывать с прогрессом. Своеобразие исторической эпохи накладывало существенный «отпечаток» на выдвигавшиеся институциональные идеи. Поэтому оценивать эти идеи, равно как и результаты их воплощения в хозяйственной практике, следует относительно соответствующего исторического этапа, ведь, согласно позиции А. Дж. Тойнби, «в каждую эпоху и в любом обществе изучение и познание истории, как и всякая иная социальная деятельность, подчиняются господствующим тенденциям данного времени и места»¹.

Основываясь на предложенном методологическом подходе, можно определить, что в качестве основных институциональных субъектов в Древней, а затем и Московской Руси выступали князья (великие, «светлые», удельные), их ближайшее окружение (посадники, тысяцкие, стольники, ловчие, окольные), бояре, дружинники, волхвы, митрополит, другие представители духовенства, церковные люди, татаро-монгольские завоеватели (хан, баскаки и пр.), посадники, воеводы, тысяцкие, смерды, челядь, холопы, закупы, рядовичи, изгои, ремесленники, торговцы, свободные общинники («люди») и др.

Несмотря на интенсивные процессы дифференциации и стратификации, на Руси в этот период еще не сформировались четкие границы между социальными институциями, отсутствовали идентифицирующие барьеры, процедуры идентификации агентов были недостаточными, а их межинституциональная мобильность — достаточно высокой. Как отмечал Г. В. Вернадский, «русские политические институты киевского периода основывались на свободном обществе. Там не было непреодолимых барьеров между различными группами свободных людей, не существовало наследственных каст или классов, и было еще легко выйти из одной группы и оказаться в другой»². Исторически сложившийся низкий уровень транзакционных издержек межинституциональной мобильности можно объяснить недостаточной развитостью системы барьеров и ограничений между разными социальными группами по причине

¹ Тойнби А. Дж. Постигание истории. М.: Прогресс, 1991. 736 с. С. 14.

² Вернадский Г. В. Русская история: Учебник. М.: Аграф, 1997. С. 54.

отсутствия противоречий их ассоциированных (общих) интересов в рамках формирования товарно-денежного типа ведения хозяйства.

Объектами и базой социально-экономической институционализации служили формы жизнедеятельности, результаты пользования и владения имуществом; методами регулирования — обряды жертвоприношения, контрибуции, полюдь, дань; инструментами — разные формы штрафа, вира, продажа и др. Анализ древнерусских текстов (летописей, записей, писем, расписок, законных актов, договоров и т.п.) и записок иноземцев позволяет выявить институты, в разной степени детерминировавшие хозяйственную систему, исходя из отношений пользования, владения, распоряжения как форм реализации собственности на факторы, ресурсы и результаты производства того времени. Эти институты непосредственно и довольно крепко были связаны с первичными социальными формами функций членов древних сообществ.

Исследования показывают отсутствие на рассматриваемом историческом этапе сильной субъектно-объектной дифференциации между экономическими, политическими, правовыми, культурными, военными и религиозными институтами, подтверждая их «сращенное» существование в состоянии перехода от неразвитого тождества к различию по сферам, отраслям, уровням. Среди них представляется целесообразным выделить: княжество, боярство, дружинничество, посольство, регентство, ханство, баскачество, посадничество, тысяцтво, наместничество, волостельство; язычество, иудейство, мусульманство, католичество («латинство»), православное христианство, волховство, духовенство («священство»), монашество, игуменство, архиепископство, митрополитство; людство, родство, потомство, семейство, старшинство, общинничество, артельничество, послушество, сказительство, народоправство, холопство (служилое и страдное), тивунство, изгойство, половничество, рабство, данничество¹, полонянничество; собирательство, охотничество, рыболовство, земледельчество, крестьянство, огородничество, скотоводство, бортничество, пчеловодство, купечество, складничество, ростовщичество, лихоимство; ясачничество, дарительство, покровительство, наушничество, предательство, обязательство, братоубийство, «храбрство» и др.

Конечно, «полное перечисление всех социальных институтов (а тем более, институций. — *Авт.*) оказывающих воздействие на функционирование экономики, заняло бы много страниц»². Приведенный конгломерат институций несколько игнорирует различия в институциональных матрицах Древней Руси (IX—XIII вв.), основу хозяйственной системы которой составляли «полюдь» и данничество, и Русских земель XIII—XV вв., в которых утвердился вотчинный режим хозяйства, основанный на крупном землевладении. Под институциональной матрицей понимается система ключевых, базовых институций, доминирующих на разных уровнях (от нано- до макро-) строения системы хозяйства в конкретный исторический период. Но осуществленное агрегирование ведущих институций вполне допустимо, поскольку одной из задач данного исследования видится обобщение тенденций институционального развития российского хозяйства в разные исторические эпохи. Уточнение и компаративный анализ институциональных матриц во временном и пространственном аспектах — перспективные задачи ученых, работающих в русле экономической, социальной и политической истории России.

Многообразие возникавших и утверждавшихся институций разного уровня зрелости отражало сложное и интенсивное взаимодействие автохтонных и аллохтонных

¹ См.: Фроянов И.Я. Рабство и данничество у восточных славян (VI—X вв.). СПб., 1996. 542 с. С. 274—278.

² Камерон Р. Краткая экономическая история мира: От палеолита до наших дней. М.: Изд-во «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2001. 544 с. С. 23.

хозяйственных культур и укладов¹ — первобытно-общинного, рабовладельческого и формировавшегося феодального — в экономическом пространстве Древней Руси.

Следует отличать главные, основные, древние институциональные феномены от побочных, второстепенных, более поздних. Если первые созданы добывающими промыслами, ремеслами, натуральным земледельческим хозяйством, звероловством и скотоводством, то вторые представляют собой результат влияния внешних связей и отношений — торговли, войн, приграничных взаимодействий племен.

Одной из важных, но не основных отраслей народного промысла в Киевской Руси было бортничество как специфическая форма собирательства и зачаточная форма пчеловодства. Данная «производительная функция» (термин К. Маркса) социально закреплялась в форме особой институции, производившей специфический позитивный, но довольно низкий статус бортника. Бортничество не требовало никаких искусственных технических приспособлений для содержания пчел, ульев и пасек, а опиралось на технологию сбора меда диких пчел из дупел лесных деревьев (носивших название «бортных» или «бортей»).

Понятно, что при занятии таким видом деятельности требовались очень небольшие затраты труда: достаточно было только поставить на бортное дерево «знамя», то есть символ реального обретения правомочий собственности, и своевременно вынуть накопившиеся воск и мед. Следовательно, право первого завладения (так называемый принцип оккупации) активно применялось в хозяйственных взаимодействиях Древней Руси, являлось преимущественным и господствующим. Лишь к концу XVIII в. бортничество стало постепенно вытесняться колодным пчеловодством.

Бортники и звероловы искали простора для своего промысла, поэтому они не прибывали к своим оседлым соплеменникам, а, напротив, селились отдельно («вразброд») на более или менее возвышенных местах сырой и болотистой лесной части страны, поблизости от рек как наиболее удобных транспортных и коммуникационных артерий. Подчеркнем, что бортничество на Северо-Востоке Руси все же играло подчиненную роль по отношению к земледелию.

В условиях слабо развитого общественного разделения труда семья не отчуждала на сторону практически никаких продуктов своей деятельности (то есть товарно-денежные, «рыночные» отношения были недостаточно развиты), все основное производилось для собственного потребления и почти ничего не покупалось у других. В условиях подобной семейной организации натурального хозяйствования не оставалось места для широкого применения несвободного, рабского труда в крестьянском хозяйстве Древней Руси, поскольку для этого практически отсутствовали необходимые экономические и институциональные основания². Однако институция рабства (точнее, обельного, или полного, холопства) существовала, хотя и не стала основой хозяйственного строя, как это произошло в Египте, Риме и других рабовладельческих государствах. Были и различные категории зависимых, несвободных людей — закупы, рядовичи, изгои, пущенники (рабы, отпущенные на волю без выкупа, по определению И.Я. Фроянова)³ и др.

Центрами активизации товарно-денежных отношений были города, количество которых в XII в. достигло на Руси 135, где основными занятиями жителей были ремесленничество и торговля, а побочными (вспомогательными) институциями — под-

---

¹ См.: *Иниаков О.В.* Экономическая культура: новые ориентиры познания // Наука, искусство, образование в III тысячелетии: Материалы III Междунар. науч. конгр., г. Волгоград, 7—8 апр. 2004 г.: В 2 т. Т. 1. Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2004. 365 с. С. 16—23.

² См.: *Рожков Н.А.* Город и деревня в русской истории. 5-е изд. Пг.: Книгоиздательство В.С. Клестова, 1919. С. 17.

³ См.: *Фроянов И.* Начало христианства на Руси. Ижевск: ИД «Удмуртский университет», 2003. 274 с.

собное хозяйство, охотничество, рыболовство, часто бортничество. Трудно согласиться с позицией некоторых историков, считающих, что «объяснение появления раннесредневековых городов на Руси в итоге общественного разделения труда — пример явной модернизации в понимании экономики того времени, когда господствовало натуральное хозяйство»¹. Но разве в условиях натурального хозяйства общественное разделение труда отсутствует? Конечно, нет: именно оно является основой и содержанием пространственного институциогенеза, связанного с социальным укреплением за отдельными участками и траекториями хозяйственного пространства определенных значимых функций и введением их в общепризнанные статусы² — применительно к Древней Руси уместно говорить о статусах «стольных городов и городов — волостных центров, “пригородов” и городков, городцов и городищ, погостов, слобод, сел, селец, селищ, весей и т.п.»³.

Существует мнение, что на территории будущей Московии изначально сформировались два социально-экономических уклада. Носителем одного были потомки племен воинов, пришедших на территорию Смоленского края (Верха) и привнесших в систему социальных отношений институцию княжества, аналогом которой на Руси традиционно являлось боярство, «отработанное» в качестве механизма власти на протяжении многих веков. Данному укладу соответствовали иерархичность властных отношений, безусловность подчинения, беспрекословность исполнения и т.д., закреплявшиеся в определенной структуре статусов и ролей. В этом укладе доминировали черты социального типа принцепала.

В те же времена зародился и существовал альтернативный уклад жизнедеятельности, оформлявший бытие сообществ, приспособившихся к получению дохода от «посредничества, управления, сбора налогов, различных финансовых махинаций и операций»⁴ и др. В этом укладе преобладали черты социального типа агента.

Более точно, институциональная система Древней Руси представляла собой синтез восточнославянского земледельческого и норманнского торгово-военного укладов жизнедеятельности. Возможно, именно этой институциональной двойственностью социальных типов акторов, принадлежавших к разным укладам, был исходно и типологически заложен источник противоречий взаимодействия социальных институций, непрестанно генерировавший причины будущих конфликтов и потрясений. Однако это предположение имеет исключительно гипотетический характер, ведь современные «археологи, признавая посреднические функции купцов-варягов, отмечают, что в целом норманнское влияние на материальную культуру Руси было незначительным. В экономической, социальной и тем более культурной областях земледельческий славянский мир мало что позаимствовал из мира варягов-мореплавателей»⁵.

Для институциональной истории первых десятилетий Древней Руси характерны активное расширение границ хозяйственного пространства на юг от Прикаспия и Северного Кавказа до Дуная, а также недостаточное внимание князей к устройению Русской земли. Тем не менее необходимость единства всех жителей Киевской державы, несомненно, ощущалась ее правителями в условиях территориальной экспансии и усложнения этнической структуры населения.

¹ Даркевич В.П. Указ. соч. С. 43.

² См.: Иниаков О.В., Фролов Д.П. Институциональность пространства в концепции пространственной экономики // Пространственная экономика. 2007. № 1.

³ Данилевский И.Н. Указ. соч. С. 81.

⁴ Богданов В.В. Этническая и эволюционная история Руси: История тирании в России. Кн. III. М.: Белые альвы, 2001. 272 с. С. 40.

⁵ Павленко Н.И., Андреев И.Л., Федоров В.А. Указ. соч. С. 39.

Закономерным шагом в институциональном развитии Руси в конце первого тысячелетия (по современному, григорианскому, летосчислению, введенному в нашей стране Петром I) явилась ликвидация «сверху» институции язычества, продуцировавшей модель природно-ориентированного, жизнелюбивого, оптимистического, хотя и сильно внешне обусловленного естественными силами социального поведения и миропонимания. Его заменило путем установления всеобщей институции Православное христианство, пришедшее из Византии и требовавшее жестких ограничений, строгого выполнения установленных в его канонах нравственных принципов и правил, обычаев и обрядов, статусов и ритуалов.

«Имплантация» Православия, несмотря на естественные препятствия того времени, означала тотальное позитивное изменение всего жизнеустройства, трансформацию всех институций, норм и моделей социальных отношений. Важнейшей причиной столь кардинальной реформы была низкая институциональная эффективность языческой культуры с ее культом предков и природы, которая не способствовала укреплению необходимой государственности, централизации хозяйственных процессов, унификации институциональных правил и норм. Ведь «поклонение родоплеменным богам более отвечало потребностям родового строя: язычество воспроизводило племенной сепаратизм, порождало коллективную ответственность за все поступки, оправдывало кровную месть»¹.

Важно, что внедрение и последующая эволюция Православного христианства на Руси происходили без иностранного вмешательства, хотя большинство ее западных соседей получали такую институцию «из рук» миссионеров или крестоносцев.

Институциональная реформа в религиозной сфере Древней Руси во второй половине X столетия прошла несколько этапов. Вначале она основывалась на идее укрепления институции язычества, с целью чего капище Перуна, располагавшееся первоначально в границах древнейших городских укреплений, было вынесено на новое место, доступное всем прибывавшим в «стольный град» Русской земли. Князем Владимиром I была предпринята попытка создания пантеона языческих богов, символизировавшего единство восточно-европейских славянских и неславянских племен в рамках огромного разноплеменного суперсоюза. Провал этой попытки и привел к целенаправленному и отчасти принудительному внедрению в развивающуюся древнерусскую социальную систему более прогрессивной институции Православного христианства².

В городах произошла достаточно быстрая элиминация (лат. *elimino* — выношу за порог, удаляю) языческих обычаев и других атрибутов по причине высокой концентрации агентов княжеской власти, контролировавших ход этой институциональной инновации. Так, по свидетельствам иноземцев, в Киеве уже в начале XI в. было около 400 церквей³. Однако на остальной части хозяйственного пространства молодого Киевского государства язычество продолжало функционировать в течение длительного периода после крещения. Субоптимальное сжатие временных рамок процесса ликвидации данной институции предопределило его провалы. Однако несмотря на перманентно возникавшие конфликты, особенно в крупных городах (Новгороде, Ростове, Муроме и др.), христианство в основном утвердилось в Древней Руси за сто лет.

Это очень короткий срок для столь кардинальных перемен, что лишний раз доказывает благоприятность сложившихся институциональных условий для рутинизации происшедшей в 988 г. религиозной инновации. Для сравнения, Швеции по-

¹ Павленко Н.И., Андреев И.Л., Федоров В.А. Указ. соч. С. 42.

² См. также: Рыбаков Б.А. Язычество Древней Руси. М.: Наука, 1987. 782 с.; Он же. Язычество древних славян. М.: Наука, 1994. 606 с.

³ См.: Павленко Н.И., Андреев И.Л., Федоров В.А. Указ. соч. С. 51.

надобилось 250 лет, чтобы принять христианство, Норвегии — 150 лет. Православное христианство формировало широкую основу для интеграции древнерусского общества, для единения и консолидации русского народа на основе общих духовных и нравственных принципов¹. Следует подчеркнуть особую роль Православия и установления «византийских стандартов» в религиозной сфере общества, что косвенно способствовало ускоренной интеграции различных институций в системе государственной власти.

Допустимо говорить о «двоеверии», развитии смешанной, синтетической культуры: первоначально языческой, а затем христианской с рудиментами язычества. При этом элементы двоеверия одновременно и дополняли, и взаимно исключали друг друга. В итоге, словами Б.А. Рыбакова, сформировалось «известное компромиссное равновесие языческих и православных элементов»². Ведь Русская цивилизация, само возникновение которой И.В. Можайскова в своем фундаментальном труде связывает с принятием византийского христианства, «была в то же время лишена тех отрицательных черт, которые вошли в поговорку или стали общими местами при характеристике специфического морального облика людей Византийского общества»³. Следовательно, осуществленная институция реализовалась в конкретно-исторических условиях Киевской Руси принципиально иначе, нежели в Византии и других странах.

Оригинальную и достаточно убедительную точку зрения на процесс трансформации базовой религиозной институции Древней Руси высказал Д.С. Лихачев, полагавший, что «двоеверие» суть не что иное, как «кабинетный миф». Реально оно «не могло существовать, потому что невозможно одновременно верить в языческих богов и быть христианином. Это невозможно»⁴, так как ведет к массовой институциональной «шизофрении», раздвоению личности из-за параллельной включенности в институции-антагонисты. «Поскольку высшее язычество было раздробленным, оно и было уничтожено Владимиром довольно мирным путем. Столкнули в воду этих идолов, простоявших в Киеве всего несколько лет. О них поплакали и о них забыли. И заметьте — не порубили, не сожгли. Проводили с почестями: так обветшалую икону будут класть на воду, доверяя ее реке. И все. Древние боги ушли. А вот язычество в своих земледельческих и бытовых нравственных формах живо до сих пор»⁵. Это свидетельствует о значительной силе инерции институции язычества, вытесненной Православием на периферию массового сознания, но не ликвидированной окончательно до сих пор.

Существуют и альтернативные позиции. Вплоть до XIII в., по утверждению Е.Е. Голубинского, «наши предки в своей низшей массе или в своем большинстве, буквальный образ став двоеверными и только присоединив христианство к язычеству, но не поставив его на место последнего, с одной стороны, молились и праздновали Богу христианскому с сонмом его святых, по их представлениям — богам христианским, а с другой стороны, молились и праздновали своим прежним богам языческим. Тот и другой культ стояли рядом и практиковались одновременно...»⁶ По

¹ См.: Раушенбах Б.В. Тысячелетие крещения Руси // *Он же*. Пристрастие. 2-е изд. М.: Аграф, 2000. 432 с. С. 67.

² Рыбаков Б.А. Язычество Древней Руси. М., 1987. С. 457.

³ Можайскова И.В. Духовный образ русской цивилизации и судьба России: (Опыт метаисторического исследования): В 4 ч. Ч. I: Религиозные начала цивилизационной структуры и духовные истоки русской цивилизации. М., 2001. 560 с. С. 528.

⁴ Лихачев Д.С. Указ. соч. С. 56.

⁵ Там же.

⁶ Голубинский Е.Е. История Русской Церкви: В 3 т. Т. 1, кн. 2. М.: Крутицкое патриаршее подворье, 1997. 926 + XVIII с. С. 849.

словам историка Русской церкви А.В. Карташева, «простые народные массы никак не могли стать такими дерзкими рационалистами, чтобы отрицать существование национальных богов, и привыкая к христианскому Богу, вместе с тем благоговейно читали и свои прежние святыни. Молитва в христианском храме не успокаивала пугливой мысли русского новокрещенца, и он спешил помолиться в овин, в хлебное поле, в рощу, к воде, чтобы не обидеть исконных покровителей его обыденной жизни...»¹. Переходный период от язычества к Православию, возможно, был первоначально связан с формальным следованием христианским нормам с их все более активным закреплением в повседневной практике и утверждением в массовом сознании. Таким образом, новая институция эволюционно становилась все более органичным элементом бытия древних русичей.

С.Д. Домников высказывает мнение о том, что «сонм святых генетически был связан с политеизмом народных верований. Именно это и превращало культ святых в узел связи христианства и народных верований. Культ святых имеет и то значение, что он составил наиболее приемлемую форму для усвоения населением отвлеченных начал христианства»², которое исходно являлось религией доминируемых социальных групп. Святые предстают своего рода посредниками — заступниками человека перед Богом, воспринимаемыми на Руси почти как апостолы³.

Статус святого присваивается посредством процедуры канонизации как церковным и государственным деятелям, так и представителям простого народа. Особенность данной институции заключается в ее посмертном характере: причисление к лику святых отражает церковную и общественную оценку жизненного пути конкретного человека *post factum* как героического, подвижнического, мученического, сопровождавшегося чудесами и т.п. Человек не умирает, пока живет память о нем, а складывавшиеся каноны почитания святых позволяли воспроизводить ее в масштабе всего государства. В соответствии с образом жизни и обстоятельствами смерти институция святых дифференцируется и среди ее условных «агентов» выделяются праведные, преподобные, мученики, преподобномученики, священномученики, царственные мученики, блаженные, воины-схимонахи, благоверные и равноапостольные князья, святители, чудотворцы и др. Первыми русскими святыми стали страстотерпцы братья-князья Борис и Глеб, канонизированные в 1071 г., а первой святой — равноапостольная великая княгиня Ольга, причисленная к их лику до монгольского нашествия. Интересно, что на этапе становления (XI в. — 1547 г.) культ святых носил местный характер, поскольку канонизация осуществлялась в основном епископами в пределах своих епархий, однако многие святые почитались в общерусском масштабе.

Специфика Русской Православной церкви состоит в особом месте институции старчества в ее иерархии. Святые старцы хотя непосредственно и не входили в церковную структуру, но имели столь значительное влияние на массы верующих, что к ним часто обращались за советом и благословением патриархи и князья⁴.

Институция Православного христианства, говоря словами С.Г. Кирдиной, «сыграла интегративную роль для окончательного оформления государства, в котором базовые институты экономики, политики и идеологии образовали внутреннее единство

¹ Карташев А.В. История Русской церкви: В 2 т. Т. 1. М.: ЭКСМО-Пресс, 2000. 848 с. С. 293—294.

² Домников С.Д. Мать-земля и Царь-город. Россия как традиционное общество. М.: Алетей, 2002. 672 с. С. 102.

³ См. также: Успенский Б.А. Борис и Глеб: Восприятие истории в Древней Руси. М.: Языки русской культуры, 2000. 124 с.

⁴ См.: Монахиня Игнатия: Старчество на Руси. М.: Свято-Троицкая Сергиева Лавра, 1999. 315 с. (Сер. «Биб-ка журн. «Альфа и Омега»).

и поддерживали друг друга»¹ в рамках общей институциональной матрицы. Вряд ли можно говорить об изначально интегрирующей роли Православия, если учесть его довольно длительное сосуществование с параллельно сохранявшимися языческими обычаями и обрядами. Напротив, принудительное введение Православия первоначально одним ударом раскололо монолитное символическое пространство бытия древнерусского язычника в природе, дестабилизировав автономный мир его хозяйствования, проявившись в качестве примера значительных институциональных возможностей и реальной силы киевского князя.

Целесообразно, конечно, избегать идеализации языческого строя и признать, что христианство явилось прогрессивной новацией, придавшей институциональный импульс интеграции Киевской Руси в находившуюся на стадии становления систему международного разделения труда, постепенному обретению высокого мирохозяйственного статуса, снижению транзакционных издержек субъектов торговой сферы и т.д.

Вместе с тем, для договорных отношений языческой Руси был характерен принцип «святости слова», который с первых лет христианства и по мере укрепления связей с «Византией расслабленной» все более размывался, утрачивался, в результате так и не был переведен «из идеи в систему», не стал центрирующим принципом институционального устройства. Уровень доверия в древнерусском обществе постепенно снижался, а транзакционные издержки отечественных хозяйственных субъектов, соответственно, росли.

При общих христианских истоках в Православии сильнее выражена идея общинства и слабее, чем в западном христианстве, — идея прогресса, поступательного развития. Причина заключается в том, что изначально христианское мировоззрение основывалось на Евангелии (Новом Завете). В дальнейшем западное христианство, последовательно расширяя свою парадигму, интегрировало в нее положения Ветхого Завета, в котором наиболее четко и ярко выражена идея социального прогресса. Русское Православие весьма продолжительное время ориентировалось прежде всего на Евангелие, в котором, по словам архимандрита Илариона (Троицкого), «идеал православия есть не прогресс, но преображение»². Надо сказать, что до конца XV в. на Руси параллельно «ходили» четыре канонических Евангелия и еще восемь не канонических (от других апостолов), а также апокрифическое «Хождение Богородицы по мукам...». Впервые Библия была полностью переведена при архиепископе Новгородском Геннадии в конце XV в., а Символ веры (катехизис) появился на Руси под влиянием католиков в XVII столетии.

Всеобщим установлением Православия и его закреплением как базового элемента культуры была во многом predetermined судьба России как «Святой Руси», сквозь времена бредущей через социально-культурные завалы, овраги раздробленности, поля голода, пожары захватнических войн с иноземцами, «через хаос национальных предрассудков, по узким тропинкам местных идей, по изрытым колеям туземной традиции»³ к вселенским идеалам гармоничного саморазвития, добра и общественной справедливости...

Киевская Русь по своей сути была ранней монархией, что укреплялось в связи с перенесением в славянскую среду варяжских традиций. Доминировали потомки

¹ Кирдина С.Г. Институциональные матрицы и развитие России. Новосибирск: ИЭиОПП СО РАН, 2001. 308 с. С. 231.

² Цит. по: Семеникова Л.И. Россия в мировом сообществе цивилизаций. М.: Интерпракс, 1994. С. 116—117.

³ Чадаев П.Я. Философические письма (1829—1830) // Он же. Полн. собр. соч. и избр. писем. М.: Наука, 1991. Т. I. 800 с. С. 526.

культур воинов, посредников и разного рода иных стяжателей чужих благ, а их военно-торговые ценности преобладали над земледельческими, характерными для большинства населения. В большей мере почиталось быть на службе у князя и торговать, чем заниматься непосредственно производительной деятельностью на земле. При таком положении дел значительно деградировало интенсивное использование и многообразии факторов и продуктов производства: стоит, например, сказать, что киевские крестьяне выращивали на своих огородах только репу и капусту¹. Вместе с тем спорным является утверждение некоторых историков о тирании в Киевской Руси. Древнерусский князь — не тиран, а, скорее, лидер, вождь, первый среди равных, то есть своей братии и дружины. Фактически его роль аналогична ролям патриарха рода и главы большой семьи. О реальной тирании можно говорить применительно к политике Ивана III, но едва ли в более ранние исторические периоды, о которых имеются достоверные сведения.

К концу IX столетия современный исследователь О.Э. Бессонова относит возникновение институционального механизма сдаточно-раздаточного типа, который формировался «как естественная форма хозяйственной жизни, наилучшим образом решающая определенные задачи того исторического времени, а именно — обеспечения условиями жизнедеятельности членов конкретных общин, а следовательно, по совокупности и всего общества. Объектами раздач выступали прежде всего предметы потребления, затем земельные владения и управленческие должности, подразумевающие получение определенного дохода. С самого начала принципы раздач были тесно связаны со служебным положением: чем выше социальная позиция, тем более привлекательны объекты раздач»². Речь идет о возникновении в общих чертах институционального механизма распределения.

Конечно, реальная сложность хозяйственной системы Древней Руси отнюдь не исчерпывалась отношениями «сдаточно-раздаточного» типа, то есть распределения и перераспределения (редистрибуции). Ресурсы, факторы и продукты деятельности, в том числе выступавшие в социальной форме товаров, были активно задействованы в разнообразных транзакциях обмена и распределения, таких, как купля, продажа, сдача, раздача, мена, передача, дарение и др., среди которых невозможно выделить доминирующие. Если же признать таковыми сдачи и раздачи, становятся трудно объяснимыми, например, высокие темпы развития в Древней Руси торговых отношений на основе транзакций купли-продажи.

Все указанные виды транзакций представляют собой действия перехода благ от одних субъектов к другим на определенных условиях. Но в сделках обменивается и распределяется уже сделанное, произведенное, поэтому транзакции имеют вторичный характер, они производны от трансформаций. Не учитывая этого, легко прийти к заключению, что на основе отношений обмена и редистрибуции «выстраивается любая экономика»³. Но чтобы нечто раздать, сначала надо его произвести. Поэтому, несмотря на высокую рентабельность посреднических и торговых операций в Древней Руси, основой ее экономики являлись институты сельского хозяйства и материального производства.

Скудость трансформационных факторов древнерусского хозяйствования сказывалась на состоянии транзакционных. Формы поземельной собственности имели естественное происхождение: там, где для совместной обработки сельскохозяйственных

---

¹ Богданов В.В. Указ. соч. С. 264.

² Бессонова О.Э. Раздаток: институциональная теория хозяйственного развития России. Новосибирск: ИЭ и ОПП СО РАН, 1999. 152 с. С. 93.

³ Кирдина С.Г. Простейшие формы самоорганизации экономических систем // Встреча с простотой / Под ред. д-ра экон. наук О.В. Иншакова. Волгоград: Волгогр. науч. изд-во, 2006. С. 136.

угодий требовалась простая кооперация труда, общинно реализовывалась передельная форма собственности; там же, где для размещения нового поселка и расчистки пашенной земли достаточно было усилий семьи, образовывалась собственность раздельная. В этой связи установление и закрепление той или другой формы общинной поземельной собственности имело четкий региональный характер: в Лесной Руси (Северо-Восточная и Северная Русь) господствовало мирское передельное землевладение, а в южных районах крестьяне селились в раздел, «сохраняя общую межу, как границу поземельной собственности поселившейся артели»¹.

Постепенное формирование исходных компонентов институционального пространства и его насыщение необходимыми социальными типами субъектов сопровождалось генезисом ряда социально-экономических институций, носивших профессиональный характер, то есть определявших специализацию акторов по сферам их деятельности и производимому продукту. Но на этом этапе такие институции были недостаточно охвачены правоотношениями: отсутствовали четкие барьеры между ними, процедуры и правила смены институций, а система социальных статусов окончательно еще не была закреплена правом.

В связи с этим отечественный историк Н.А. Рожков отмечал, что «нет ничего легче, как определить различие между социальными группами по их занятиям, но мы тщетно стали бы искать определенных сколько-нибудь значительных юридических различий между теми же группами: дружинники, люди и смерды не отличались друг от друга ни правами, ни обязанностями. Гражданская и политическая полноправность и полная юридическая, в значительной степени и фактическая, возможность перейти из одного состояния в другое — отличительная особенность общественного строя древнейшей России»². Происходившая стратификация общества характеризовалась неустойчивостью возникавших сословий и наличием большого числа промежуточных слоев и переходных статусов. Вместе с тем это было время, когда, по мнению В.О. Ключевского, «своих и чужих начинали различать не по генеалогическим воспоминаниям, а по сходству занятий и состояний, прав и обязанностей по отношению не к общему предку, а к общему государю. Сходство целей, понятий, нравов, прав и обязанностей, разнообразных житейских отношений рождало новую могущественную связь между людьми — сословный интерес, становившийся на место чувства кровного родства»³. В противоречивом процессе институционализации хозяйственной системы Руси рассматриваемого периода институция государства постепенно замещала собой институцию родства, а социальные формы хозяйственных функций акторов продуктивно дифференцировались, создавая основу интеграции русского народа в условиях многоукладности жизнедеятельности людей.

§ 2. Мир русской народной сказки и былины: передача институциональной идентичности

Созданный потенциал институциональной экономической теории создает возможности иного взгляда на устное наследие русского народа, «отличного от обыденного, чаще всего принимаемого без раздумий»⁴. Известно, что ранние общества «не

¹ См.: *Афанасенко И.Д.* Экономика и духовная программа России. СПб.: Изд-во «Третье тысячелетие», 2001. 416 с. С. 77.

² *Рожков Н.А.* Указ. соч. С. 19.

³ История сословий в России проф. В. Ключевского: Курс, читанный в Московском университете в 1886 г. М.: Тип. П.П. Рябушинского, 1914. С. 23.

⁴ *Шацкий Е.* Утопия и традиция. М.: Прогресс, 1990. 455 с. С. 300.

пишут обыкновенно своей истории; все что мы знаем о них, заключается в смутных преданиях, уцелевших в то время, когда общество начинает писать свою историю»¹. Поэтому первые попытки институционального осмысления хозяйственного бытия находим не в «писанных» древних произведениях государственных деятелей и мыслителей, а в фольклорном творчестве, которое в различных образах воплощало соответствующие взгляды на социальные устои древнерусского общества, на его институциональный мир как «объективированную человеческую деятельность»², представленную системой производительных функций, статусов, норм, правил и других атрибутов бытия индивидов, их групп, коллективов, объединений и сообществ.

Издревле во всех сообществах развивался специфический жанр институционального познания — мифотворчество, включавшее конструирование виртуальных иерархий и отношений между богами (представителями «над-социума»), людьми (социум) и животными («про-социум»). По мнению Дж. Кэмпбелла, «мифы — это мыслительная основа обрядов, а обряды — физическое подтверждение мифов. Впитывая мифы своего сообщества и участвуя в его обрядах, ребенок развивает структуры, которые соответствуют его социальной и естественной среде»³.

К феноменальным, но практически не изученным источникам сведений о хозяйственной жизни наших предков относятся народные сказки, концентрирующие в себе накопленный многовековой опыт, житейскую и хозяйственную мудрость. Миф, по концепции Е.М. Мелетинского, исторически предшествует сказке, которая выступает его десакрализованной формой с многочисленными отличительными чертами⁴.

Сказка стала наиболее распространенной художественной формой отражения бытовавших на Руси общественных институций в народном сознании, сохранив до сегодняшних дней «следы исчезнувших форм социальной жизни»⁵. Именно сказки, как показывает П. Бурдые, «чаще всего являются простыми и относительно свободными вариациями на основные темы традиции»⁶, то есть стабильного, «оставившегося» мира институций определенного исторического периода. Динамика изменений социальной структуры постепенно отражается в сказках, но проблема заключается в том, что собиратели не могут обычно с достаточной степенью точности определить временной период, к которому относится создание того или иного сюжета. Это можно сделать лишь на основе косвенных подтверждений и с достаточно большой степенью допущения.

Как справедливо отмечал А.М. Румянцев, «безусловно существовала передача из поколения в поколение не только производственных навыков, но и обычаев, традиций, становившихся каждый раз исходными для дальнейшего развития каждым поколением полученных навыков, техники и общественных условий производства. С развитием речи опыт прошлого, передаваемый людьми... изустно, мог в их сознании со временем трансформироваться, оторваться от реальной действительности и приобрести мифологический характер»⁷. Однако элементы реальной хозяйственной жизни, в том числе ее институционального компонента, несом-

¹ Ключевский В.О. Соч.: В 9 т. Т. 6: Специальные курсы. М.: Мысль, 1989. 476 с. С. 33.

² Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности: Трактат по социологии знания. М.: МЕДИУМ, 1995. 322 с. С. 101—102.

³ Кэмпбелл Дж. Мифы, в которых нам жить. Киев: София; М.: ИД «Гелиос», 2002. 256 с. С. 46.

⁴ См.: Мелетинский Е.М. Миф и сказка // Этнография и фольклор. М., 1970. С. 132—149.

⁵ Пропп В.Я. Исторические корни волшебной сказки. СПб.: Изд-во СПбГУ, 1996. С. 22.

⁶ Бурдые П. Практический смысл. СПб.: Алетейя, 2001. 562 с. С. 17.

⁷ Румянцев А.М. Возникновение и развитие первобытного способа производства. Присваивающее хозяйство: (Политико-экономические очерки). М.: Наука, 1981. 262 с. С. 129.

ненно, сохранялись в сказках, часто в кристаллизованной форме различных волшебных персонажей.

В.Я. Пропп, оценивая значение сказки как особой гносеологической формы существования институциональных идей и понятий, отмечал: «Если сказка рассматривается как продукт, возникший на определенном производственном базисе, то ясно, что нужно рассмотреть, какие формы производства в ней отражены.

Непосредственно в сказке производят очень мало и редко. Земледелие играет минимальную роль, охота отражена шире. Пашут и сеют обычно только в начале рассказа... В дальнейшем же повествовании большую роль играют стрельцы, царские или вольные охотники ...всякого рода лесные животные.

Однако исследование форм производства в сказке только со стороны его объекта или техники мало продвигает нас в изучении источников сказки. Важна не техника производства как таковая, а соответствующий ей социальный строй»¹.

Понятие строя очень общее, поэтому «нужно брать конкретные проявления этого строя», одним из которых «являются институты этого строя». Некорректно «сравнивать сказку с родовым строем, но можно сравнивать некоторые мотивы сказки с институтами родового строя, поскольку они в ней отразились или обусловлены им. Отсюда вытекает предпосылка, что сказку нужно сравнивать с социальными институтами прошлого и в них искать корни ее»².

В самом деле в основе сюжетов волшебных сказок лежат народные верования и религиозные обряды древнейших времен, когда доминировали институты родового общества. Действие многих сказок связано с обрядом инициации (лат. *initium* — начало), то есть посвящения в мужчины: прошедшие через него обретали в результате статус полноправного члена племени, сообщества. Отсюда, кстати, позднее возникает производное понятие инициативы как активного проявления социальной зрелости. Не случайно В.Я. Пропп в качестве основных источников волшебной русской сказки указывал два древнейших обряда — посвящения (инициации) и захоронения (по сути тоже инициации, но уже в качестве субъекта иного, загробного мира, «тридевятого царства»), элементы которых пронизывают тексты отечественных народных повествований³.

В ходе такого обряда молодых людей, достигших определенного возраста для выполнения необходимых роду функций (охоты, рыболовства и др.), отводили в специальную хижину в глухом уголке леса и подвергали там значительным испытаниям для проверки их морально-волевых и физических качеств: смелости и стойкости, силы и выносливости и др. Поэтому во многих сказках герои (молодые люди) ищут ответа на загадки, выполняют различные трудные поручения и задания, связанные с поиском чего-либо, преодолением коварных препятствий, проведением индивидуальных (или в составе небольшой группы) боевых действий и т.д.

Применявшиеся в процессе инициации испытания по современным представлениям были чрезвычайно жестокими (нередко сопровождаясь выбиванием зубов, ломанием пальцев и т.д.), поэтому человек впадал в полубессознательное, доходившее до коматозного состояния, балансировал на грани жизни и смерти. Но «обряд долговечнее породившей его действительности, а сказка куда долговечнее обряда. Мнимые бессмыслицы и нелепицы сказок коренятся в сложном и торжественном обряде посвящения в мужи-охотники, давно утратившемся в живой народной памяти»⁴. По-

¹ Пропп В.Я. Указ. соч. С. 21.

² Там же. С. 22.

³ См. также: Киселева М.С. Мера и вера (знание о жизни и смерти у древних славян и книжников Древней Руси) // Вопросы философии. 1995. № 8.

⁴ Нагибин Ю. О сказках и сказочниках // Сказки зарубежных писателей. М.: Правда, 1986. С. 5.

этому в народных сказках повсеместно встречаются своеобразные институциональные «следы» прошлого, например, образ «избушки на курьих ножках», к которому обращались с определенным заклинанием («Избушка, избушка, повернись к лесу задом, а ко мне передом!»). Литературовед Ю. Нагибин отмечает, что «лесной домик, в котором происходила инициация, обращен входом не просто к чаще, а как бы к загробному миру, куда в должное время предстоит “окунуться” посвящаемому. И чтобы до срока не оступиться в инобытие, домик надо повернуть...»¹ Тем самым происходит идентификация испытуемого, начинается процесс его институции.

Становящиеся лишними в ходе эволюции институциональные процедуры постепенно вырождаются и обретают форму ритуального действия, не носящего связи с изменившейся реальностью: «С переходом к земледельческому обществу некогда осмысленное и важное действие стало ненужным, даже вредным. И вот почтенная хранительница лесного дома превратилась в злую Бабу-Ягу»². Сакральное действие лишается социальной значимости и из особой институции трансформируется в набор несущественных и негативно маркируемых действий, а их субъект теряет свой статус и предстает в искаженном народным воображением образе. Тем самым «сказка как бы осуждала и высмеивала обряд, пришедший в противоречие с изменившимися условиями жизни»³. Колдуны, ведуны, знахари, волхвы — типичные персонажи русских сказок, но обычно их действиям и в целом образу жизни в сказках дается отрицательная оценка, что, возможно, отражает сложившуюся на Руси ситуацию «двоеверия», элементы которого одновременно и дополняли, и взаимно исключали друг друга. Представить жизнь без разного рода ведунов и знахарей нашим предкам было трудно, но Православие формировало негативное к ним отношение.

В сказке часто происходит переосмысление, а иногда и своеобразная «модернизация» социального строя с позиций рассказчиков нового исторического времени. «Термин “переосмысление” удобен в том отношении, что он указывает на происшедший процесс изменений. Факт переосмысления доказывает, что в жизни народа произошли некоторые изменения, и эти изменения влекут за собой изменение и мотива. Эти изменения во всяком отдельном случае должны быть показаны и объяснены»⁴. Так, в «волшебную сказку» второй половины XVIII в. «проникли такие реалии социальной действительности <...> как “отходничество” и насильственные переделы земли»⁵. Именно поэтому тексты сказок позднее многократно подвергались модернизации, реконструкции, дополнялись и изменялись народом, собирателями и авторами. Так, в сказках В.А. Жуковского и А.С. Пушкина многие подробности и частные случаи проявлений институциональной структуры родового и раннефеодального общества были опущены или переделаны в рамках образа мышления XIX в. Например, духом свободомыслия и сатирическим отношением к деятелям религиозной сферы проникнута «Сказка о попе и работнике его Балде».

При этом институциональная логика сказочных сюжетов достаточно определена. В «Сказке о золотом петушке», сюжет которой довольно распространен и был заимствован А.С. Пушкиным из немецкого фольклора, показана идея неизбежного возмездия за оппортунизм при контрактных отношениях. Царь Додон, уклонившийся от исполнения обязательств по договору (отдать старому «мудрецу, звездочету и

---

¹ Нагибин Ю. Указ. соч.

² Там же. С. 6.

³ Там же.

⁴ Пропт В.Я. Указ. соч. С. 24.

⁵ Доклад Е.Б. Смилянкой // Колдун и ведьма в контексте русской культуры XVIII в.: Материалы семинара, 28 нояб. 2000 г. М., 2000. 32 с. С. 3—22. С. 12.

скопцу» прекрасную «шамаханскую царицу»), погибает, сраженный золотым петушком, знаменующим возмездие свыше¹.

Пушкинская «Сказка о золотой рыбке» в метафорической форме иллюстрирует ситуацию постоянно и необоснованно завышаемых институциональных притязаний и требований. Старуха меняет статусы крестьянки, столбовой дворянки, «вольной царицы», но в результате выдвижения очередного требования («хочу быть владычицей морской») теряет все. Интересно, что материальные потребности (новое корыто, новая изба) предшествуют институциональным, предваряют их, что, возможно, связано с низким исходным статусом и, соответственно, низким доходом выдвигающего требования субъекта (в данном случае — Старухи). Причиной потери всех статусов и имущества становится неадекватность уровня человеческого развития декларированным институциональным требованиям, что могло бы привести к негативным последствиям в ходе осуществления взятой на себя чрезмерно сложной функции. Во избежание этого проводится искусственная корректировка, в сюжете сказки — за счет понижения статуса до исходного. В реалиях современного рыночного хозяйства диспропорции человеческого и институционального капитала индивидов могут быть компенсированы гипертрофированным развитием других факторов, например, доступом к закрытой информации, позволяющим прогнозировать возможные действия других акторов и осуществлять превентивные меры, а также включенностью в родственные и дружеские сети, высокоэффективной самоорганизацией и т.д.

Сказки П.П. Бажова рассказывают об институтах капиталистического хозяйства в России уже с позиции системы ценностей социалистического строя в СССР. С 1920-х гг. в нашей стране стала распространенным явлением ситуация, когда «старые сюжеты перелицовывались как будто на новый лад, детям — а нередко и взрослым — преподносились в сказочной форме идеи классовой борьбы»². Аналогичные цели преследовали и создаваемые писателями «сказки новой эпохи», к которым можно, например, отнести творение Ю. Олеши «Три толстяка», в сюжете которого принципиально отражено противостояние буржуазии и простого народа.

Но вернемся к институциональному анализу отечественных «нелитературных» сказок. Можно согласиться с позицией С. Серова о том, что «сказочник не придумывает жизнь, не приукрашивает ее — он просто очищает ее от шелухи и корки случайных, неправильных форм и показывает людям такой, какой сам увидел»³. Поэтому аллегории и образы русского народа — не просто *una fantasia*, а отражение в общественном сознании хозяйственной реальности. Сказка предстает как носитель глубокой социальной памяти. Неприемлемо допущение о «детском» характере ее внутреннего мира, поскольку действующие в нем волшебные герои и злодеи суть образы бытовавших в далекие времена институциональных субъектов и сложных отношений. Такие образы переполняют русские сказки, но для их правильного прочтения требуется применение категорий современной науки.

Так, например, в непривлекательном образе Кощея Бессмертного воплотился страх (как субъектная форма риска) древнерусских рабовладельцев перед восстанием или резкими формами недовольства рабов, закупов, челяди (в том числе пахотной), холопов. Само слово «кащей» означало «раб»⁴ и представляло собой тюркское заим-

¹ См.: Пушкин А.С. Сочинения: В 3 т. Т. 1: Стихотворения; Сказки; Руслан и Людмила: Поэма. М.: Худож. лит., 1985. С. 651—652.

² Серов С. Русская литературная сказка // Городок в табакерке. М.: Правда, 1989. С. 15.

³ Там же.

⁴ См.: Покидченко М.Г. Российская экономическая мысль и ее историки // Историки экономической мысли России: В.В. Святловский, М.И. Туган-Барановский, В.Я. Железнов / Сост. М.Г. Покидченко. М.: Наука, 2003. 318 с. С. 21.

ствование. Поэтому по сюжету сказок Кашей Бессмертной исходно находится в заточении, но обманом выходит из него, реализуя свою потенциально огромную протестную мощь. Сила бунта, похоже, могла быть столь значительной, что данный персонаж в гротескной форме воплощает деструктивные черты, с ним обычно борются главные герои. Бессмертие Кашея неявно показывает веру древних русичей в неизблемость рабовладельческого строя, что подтверждалось его длительной практикой и многообразием институциональных форм зависимости.

Наиболее вероятно, что под Кашеем понималась предельная форма раба в Древней Руси — обельный холоп, то есть, по сути, вечный раб, субъект, который совершенно дестимулирован в труде, поскольку его институция была полной, вечной, потомственной и наследственной: она распространялась на членов семьи и передавалась его господином по наследству. Возможно, что речь идет также и о закупах, то есть людях, работавших за «купу», занятый первоначально капитал — землю, скот, сельскохозяйственный инвентарь, зерно, «куны» (деньги) и др. Поскольку условия работы закупов и ставка процента по долгу диктовались кредитором, эти субъекты были близки по своему статусу к обельным холопам, поскольку нарастание процентов вело к долговременной или даже вечной кабале. Побег же закупа вел, согласно нормам «Правды Русской», к его институированию («обращению») в обельное холопство.

Не случайно о необходимости предоставления возможности деституции закупничества и рабства в целом (то есть выхода из данного социального статуса) говорили многие мыслители Древней Руси, например, И.С. Пересветов, рассуждавший об эффективности механизма потенциального изменения статуса «полоняников», то есть пленных рабов, по выработке определенного числа лет (обычно семи — девяти) за счет создания значительной мотивации на вполне адекватном временном промежутке¹.

В образе Змея Горыныча, по всей видимости, показано государство как мощная, но в большей степени негативная по характеру институциональная сила с институциями взяточничества, волокитства, прожектерства, местничества, кумовства, надзирательства, наместничества, воровства и др., которые представлены как огнедышащие головы. Такие институции столь эффективно воспроизводятся, что этому не может помешать даже постоянное устранение выполняющих их агентов. Поэтому отрубание голов обычно не приносит герою успеха: аналогично, кадровые рекомбинации не устраняют системных противоречий институционального механизма государственного регулирования.

Героем подобных сказок обычно является Иван Царевич как субъект царской власти, стоящей как бы над государством и способной повлиять на его дисфункции. В других вариантах сказки эту роль выполняет Иван — коровий сын или Иван-дурак, то есть представитель «низов» общества, простых людей, как принципал, призывающий государство (агента) к ответу. Несмотря на то что сам термин «общество» и соответствующая институция появились в России лишь в XIX столетии, но и в гораздо более ранние исторические периоды в народе существовала убежденность в приоритете социума над верховным правителем, монархом. Это органично увязывалось в народных представлениях с образом царя как всеобщего отца («царя-батюшки»). Заметим, что агрессивный образ Змея Горыныча, воплощающий мощь деструктивных институциональных эффектов государственной власти, возник в русском устном творчестве на много веков раньше появления знаменитого трактата Т. Гоббса «Левиафан»².

Представляется, что сказочный образ распутья показывает постоянно возникающие точки институциональной полифуркации для конкретных социальных деятелей.

¹ См.: Сочинения И. Пересветова / Подгот. текста А.А. Зиминой. М.; Л., 1956. С. 157.

² См.: Гоббс Т. Левиафан, или Материя, форма и власть государства церковного и гражданского // Гоббс Т. Соч.: В 2 т. Т. 2. М.: Мысль, 1991.

Полифуркация есть ситуация наличия у хозяйственного субъекта двух и более альтернатив дальнейших действий (в частности, выбора). В свою очередь, бифуркация понимается как простой случай полифуркации, связанный с экономическим выбором из двух альтернатив. В сказках отдельные варианты выбора ведут к потере имущества (коня), даже жизни, другие же связаны с обретением нового статуса и в этой связи изменением направления развития социального субъекта, всей его судьбы (за счет получения титула, награды, царского расположения или жены из более значимой социальной группы). Расходящиеся дороги предстают потенциально возможными траекториями институционального развития отдельного человека, поскольку они обычно связаны с кардинальной сменой его статуса и образа жизни. Распутье ассоциируется с обострением режима социальной жизни субъекта, недаром бытовала поговорка: «На межах да на распутьях нечистая сила».

Интересно, что на распутьях в сказках обычно оказываются витязи, стрельцы, царицы, но никогда — крестьяне («мужики») или тем более женщины. Это отражает реальную структуру основных институциональных субъектов периода становления российской хозяйственной системы, к которым относились князь, позднее — царь, его ближайшее окружение, дружинники, служилые люди и др. Крестьянское же население не являлось непосредственным субъектом институциональной деятельности, пассивно «тянуло тягло» на своих господ, обладало низкими возможностями и вариантами новой организации своей жизни. Точки институциональной полифуркации в жизни крестьян возникали редко и связывались с удачей или личной сметливостью, «хваткостью», «ушлостью» (как это показано, например, в сказке «Кузьма Скоробогатов» и ей подобных), позволяющими резко продвинуться в общественной иерархии «из грязи в князи».

Современные исследователи уделяют повышенное внимание изучению хозяйственных процессов в аспекте известного принципа *path dependence*, предполагающего глубокую и сильную зависимость от институционального выбора, осуществленного в прошлом. Реже используются принципы *path determinacy* (слабый характер зависимости) и *path independence* (ее полное отсутствие), сфера действия и проявления которых довольно ограничена. Конечно, актуальные процессы во многом детерминированы прошлыми, в том числе ранее обретенными (приобретенными) агентом институциями. Но если определять строго, то пространство эволюционных процессов, как и время, необратимо, вероятно и ожидаемо в образе будущего. Поэтому ситуации «распутья» достаточно типичны для жизни любого человека и всегда имеют институциональную составляющую, будучи связаны с изменением статуса, роли, рода или сферы деятельности, института, класса, социального «слоя» и т.п.

С позиций современного эволюционного подхода абсолютизация значения прошлого, то есть параметров траектории предшествовавшего институционального развития, нецелесообразна, поскольку «для систем с нелинейными обратными связями (а именно таковы социальные системы любого масштаба. — *Авт.*) не менее значительное воздействие на их поведение может оказывать также и будущее»¹, рассматриваемое в рамках синергетической экономики как движение по установившемуся режиму к определенному аттрактору². Речь идет о постановке субъектом цели как модели своего будущего состояния и статуса. Выбор определенной траектории институционального развития и соответствующее ожидание будущего влияет на на-

¹ Лесков Л.В. Знание и Власть. Синергетическая кратология. М.: СИНТЕГ, 2001. С. 15–16. (Сер. «Информация и Социум».)

² См.: Зане В.-Б. Синергетическая экономика. Время и перемены в нелинейной экономической теории. М.: Мир, 1999. 469 с.

стоящее, ведь «будущее конструктивно и активно»¹. С этим связана аттрактивная природа институций, нуждающаяся в специальных исследованиях.

По словам М.Б. Туровского, «мифические формулы действий образуют рамки, вбирающие в себя содержание эмпирического опыта. Можно прямо сказать, что мифы выступают обобщениями этого опыта. Только эти обобщения персонифицированы символическими образами действующих лиц мифов»². Если миф «выступает в качестве подчеркнуто надындивидуальной формы общественного сознания, противопоставляемой миру живущих как особая реальность, образцовая для последних»³, то сказка есть некий промежуточный гносеологический и ментальный слой между хозяйственной реальностью (аккумулированной в опыте) и мифом. Поэтому сказка не противопоставляется реальному миру, но вплетает в его структуру мифических персонажей и различные мотивы утраченных обрядов, которые предстают как волшебные, нереальные.

Содержание сказки «Теремок» (по всей видимости, созданной ближе к XIII—XIV вв. — времени формирования на Руси института общины) свидетельствует о своеобразии институции общинничества в определенный исторический период. Перефразируя слова текста, можно заключить, что первоначально происходит обретение Мухой-горюхой комплекса прав собственности в отношении теремка (то есть образно представлена захватная форма землепользования). Затем, при кооптации новых агентов (в образах Комара, Лягушки, Зайца и др.), приобретшие ранее полноправный статус члены общины выступают «миром» (то есть в современной терминологии, ассоциированным субъектом). Это видно из того, что вопросы тем, кто обращается с просьбой пустить в теремок, задает уже не Муха-горюха (как первый оккупант), а все члены общины, каждый из которых выполняет в ней специфические функции: тем самым подчеркивается ассоциированный характер их требований и консолидация индивидуальных интересов. При этом каждый новый агент изначально выступает с определенной функцией, которая оценивается обитателями теремка на предмет полезности.

Финал сказки существует в двух вариантах. Согласно первому, обитатели теремка принимают в свои члены Медведя, который, выражаясь современным языком, производит деструкцию общины изнутри. Это однозначная постановка проблемы об предельно допустимых границах институциональных структур, наводящая на мысль об оптимальном уровне внутренних трансакционных издержек агентов одной организации. Во втором варианте, когда Медведь разрушает теремок без всяких на то причин, в доказательство своих возможностей, он олицетворяет собой некую внешнюю для общины силу — государство или помещика. Это свидетельствует о крайне низкой степени спецификации и гарантии прав собственности, отсутствии эффективных институциональных механизмов функционирования соседской или сельской общины в феодальной хозяйственной системе Руси.

В русском народном творчестве ставились институциональные проблемы и более абстрактного характера, свойственные хозяйственным взаимодействиям людей на всех этапах истории. В частности, сказка «Лиса и волк», в конце которой Волк (общество) везет на себе обманщицу Лису (отдельного агента-оппортуниста), актуализирует насущную и для современной институциональной теории⁴ так называемую про-

---

¹ Князева Е.Н., Курдюмов С.П. Основания синергетики. Режимы с обострением, самоорганизация, темпомыры. СПб.: Алетейя, 2002. 414 с. С. 134.

² Туровский М.Б. Философские основания культурологии. М.: Изд-во «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 1997. 440 с. С. 84.

³ Там же.

⁴ См.: Эгертссон Т. Экономическое поведение и институты. М.: Дело, 2001. 408 с. С. 81—83; Олейник А.Н. Институциональная экономика. М.: ИНФРА-М, 2000. 416 с. С. 46.

блему «безбилетника» (free-rider problem) в образном, конечно, выражении — «битый небитого везет»¹. В сказке «Мужик и медведь», в которой рассказывается, как герои делили вершки и корешки, в образной форме ставится проблема бинарных договорных отношений «принципал — агент», исходя из понимания их сути в исторических условиях Древней Руси. Ловкий агент (Мужик) манипулирует своим принципалом (Медведем) за счет эффективной эксплуатации информационной асимметрии — незнания последним полезных свойств разных органов сельскохозяйственных культур (репы и ржи).

Сделаем небольшое отступление. В фольклоре русского народа говорится, естественно, не о животных, ибо таковые не производят хозяйственных трансакций, но именно о социальных отношениях и персонажах. Поэтому сказочные герои — Медведь, Лиса, Волк и др. — отнюдь не просто звери. Их можно трактовать как метафорические фигуры реальных экономических субъектов, и наши предки прекрасно понимали, о ком идет речь в каждом конкретном случае. Действительно, высокая гомогенность жизненного мира древних русичей «не должна заслонять того обстоятельства, что социальная структура родового общества уже является относительно дифференцированной, причем стимулы для ее дифференциации поступают, прежде всего, из области материального воспроизводства общества»².

Возможно, использование метафор, апеллирующих к представителям животного мира для называния конкретных типов социальных акторов, представляет собой некую латентную форму тотемизма, характерную и для современного общества. Так, биржевики оперируют понятиями «быков», «медведей», «свиней» и «овец»³; Дж. Марс делит акторов на «ястребов», «стервятников», «волков» и «ослов»⁴; специалисты Бостонской консультационной группы обозначают «дойными коровами» и «собаками» товары, находящиеся, соответственно, на стадиях зрелости и спада. В отличие от биржевого сленга, в криминальном жаргоне слову «бык» придается другой, но тоже вполне определенный смысл (отсюда — «бычить», «быковать»), равно как и словам «волк» («волки позорные»), «медведь» («закон — тайга, прокурор — медведь») и др. Можно упомянуть и вполне безобидных «зайцев» (безбилетников)... И наши современники достаточно легко расшифровывают эти метафоры, уясняя суть лежащих в их основе статусов и институциональных отношений.

Итак, сказка «Мужик и медведь» показывает пример бинарных трансакций. Но в народных волшебных повествованиях описывались и тернарные, а также более сложные типичные модели взаимодействий. Поэтому нередки случаи, когда герои обращаются за помощью к некоей третьей стороне — независимому арбитру, предлагая ему рассудить их. Это отражало реально существовавшие механизмы неформального разрешения хозяйственных споров. К официальным же судам степень доверия была низкой: согласно пословице, «несть убо добро не хранится от всякого суда»⁵, то есть необходимо остерегаться судебных разбирательств во избежание дополнительных потерь. В роли арбитров могли выступить любые незаинтересованные лица — пут-

¹ См.: Народные русские сказки: Из сб. А.Н. Афанасьева. М.: Правда, 1982. 576 с. С. 18.

² Фурс В.Н. Философия незавершенного модерна Юргена Хабермаса. Минск: ЗАО «Экономпресс», 2000. 224 с. С. 129.

³ См.: Белобородько А.М., Иншаков О.В., Фролов Д.П. Биржа как социально-экономический институт. Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2006. 78 с.

⁴ См.: Ерзюкян Б.А. Институциональная реальность социально-экономических систем и концепция экономического человека // Эволюционная теория, инновации и экономические изменения: VI Междунар. симп. по эволюционной экономике (г. Пущино, Моск. область, Россия, 23–24 сент. 2005 г.). М., 2006. С. 39.

⁵ Древнерусская притча / Сост. Н.И. Прокофьева, Л.И. Алехиной. М.: Сов. Россия, 1991. 528 с. С. 292.

ник, старец, калика переходный и др. Надо сказать, что подобные социальные отношения носили характер обыденного и общераспространенного явления.

В русских сказках постоянно заключаются различные договоры, в вербальной форме устанавливаются сроки их выполнения и определяются санкции. Бытовали, следовательно, скрытые контракты (*implicit contracts*), обеспечивавшие неформальный характер поддержания деловых, хозяйственных отношений. Субъектами договорных отношений выступают в сказках царь, «добрые молодцы» (государевы служилые люди), хозяин, работник и др. Нередко заключаются коллективные договоры, например, героя и «двенадцати добрых молодцев», под которыми, надо полагать, понимается артель. Это пример своеобразного коллективного подряда. Практикуются в народных сказках и договоры найма, например между пропившимся купеческим сыном и «семисотным» купцом¹.

Вообще говоря, процесс контрактации проходит через три последовательные стадии. Сначала субъекты приходят к соглашению, то есть к встречной координации своих потребностей и определению возможностей взаимной деятельности (например, покупатель и продавец на этой стадии обозначают, соответственно, искомый товар и его наличие либо отсутствие). Затем осуществляется договор, то есть субъекты обозначают параметры сделки как инструмента разрешения противоречия спроса и предложения. К таким параметрам относятся цена, сроки, дополнительные условия и т.д. Договор перерастает в контракт, который можно трактовать как институциональную форму фиксации системы противодействий возможным нарушениям договорных обязательств (от англ.; приставка «*contr-*» + корень «*act*», то есть действие), когда стороны хозяйственной сделки определяют и фиксируют взаимные требования и санкции за их невыполнение.

Таким образом, образуется логическая цепочка «соглашение → договор → контракт» или, в более полном виде, «внешний импульс → потребность → мониторинг товаров и контрагентов → соглашение → договор → контракт». Контракт уже включает в себя и соглашение, и договор. Контрактация же предстает механизмом и процессом защиты частичных правомочий собственности посредством заключения и ведения необходимых для осуществления сделки контрактов. Следовательно, контракты неразрывно связаны с деятельностью людей и имеют исторически непреходящий характер. С ними на Руси были связаны определенные суеверия, приметы и заговоры («на торговлю», «чтобы дело сошлось» и др.). Эти символические действия логично (с точки зрения наших предков) предваряли или завершали осуществление определенных хозяйственных трансакций².

Деятельность и образ жизни скряг и ростовщиков народом осуждались, поэтому жадность и корыстолюбие в сказках наказываются свыше («Знамо, господь покарал за великую жадность!»). Напротив, стремление к наживе и даже обогащение путем мошенничества (но небольшого) поощряются³, рассматриваясь как умение извлечь выгоду в конкретной хозяйственной ситуации. Следовательно, акцентировались не происшествия или внешние события, а активные действия: человек рассматривался не как «кукла кукольного театра внешних сил»⁴ или рецептор импульсов внешней среды, но представлялся актором, деятельным лицом хозяйственных процессов.

¹ См.: Народные русские сказки... С. 251, 259, 353.

² См.: Русский народ. Кн. 2: Суеверия, приметы, заговоры / Сост. М. Забылин. М.: Белый город, 2005. 176 с. С. 171—172.

³ См.: Народные русские сказки... С. 376, 434—435.

⁴ Шанин Т. Рефлексивное крестьяноведение и русское село // Рефлексивное крестьяноведение: Десятилетие исследований сельской России. М.: МВШСЭН, Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2002. 592 с. С. 13.

И это не случайно, ведь «основная фигура Древней Руси — не феодально зависимый, а свободный человек, общинник (по терминологии “Русской Правды” — “люди”)¹. Позитивно маркировалось стремление субъектов максимально использовать имевшиеся у них институциональные возможности, если даже в краткосрочном плане это граничило с нарушением условий договора и противоречило общепринятым нормам деловой этики и морали.

В неблагоприятных условиях «с точки зрения исполнителя... честное исполнение роли порой кажется в высшей степени рискованным делом», но «под нечестным исполнением роли можно понимать и прямой обман. Обман возникает, когда кто-либо притворяется не тем, кем является, чтобы сыграть роль, на которую не имеет права»². Приписывание себе необоснованных статусов — явление социально порицаемое, ведь институция всегда дается обществом (точнее, от его «лица»), но чрезвычайно распространенное. Оно породило множество сказочных сюжетов, основанных на необоснованном повышении простолудином своего статуса (например, «Кот в сапогах» братьев Гримм или ее русский аналог — «Кузьма Скоробогатов»). Может происходить и целенаправленное понижение своего статуса: широко известны сказки о переодевающемся в простую одежду правителе, который «идет в народ» с целью непредвзятого мониторинга «общественного мнения» о проводимой политике. Такие сценарии встречаются во многих арабских сказках (например, «Калиф-аист»), что следует признать вполне логичным: ведь чем жестче и сложнее иерархия государственного устройства, тем менее эффективно происходит обратная связь правителя и народа, тем труднее получить достоверную информацию о реальных социальных процессах, о реакции населения на действия представителей власти. Это и вынуждало, по-видимому, высших сановников в восточных деспотиях прибегать к подобного рода институциональным ухищрениям, а также к услугам шпионов.

Необоснованное, но целенаправленное повышение или понижение субъектом своего статуса следует понимать как форму проявления институциональной рациональности деятельности и поведения. Ведь рациональность действий любого субъекта определяется двояко — эндогенно всей комбинацией факторов и ресурсов его жизнедеятельности, а также экзогенно совокупностью сложившихся условий, или факторов внешней среды. Поэтому институциональный фактор неизбежно влияет на рациональность принимаемых решений и осуществляемых действий. В свою очередь, институциональная рациональность — это аспект общей рациональности, связанный с осуществляемыми субъектами функциями, их статусами и ролями, нормами и правилами, обычаями и традициями и т.д. Например, выбор как особое действие субъекта всегда основан на его статусе и учитывает нормативно-правовой контекст ситуации. Занимая или завышая свой статус, герои сказок народов мира рационально пытаются достичь своих целей с учетом специфики социального окружения.

В народных русских сказках наряду с бартерными сделками нередко фигурируют товарно-денежные отношения (купля-продажа), ведь «без денег и разума нет». Мы становимся свидетелями кредитных операций: в роли кредиторов обычно выступают купцы. В некоторых сказках кредиты предоставляются частями, говоря современным языком, — траншами³. Также значительную роль в хозяйственной жизни персонажей сказок играют акторы теневой и криминальной сфер — разбойники, воры, конокрады и др.

¹ Павленко Н.И., Андреев И.Л., Федоров В.А. Указ. соч. С. 54.

² Абельс Х. Интеракция, идентичность, презентация: Введение в интерпретативную социологию. СПб.: Алетейя, 1999. 272 с. С. 234.

³ См.: Народные русские сказки... С. 448.

В некоторых русских сказках показаны случаи неэквивалентного обмена. Так, в одной из них обмен продукта натурального хозяйства («Ходил я к царю, носил блюдо киселю») на «золотую тетерку», под которой, очевидно, понимается денежный эквивалент, порождает серию дальнейших бартерных трансакций со все меньшей полезностью для субъекта: «золотая тетерка» меняется на коня, конь — на корову, последняя — на овцу, затем на свинью, гуся, утку и наконец на «клюшку» (палку для опоры при ходьбе). Резюме выражено в словах жены: «...не меняй, не меняй, старый черт! Ты хоть бы утку принес домой»¹. Отсутствие навыков ведения трансакций обмена можно связать (используя термин Г.Б. Клейнера)² с «органической рыночной иррациональностью» крестьян, полезные рутины которых были связаны исключительно с ведением сельского хозяйства и отчасти с домашним кустарным промыслом.

Прибыльный обмен чаще связывается в народных представлениях с мошенничеством, как это показано в различных вариантах сказки «Лисичка со скалочкой». Субъект (в образе Лисы), остановившийся на постой, вводит хозяина в заблуждение, сообщая ему ложную информацию о пропаже своего имущества, а затем и полученного за него эквивалента. Хозяин в результате вынужден предлагать все более высокий по стоимости эквивалент мнимой пропажи: «За скалочку — уточку, за уточку — гусочку, за гусочку — теленка» и т.д., способствуя наживе мошенницы.

Недостовверные сведения, предоставленные по ходу одной из сказок завистливым бедняком своему более удачливому в хозяйственном смысле брату, показывают обыденное понимание в народе сути информационной асимметрии, основанной на удаленности крестьян от рынка и непонимании закономерностей формирования его конъюнктуры при высокой степени доверия к родственникам: «Что ты, брат, держишь корову? Я был сегодня в городе и видел: там коровы очень дешевы, по пяти и шести рублей, а за кожу двадцать пять дают»³. В действительности же цена кожи оказывается на порядок дешевле. Это отвечает современным представлениям институциональной теории о том, что индивиды в любом случае действуют на основе неполной информации и субъективно выработанных, но при этом объективно обусловленных моделей хозяйственного поведения⁴. Конечно, в нормальных условиях, как отмечал А.Н. Нестеренко, «расходы на получение информации пропорциональны важности того экономического решения, которое индивид собирается принять»⁵. Но если степень доверия к информации о конъюнктуре рынка, полученной по каналам родственных связей, достаточно высока, то индивид может принять такое решение без дополнительных затрат на проверку достоверности полученных сведений. Тем не менее, как подсказывает сказка, нередко и близкие люди оказываются оппортунистами...

В этом случае возникает эффект «морального риска», связанный с пересечением принципов и моделей хозяйственных взаимодействий по типу «отношенческой контрактации» или личностного доверия с безличными принципами организации рыночных отношений на основе ведения соответствующих контрактов. Л. Тевено следующим образом поясняет данный термин: «...проблемы “субъективного риска” (moral hazard), как правило, возникают тогда, когда предполагающая близость до-

¹ Народные русские сказки... С. 518.

² См.: Клейнер Г.Б. Особенности процессов формирования и эволюции социально-экономических институтов в России: Препринт # WP/2001/126. М.: ЦЭМИ РАН, 2001. 65 с. С. 32.

³ Народные русские сказки... С. 533.

⁴ См., напр.: Норт Д. Институты, институциональные изменения и функционирование экономики. М.: Фонд экономической книги «Начала», 1997. 180 с. С. 33.

⁵ Нестеренко А.Н. Экономика и институциональная теория / Отв. ред. акад. Л.И. Абалкин. М.: Эдиториал УРСС, 2002. 416 с. С. 298.

машинная логика накладывается на рыночную логику, представленную повсеместно распространенными ценами на товары»¹.

По сказочным текстам можно судить о том, насколько значимы были институты родства, соседства, братства, крестьянского товарищества, общинничества в феодальный период российской истории. В сюжеты отдельных повествований вплетается кредитование малоимущих по «сетям социальной поддержки»: «Соседи, жалея его бедность, собрались и дают ему денег, чтобы он хоть мелочью торговал»². Причем в рамках таких соседских отношений часто была возможной корректировка первоначальных условий договора в сторону их смягчения при наличии соответствующих обстоятельств: «Ведь он не отпирается, что брал у тебя деньги, а заплатить ему не в состоянии, так ты отсрочи ему долг лет на пять — на шесть, авось он поправится и отдаст тебе с лихвою... согласились богатые соседи обождать года два-три; авось тем временем мужик поправится!»³. На этом примере легко увидеть полезность институций (в данном случае — соседства), наличие которой пока что недостаточно четко утвердилось в сознании современных экономистов, как и объективный факт существования стоимости у институций и институтов.

Нуждается в специальном исследовании институциональное содержание былин, которое целесообразно осуществить в междисциплинарном синтезе историков, экономистов, юристов, лингвистов, политологов, социологов и философов. Не ставя задачи столь комплексного анализа, укажем лишь, что в написанных в «советскую эпоху» трудах, посвященных истории русской экономической мысли, доминировало представление о том, что в былинах отражалась борьба народа с эксплуататорами. Например, член-корреспондент АН СССР А.И. Пашков утверждал: «Описываемые в былинах конфликты богатырей с князем Владимиром и его боярами представляют собой художественное изображение антагонистических противоречий между эксплуататорскими классами и народом»⁴. Но богатыри скорее олицетворяли собой представителей материально обеспеченных «служилых людей», о чем свидетельствует наличие коня, снаряжения (кольчуга, шлем, щит) и вооружения (меч, палица, копья). Вместе с тем они могли быть выходцами из разных социальных групп: из крестьянства, как И. Муромец, или из священства, как А. Попович.

Институциональные же противоречия, возникавшие между князем и агентами служилого сословия, отражали сложный поиск компромисса их ассоциированных интересов, который можно охарактеризовать как неустойчивый баланс в системе отношений «принципал — агенты». Фактором выхода этих отношений в зону нестабильности могли стать внешне незначительные действия или события, масштаб и мощь которых резко мультиплицировались в соответствии с экономико-синергетическим принципом «разрастания малого». Это подтверждается словами В.И. Калугина: «Отношения богатырей русских Данилы Ловчанина, Ставра Годиновича, Суханьши Замантьева, Чурилы, Ивана Гостиного сына, Михайлы Даниловича и особенно Ильи Муромца с князем Владимиром были, как известно, довольно сложными, драматичными, весьма далекими от идиллии. Причины конфликтов могли быть самыми разнообразными: и коварство, и жестокость князя, и неосторожное слово богатырей на пиру у него»⁵. Укажем, что образ князя Владимира является в бы-

¹ Тевено Л. Организованная комплексность: конвенции координации и структура экономических образований // Экономическая социология: Новые подходы к институциональному и сетевому анализу. М.: Изд-во «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2002. 280 с. С. 37.

² Народные русские сказки... С. 463.

³ Там же. С. 465.

⁴ История русской экономической мысли / Под ред. чл.-кор. АН СССР А.И. Пашкова. Т. I: Эпоха феодализма. Ч. 1: IX—XVIII вв. М.: Гос. изд-во полит. лит., 1955. 755 с. С. 56.

⁵ Былины / Сост., вступ. ст. и введ. тексты В.И. Калугина. М.: Правда, 1987. 480 с. С. 152.

линных текстах собирательным для всех русских князей¹, поэтому описываемые в былинах конфликты и столкновения интересов князя и его «служилых людей» были характерны для всего периода феодальной раздробленности и централизации в рамках Московского великого княжества.

В целом «обычай и предание суть синонимические выражения исторического преемства»² в познании и практическом закреплении институциональных элементов общества, однако первый постепенно находил свое закономерное воплощение и в легитимных формах. Бесспорно, «в преданиях и обычаях народа таится глубокий смысл, отражающийся во всем движении явлений и событий прежней его истории» (К.П. Победоносцев)³. Изучение институционального мира народной русской сказки и былины обусловлено еще и тем, что для исследователя наличие невообразимого множества «различных версий (хозяйственного. — *Авт.*) мира представляет собою самостоятельный интерес, [ведь] они имеют самостоятельное значение, не требующее их сведения к какой-то единственной основе»⁴.

§ 3. Правовые формы институциональных отношений в Древней Руси

Хотя в основном именно «обычай и традиция управляли как социальными связями, так и методами производства»⁵, постепенно преобладающим способом закрепления институциональных отношений, актов, идей и понятий на Руси стало законодательное оформление и утверждение традиции, ведь «творческое значение обычая... чрезвычайно обширно: им создаются новые институты и учреждения и регулируются вновь унаследованные от предшествующего периода»⁶. Развитие институций княжеской власти выразилось в необходимости фиксации запретов и норм социального поведения в письменных формах. Возникает формальное, писаное право, которое эволюционно отделяется от неформального, или обычного, хотя содержательно они отличаются лишь наличием (в первом случае) или отсутствием (во втором) санкций со стороны государства.

Подчеркнем, что правоотношения возникают из экономических отношений, и далеко не всегда в правовых формах достаточно полно и достоверно отражаются институции как устойчивые функциональные отношения общественного бытия. Сами по себе экономические институции уже есть базовые социальные формы, которые приобретают производные правовые формы.

Поэтому далеко не все институциональные отношения относятся к экономическим и, в свою очередь, не все экономические отношения охвачены правоотношениями и отражены в правовых нормах. Пространство реальных экономических отношений гораздо богаче и шире пространства правоотношений, но все же беднее институционального пространства, включающего и неэкономические функциональные отношения в обществе, которые, в свою очередь, также частично охвачены правоотношениями.

¹ Былины / Сост., вступ. ст. и введ. тексты В.И. Калугина. С. 135.

² Ключевский В.О. Указ. соч. С. 26.

³ Цит. по: Берендтс Э.Н. О прошлом и настоящем русской администрации: (Записка, сост. в дек. 1903 г.) / Вступ. ст., указ., примеч. А.С. Сенина; Гос. публ. ист. б-ка России. М., 2002. 287 с. С. 42.

⁴ Гудмен Н. Способы создания миров. М.: Идея-пресс: Логос: Практикс, 2001. 376 с. С. 121.

⁵ Камерон Р. Указ. соч. С. 38.

⁶ Дьяконов М. Очерки общественного и государственного строя Древней Руси. 3-е изд. СПб.: Изд. юрид. кн. Склада «Право», 1910. С. 211.

Древнее право опиралось прежде всего на «пошлину» и «старину». «Пошлиной, — писал В.И. Сергеевич, — называется все то, что пошло издавна, из старины»¹. Всякий институциональный феномен (модель взаимодействия или поведения, норма, правило, договор и т.д.) закреплялся в результате какого-либо исторического события или даже случая. Моментом, определившим конкретную форму закрепления модели социального действия и взаимодействия, могла быть, например, чья-либо воля, зависящая, конечно, от институциональных моментов (скажем, исходившая от более старшего по возрасту, стоящего выше в родовой иерархии и т.д.). Прецедент закреплялся в обычном праве при условии его соблюдения целым рядом лиц в течение длительного времени. Утверждаясь в обществе, все более распространяясь, получая признание и подвергаясь неформальной регламентации, то есть институционально оформляясь, прецедент эволюционно становился «стариной», а «всякая пошлина есть старина»².

В Древнерусском государстве значение права признавалось исходно за обычным правом, то есть всем тем, что освящалось соблюдением обычая как формы бытия традиции. Признание легитимности правителей создавать и изменять элементы общего права формировалось на протяжении ряда веков. Но даже в XVI в. государю приходилось для оправдания своих решений ссылаться на «старину». И тогда самые важные вопросы государственного и хозяйственного быта не были определены формально, а регулировались обычным правом. Поэтому историко-логический анализ образцов и актов обычного правотворчества (нормотворчества) — вечевых грамот, кодексов и др. — имеет огромное значение для исторического осмысления эволюции институционального фактора российского хозяйства.

Княжеские уставы, конечно, представляли собой источник права, но в весьма ограниченной области жизни³. Они непосредственно влияли на механизм судопроизводства, жалование исключительных привилегий посредством выдачи грамот, установление и институциональное закрепление повинностей, условий политического подчинения. Отдельную сферу законодательной деятельности князей составляли их духовные завещания, корректировавшие процедуры, связанные с институциями престолопреемства, наследства и имущества.

Кроме уставов существовали указы (приказы князя) и уложения (установления), которые впоследствии стали общегосударственной юридической формой. Поскольку эти древнейшие продукты княжеской институциональной деятельности не обладали большинством признаков современного законодательства, они требовали подтверждений от преемников князя, которым были изначально установлены. Такие институциональные акты имели персонифицированный характер: они доводились до сведения только тех лиц, которых непосредственно касались.

До окончательного определения и закрепления главенствующего статуса Москвы соглашения (договоры) князей между собой являлись важнейшим инструментом регулирования их взаимоотношений и координации действий. В основном эти продукты нормотворчества касались вопросов спецификации имущественных прав и статусов сторон, установления союзнических связей, начала и прекращения боевых действий, изменения институциональных механизмов торговли и уплаты дани и т.д.⁴

¹ Сергеевич В. Лекции и исследования по древней истории русского права. 3-е изд. СПб.: Тип. М.М. Стасюлевича, 1903. 664 с. С. 20—21.

² Там же.

³ См. также: Пресняков А.Е. Княжеское право в древней Руси: Лекции по русской истории: Киевская Русь. М.: Наука, 1993. 636 с.

⁴ См.: Собрание Государственных грамот и договоров, хранящихся в Государственной коллегии иностранных дел. Ч. I. М.: Тип. С. Селивановского, 1813.

Договорные грамоты князей по своему институциональному содержанию «представляют богатейший материал для изучения отношений между князьями великими и удельными, их взаимных прав и обязательств относительно сношений с другими княжескими правительствами, порядка доставления военной помощи друг другу, сношений с Ордой и платы татарской дани, порядка общаго суда, выдачи преступников, рабов и должников, ограждения прав вольных слуг, порядка торговли и прав торговых людей и пр.»¹. Закреплявшиеся в договорах традиционные, общепринятые в практике нормы со временем становились их типовой частью, элементы которой использовались и повторялись в более поздних соглашениях. Практика взаимных (перекрестных) договоров князей являлась институциональной базой удельного периода эволюции российского общества, препятствуя его консолидации и централизации государственной власти². Но предпосылки деструкции этой базы становились со временем все более очевидными. Среди них особо значимым являлось частое нарушение договорных обязательств (несмотря на крестное целование — процедуру принятия сторонами условий договора в условиях данной исторической эпохи), предполагавшее осуществление действий на основе внеэкономического принуждения, то есть «по праву сильного».

Мирные договоры русских князей предполагали закрепление новых обязательств (в том числе размеров и форм контрибуции), определение нейтральных территорий и угодий, находящихся в общей собственности сторон, а также фиксировали делимитацию и демаркацию географических границ. Так, в «Ореховском договоре» князя Юрия Даниловича, заключенном 12 августа 1323 г. после походов на шведов (единственном из сохранившихся мирных договоров этого князя — весьма неординарной исторической фигуры), указывалось: «А розвод и межа: от моря река Сестрerea, от Сестререе мохъ, середе мха гора, оттоле Сая река, от Сае Солнечный камень...»³ Конечно, приведенные ориентиры чрезвычайно неконкретны («мох», «гора», «камень») с современных позиций, но сторонам данного договора они, очевидно, были известны и не вызвали противоречий. Можно сказать, что эти ориентиры представляли собой имплицитные условия данного контракта.

Договорной процесс характеризовался не только диктатом победившей стороны, но и взаимными уступками в целях устранения институциональных импульсов дальнейшего воспроизводства конфликта. В указанном договоре «не только описана “межа князя Юрия”, в нем содержатся и другие установления, призванные регулировать жизнь карел на границе Новгородской земли и Швеции»⁴. В частности, в нем утверждалось: «И да князь великий Юрги со всемъ Новымъгородомъ по любви три погосты: Севилакшю, Яскы, Огребу — корельскыи погосты»⁵. Речь идет о передаче Швеции Новгородом принадлежавших ему до тех пор карельских погостов, из-за которых происходило периодическое обострение отношений в приграничной зоне.

Отношения князей с боярами также имели договорную природу в силу отсутствия строгой иерархии этих институциональных субъектов. Несмотря на то что в межкняжеских договорах постоянно оговаривалась такая функция князя, как «блюдение» черных людей, реальных механизмов ее осуществления князья не имели. Поэтому для них наиболее адекватными представлялись такие способы формирования своего дохода, как разбойные набеги на соседние земли с захватом имущества и торговля,

¹ Дьяконов М. Указ. соч. С. 214—215.

² См., напр.: Договорные грамоты московских князей XIV в. / Кучкин В.А. М.: Древлехранилище, 2003. 367 с.

³ Янин В.Л. Я послал тебе бересту... М.: Шк. «Языки русской культуры», 1998. 464 с. С. 75.

⁴ Там же. С. 84.

⁵ Там же.

тогда как сбор налогов с автохтонных акторов, связанный со спецификацией прав собственности и внедрением четких институциональных процедур, был неразвит, поскольку требовал существенных затрат¹.

Институциональная регламентация внешнеторговых отношений на Руси осуществлялась путем заключения международных договоров, которые определяли, в частности, порядок торговых взаимоотношений, закрепляли привилегии и статусы сторон, устанавливали механизмы урегулирования конфликтов и споров. Методы такого регулирования имели зачастую жесткий, принудительный характер: например, приводятся данные о запрете князем Мстиславом Великим вывоза золота и серебра из границ государства, а также об установлении им пошлины на ввоз оружия. В свою очередь, Киевский князь Владимир в 1006 г. заключил договор с волжскими болгарами, разрешавший торговать только в городах и только с купцами².

Практические основы и правовые формы закрепления социально значимых функций в Киевской Руси реализовывались на основе эндогенных исторических факторов, национальных устоев, практики, обычаев, законов. Это нашло отражение в таких памятниках письменности, как Договоры Олега и Игоря 907, 911, 944 гг., Грамота Владимира о даровании десятины церкви Пресвятой Богородицы в Киеве около 996 г., Устав о церковных судах около 1010 г., Древнейшая Правда, Русская Правда Ярослава 1016 г., Правда Ярославичей 1072 г., «Устав земленой» Владимира Мономаха, Краткая (Новгородская) Правда, Пространная Правда Владимира Мономаха 1117 года. Наблюдалось влияние хозяйственного и правового опыта других государств, с которыми княжества находились в каких-либо взаимоотношениях. Свидетельством тому являются Византийский закон для светской жизни и Номоканонический закон для церкви.

Наращение объема государственного документооборота, включавшего различные указы и указы, договоры и грамоты, послания и жалобы и т.д., отражало возрастание сложности внутри- и межкняжеских отношений. Эти документы являются не только источниками институциональной информации, но и конкретными результатами конструирования и закрепления институциональных отношений в обществе.

Юридические формы закрепления институциональных норм и отношений на Руси базировались на славянском обычном (или копном) праве. Это было древнейшее право, основанное на передаваемых из поколения в поколение обычаях. Первая редакция Русской Правды, записанная в начале XI в. и известная под названием «Правда Ярослава», воспроизводит славянское обычное право, или, как называли его в договорах князей Олега и Игоря с греками, — «Закон Русский». Второй свод, известный как «Правда Ярославичей» и датированный 1072 г., посвящен преимущественно защите княжеских имений и служащих. Его источником послужили различные княжеские указы. Он уже содержит определенное заимствование из германского феодального права. Так называемая «Пространная редакция Русской Правды», кодифицированная в XII столетии, — значительно более разработанный свод, чем две предыдущие редакции. В ней присутствует влияние византийского права³.

Различные Правды асинхронно складывались в рассматриваемый период и у народов Европы, кодифицируя обычное право и отражая возрастание сложности внутри- и межгосударственных отношений. Наиболее известным из зарубежных аналогов Русской Правды считается Салическая Правда (*Lex Salica*). Для европейских правовых сборников характерно, что они «трактуют проблемы в области практики, а

¹ См.: Богданов В.В. Указ. соч. С. 62.

² См.: История русской экономической мысли / Под ред. А.И. Пашкова. Т. I. Ч. 1. С. 41.

³ См.: Афанасенко И.Д. Указ. соч. С. 171—172.

не теории, в них отсутствует анализ явлений экономической жизни, но находят отражение универсальность и иерархичность мышления, стремление к описанию упорядоченного, самодостаточного хозяйства»¹.

Старинные правовые кодексы представляют собой сборники наиболее распространенных хозяйственных норм и правил, а не их полные своды. Их целью являлась скорее не кодификация обычного права, а сведение воедино той массы изменений, которые вносились институциональными субъектами верховной власти. Эти изменения «наслаивались» на обычное право, смешивались с ним и видоизменялись в ходе практического применения. Отсюда кажущееся невнимание средневековых кодексов как к явлениям повседневной хозяйственной жизни, так и к реализующим их институциям. До определенного периода хозяйственная жизнь происходила в рамках порядков, установленных обычаем, в виде вербальных (словесных) правил, не оставляя никаких письменных «следов».

Содержание Русской Правды нельзя признать полностью заимствованным из каких-то иностранных сборников, оно представляет собой своеобразное «зеркало» социального мировоззрения, специфическую форму воплощения институциональных идей формировавшейся элиты, а также «отражение современной составителю русской обычной и уставной практики»². Однако влияние зарубежных образцов актов и норм права на формирование отечественной законодательной практики проявилось вполне явно и определенно. Многие статьи Русской Правды, как отмечалось исследователями, «почти буквально сходны с подобными статьями Скандинавских и вообще германских законов, а иные по своему духу напоминают законодательство Словенских народов»³.

В целом это вполне закономерно, ведь на этапе своего становления, понимаемого как диалектическое единство бытия и небытия, хозяйственные системы по сути даже не импортируют, а скорее воспринимаяют, можно сказать, «впитывают» передовые аллохтонные институции, соответствующие им статусы, процедуры и атрибуты, образцы эффективных институтов и органов. Это отвечает потребностям системы хозяйства в развитии. С другой стороны, вторжения степняков, иго со стороны татаро-монгольских завоевателей и агрессия иноземцев (литовцев, поляков, венгров, немцев, шведов)⁴ обуславливали насаждение или заимствование зарубежных институтов, правовых норм и механизмов. Так проявлялись экзогенные (внешние) импульсы межсистемной динамики хозяйственных институций и институтов.

Безусловно, на страницах рассматриваемого русского кодекса отразилось и заимствование нормативных моделей из византийского права, что было обусловлено его более древними и обоснованными традициями, а также интенсивными взаимоотношениями между двумя странами. «Влияние светских византийских сборников... главным образом, обуславливалось подсудностью духовным лицам вопросов брачного права и права наследственного. При решении этих вопросов духовенство, конечно, обращалось не к народным обычаям, а к постановлениям византийских императоров. Эта практика церковных судов и оставила свой след в пространных списках Русской Правды»⁵.

¹ Калмычкова Е.Н. Традиции и новаторство в экономической теории западного Средневековья // Историко-экономический альманах / Сост. Д.Н. Платонов. М.: Акад. проект, 2004. 464 с. С. 54.

² Калачов Н. Исследования о Русской Правде. М.: Тип. Августа Семена, 1846. 163 с. С. 83.

³ Там же. С. VI.

⁴ См., напр.: Матузова В.И., Назарова Е.Л. Крестonosцы и Русь: конец XII в. — 1270 г.: Тексты, перевод, комментарий. М.: Индрик, 2002. 488 с.

⁵ Сергеевич В.И. Указ. соч. С. 44.

Большинство институций и соответствующих им процедур фиксировались неформальным (неофициальным) образом, регулировались обычным правом, а в Русской Правде они исключительно обозначались. Кроме того, многие ее понятия, такие, как «мечник», «мытник», «детский», «головник» («головничество»), «вира» («вера»), «свод» («извод»), «куны», «урок» и др., выражавшие определенные социальные статусы, отношения и явления, имели различные значения и поэтому требуют внимательного подхода к рассмотрению и анализу с разных точек зрения, с опорой на исторические факты¹.

В связи с институциональной теорией Русская Правда интересна прежде всего как документальный памятник, зафиксировавший первую попытку четкой формальной спецификации имущественных правомочий. В нем отражена происходившая трансформация отношений собственности, в рамках которой за ранними феодалами были закреплены захваченные ими общинные земли, а также было запрещено перепахивать межи и самолично устанавливать границы землевладения. Наряду с земельной собственностью Русская Правда охраняла собственность феодала на скот, птицу, улы, лады, сено, дрова, холопов и т.д. За всякое посягательство на имущество устанавливался штраф в определенном размере: например, похищение («увод») раба влекло штрафные санкции в размере 12 гривен (ст. 27 Краткой Русской Правды).

Кроме того, регламентировалась институция наследства, регулировались отношения собственности, их установление, трансляция и потеря агентами различных социальных институций. В частности, «Пространная редакция Русской Правды» закрепляла перечисленные моменты в статьях о судьбе наследства («задьници») смерда, не оставившего сыновей; о праве наследования сыновьями и дочерьми бояр и дружинников; об имущественных правах вдов, братьев, сестер, детей-сирот, детей рабыни от свободного мужа; о разделе между детьми материнской части наследства и т.п.² Из совокупности этих статей формировалась специфика социальных статусов различных институциональных субъектов (изорников, бояр, дружинников, смердов и др.), что представляло собой целенаправленное государственное вмешательство в процесс хозяйственной эволюции, особую форму его регулирования.

В Русской Правде получила отражение сложившаяся к тому времени институциональная система со всеми ее достоинствами и пороками. Именно в ней была санкционирована институция рабства (обельного холопства) как особого экономического и социального положения человека, обозначен перечень условий и обстоятельств, в силу которых допускалось превращение зависимых и свободных людей в рабов. К таким условиям относились несостоятельность должника, растрата чужого имущества, «добровольная» продажа себя в холопы, бегство закупа, не уплатившего долга, и др.

В целом Русская Правда явилась объективным, хотя и не системным отражением процесса развития товарно-денежных отношений, растущей заинтересованности государства в накоплении денежного богатства, о чем свидетельствуют ее статьи, относящиеся к торговле, ростовщичеству и различного рода штрафам в пользу князя как актора высшей власти.

Русская Правда охраняла купцов от произвола ростовщиков (то есть регулировала отношения агентов институций купечества и ростовщичества), в частности, путем установления льготы для погашения ссуды при стихийном бедствии, постигшем заемщика. Вместе с тем вследствие общественного признания важного значения страховых функций и необходимости расширения оборотных средств купцов особое внима-

¹ См.: *Калачов Н.* Указ. соч. С. IV.

² См.: *Данилова Л.В.* Понятие земельной вотчины в средневековой Руси // *Средневековая и новая Россия: Сб. науч. ст.* СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 1996. 832 с. С. 257.

ние в Русской Правде уделено защите интересов кредитора. Она дает ему право распоряжаться должником, обращать его в рабство, если последний явится злостным растратчиком денег, взятых в займы, тем самым укрепляя институцию кредиторства.

В Древней Руси возникает взаимодействие институций княжества и ростовщичества, поскольку некоторые аспекты деятельности ростовщиков подлежали прямому княжескому регулированию. Например, максимальный уровень ставки процента (в пределах 20—40%) был установлен законодательно в Уставе Владимира Мономаха. Это можно считать формой централизованного государственного регулирования в целях недопущения социальных конфликтов, что отражало неразвитость механизмов саморегулирования кредитно-денежной сферы. Реальное отсутствие механизма обратной связи князя с подвластным ему населением приводило к тому, что наиболее эффективной формой проявления «инициативы снизу» были бунты. Примером может служить восстание киевлян против ростовщиков, в результате которого Киевским князем в 1113 г. стал Владимир Мономах. Поэтому определение князем верхней границы ставки процента по кредитам носило еще и характер попытки предотвращения социальных конфликтов и удержания своего статуса.

Таким образом, охраняя интересы кредиторов, Русская Правда в то же время несколько ограничивала их произвол в отношении заемщиков, стремясь содействовать дальнейшему развитию кредитных отношений¹.

Эволюция норм обычного права Древней Руси характеризовалась постепенным повышением величины возмещения («виры») за моральный ущерб по отношению к физическому, когда «рана, даже тяжелая, если она нанесена острой частью меча, влечет за собой меньшую виру, чем не столь опасные удары необнаженным оружием или рукояткой меча, чашей на пиру, или “тылесной” (тыльной) стороной кулака»², что объясняется постепенным формированием в рамках дружины и сословия служилых людей («воинства») представлений о чести и достоинстве. Следовательно, «рана, нанесенная острой (боевой) частью холодного оружия, болезненна, но не бесчестит. Более того, она даже почетна, поскольку бьются только с равным»³, и поэтому требовала меньшего возмещения. В этом проявился учет нашими предками изменения институциональной рациональности представителей разных социальных групп и слоев.

Как образец порядков Древней Руси можно привести институцию изгойства, посредством которой «людей в чем-либо провинившихся, “изгоняли из жизни”, то есть лишали их права заниматься кормившим семью делом»⁴, присваивая им социальный статус изгоя. Основными группами людей, которые становились изгоями, были не выучившиеся грамоте поповские сыновья, не выплатившие долгов купцы и отколовшиеся в силу разных причин от общины (верви) смерды. Особую группу изгоев составляли князья, осиротевшие раньше, чем их отец смог занять великий стол. Они лишались всех прав на борьбу за высшую власть и обычно стремились закрепить себя на каком-то из незначительных русских столов. По своей сути изгой — деституированное обществом лица, лишенные доступа к значимым социальным, экономическим и политическим институциям. Они — вынужденные социальные изолянты, не

---

¹ См.: *Мордухович Л.М.* Очерки истории экономических учений: (От античных мыслителей до родоначальников буржуазной классической политической экономии). М.: Гос. изд-во полит. лит., 1957. 180 с. С. 69.

² *Лотман Ю.М.* Беседы о русской культуре: быт и традиции русского дворянства (XVIII — начало XIX века). СПб.: Искусство, 1994. 399 с. С. 7.

³ Там же.

⁴ *Гумилев Л.Н.* От Руси до России: Очерки этнической истории / Послел. С.Б. Лаврова. М.: Рольф, 2001. 320 с. С. 72.

принимающие деятельностного участия в жизни общества или существенно ограниченные в степени такого участия по сравнению с другими акторами.

Важным субъектом правотворчества выступала Православная церковь, которая, интегрируя в своей институциональной организации начала соборности и иерархичности, «осложнила общественное деление, внесла в него новые мотивы, поставила общежитию неведомыя задачи и, согласно с ними, заставила людей установиться в новые ряды и шеренги»¹. Институт церкви, функционирующий в символическом поле многообразных, созданных им религиозных атрибутов — норм, статусов, обрядов, обычаев, процедур, регалий, канонов, заветов, догматов, наказов, житий, поучений, уставов и др., — был важным, эффективным и неотъемлемым элементом институционального механизма русского общества в рассматриваемую эпоху.

Институт Православной церкви вносил и вносит значительный вклад в формирование и поддержание социального порядка, осуществляя комплекс интегрирующих функций, обеспечивающих:

- трансляцию (передачу) новым поколениям морально-нравственных принципов и императивов, «сокровенного знания» и житейского опыта;
- размывание институциональных «перегородок» между представителями разных сословий и социальных групп в пространстве храма за счет ненавязчивого действия механизма «вспоминания» базовых институций человеческого общества, таинства, божества, единства, всемогущества и др.;
- массовое информирование и поучение на основе священных текстов исходя из специфики актуальных событий через проповеди.

Всплывают в памяти проникновенные слова И.В. Киреевского: «Справедливость, нравственность, дух народа, достоинство человека, святость законности могут сознаться только в совокупности с сознанием вечных религиозных отношений человека»². Православная церковь, «поставив рядом с государственным обществом свое особое общество, состоявшее из одинаковых элементов, но устроенное на иных основаниях ...оказала сильное действие и на состав самого государственного общества. Переработку последнего она вела снизу, с класса, лежавшего в самой глубине его и, следовательно, наиболее обремененного — с холопства»³.

Церковь инициировала следующие нормы, регулировавшие нахождение в данной институции: при жестоком обращении с холопом господина вынуждали продать его; пленник, ставший холопом, имел право выкупиться вне зависимости от согласия своего господина; в случае насилия свободного человека над холопкой она получала волю; холопка, имевшая детей от своего господина, после его смерти получала волю (в соответствии с римской презумпцией молчаливого согласия), право на которую переносилось и на ее детей; нанесение господином увечья своим холопам автоматически вело к их освобождению. Кроме того, осуждая рабство с нравственно-религиозных позиций, Православная церковь ввела обычай благотворительного освобождения рабов по завещанию.

Влияние Церкви на хозяйственные процессы и общественную жизнь в целом воплощалось и в специфике институирования социального времени. Поскольку институции являются эндогенным фактором человеческой деятельности, следует признать, что институциональность присуща и пространству, и времени как атрибутам реальности. Институирование времени, то есть его упорядочивание и закрепление определенных функций за отдельными периодами суточного, сезонного и годового

¹ История сословий в России проф. В. Ключевского... С. 59.

² *Киреевский И.В.* Разум на пути к Истине. М.: Правило веры, 2002. 662 с. С. 290.

³ История сословий в России проф. В. Ключевского... С. 59.

циклов, имеет огромное значение для развития хозяйственных систем, позволяя снизить транзакционные издержки в их рамках.

С приобщением Руси к Православию можно связать упрочение роли календаря как институционального инструмента упорядочения жизнедеятельности во времени за счет вплетения в структуру рутинных хозяйственных процессов и событий религиозных элементов. С этим можно связать тот факт, что православные праздники в так называемом «народном» календаре¹ приурочивались к началу и завершению определенных циклических процессов в хозяйстве — работе и отдыху, свадьбам, созданию запасов и т.д., сопровождаясь пословицами и поговорками, «обрастая» приметам и обычаями². Православные праздники, в том числе наложенные на праздники языческие (например, день Иоанна Крестителя и Ивана Купалы, Рождество Христово и Коляда, Перунов день и Ильин день и т.д.) становились важными вехами в исчислении времени хозяйствования. Любопытно, что Церковью «была разработана детальнейшая система регулирования половых отношений, наполненная разнообразными запретами и ограничивавшая сексуальные связи примерно 100 днями в году»³. В Древней Руси институирование времени, прежде всего, предполагало фиксацию статусов дней, месяцев и сезонов внутри года в соответствии с их хозяйственным, религиозным и социальным значением. Совокупность этих статусов формировала временной порядок года. Так, «по пятницам обычно происходили битвы»⁴, а «закладка и освящение храмов, перенесение мошей обычно совершались по субботам и воскресеньям»⁵.

Однако осознание важности учета внутрисуточного течения времени отражается уже в Новгородских летописях XI в., где указывались как дни, так и часы описываемых событий. Хотя история хронометрии России изучена довольно слабо, можно утверждать, что наши предки до XV в. пользовались солнечными часами, а в 1404 г. Л. Серб сконструировал и установил первые механические башенные часы с колокольным боем на фасадной части звонницы великокняжеского двора в Московском Кремле. Это отражало общие тенденции развития технологий времяисчисления в данный исторический период: как отмечает Р. Камерон, в XIV в. практически любой город Европы имел центральные часы⁶, а в гентских деловых контрактах раннего Средневековья неформальной нормой считалось ставить не только дату, но и время заключения сделки.

Итак, в рассматриваемый период Православная церковь выступала своего рода внутренним эталоном интеграции для институций княжеской власти, ведь, словами Н.Н. Воейкова, «власть Киевского митрополита простиралась на всю страну, главными центрами которой становились города и области, просвещенные миссионерами; там возникали новые епархии по указам митрополита. Церковь была едина, тогда как после смерти св. Владимира между князьями возникли ссоры и междоусобицы, усилившиеся в XI в. введением *удельно-вечевой системы*»⁷.

Особого внимания заслуживают отношения церкви с княжеской властью. Одним из немногих (а с точки зрения Е.Е. Голубинского, и вообще единственным) достоверных институциональных актов, где четко определялся объем компетенций церковно-

¹ См. также: Рыбаков Б.А. Календарь древних славян // Сквозь века. Вып. 1. М.: Знание, 1986.

² См. также: Некрылова А. Русские народные городские праздники, увеселения и зрелища, конец XVIII — начало XX в. СПб.: Азбука-классика, 2004. 256 с.

³ Данилевский И.Н. Указ. соч. С. 235.

⁴ Там же. С. 234.

⁵ Там же. С. 233.

⁶ См.: Камерон Р. Указ. соч. С. 96.

⁷ Воейков Н.Н. Церковь, Русь и Рим. Минск: Лучи Софии, 2000. 656 с. С. 274—275.

го суда, в том числе и положение о церковной десятине, является уставная грамота смоленской епископии Смоленского князя Ростислава Мстиславовича и епископа Мануила, где, помимо прочего, указано: «И се даю святей Богородици и епископу десятину от всех даней смоленских, что ся в них сходит истых кун, кроме продажи и кроме виры и кроме полюдья»¹. Довольно сложным для современного понимания юридическим языком начала XII в. описывалось распределение полномочий между церковным и княжеским судами: «А тяж епископлих не судити никому же, судит их сам епископ. Первая тяжа роспуст (развод. — *Авт.*); другая тяжа, аж водить кто две жоне; третья тяжа, аше кто поимется чрес закон; а четвертая уволочская, аж уволочет (похитит. — *Авт.*) кто девку, што възметь князь, с епископом наполю, или посадник что възметь свои тяжи, то с епископом наполю; а пятое, аж ту женку, то епископу; шестая вопрос, а то епископу, зелья и душегубства тяжа епископля; сеемая, аж бьета-ся две жене, то епископля тяжа; аж церковный человек дойдет чего, то своему епископу; девятая аж кого бог отведет церковных людей, а не будет зла ничего церкви»². Таким образом, были определены девять ключевых сфер компетенции церковного суда.

К ним, согласно уставной грамоте, относились основные вопросы семейного права: в этих случаях подсудными церкви оказывались все категории населения Древней Руси. Кроме того, в полное ведение института Православной церкви были переданы, говоря современным языком, «социально незащищенные группы населения», в том числе изгои, калеки (слепцы, хромцы и др.), паломники, странники, прощенники, задушные люди и т.п. В этой связи постепенно формировалась соответствующая организационная инфраструктура.

В Уставе Киевского князя Владимира о церковных судах и о десятине (вторая половина XII в.) подтверждалось положение о десятине: «По том же летом многым минувшем, создах церковь святыя Богородица Десятинную и дах ей десятину по все земли Русьстеи ис княжения в сборную церковь: от всего княжа суда десятую векшу, а ис торго десятую неделю, а из домов на всяко лето от всякого стада и от всякого жита чюдному спасу и чюдней его матери»³. Однако, по мнению Е.Е. Голубинского, существуют веские основания для сомнений в подлинности данного устава. Во-первых, недостаточно адекватно показана сфера институционального влияния Киевского князя. Так, зона легитимности решений церковного суда охватывает, согласно уставу, все епископии, тогда как положение о десятине — лишь киевскую, при этом десятина дается Киевской церкви Богородицы «по все земли Русьстеи», что выглядит неубедительно. Во-вторых, неосновательным можно считать указание на византийский Номоканон при обосновании передачи церковным судам ряда компетенций, касающихся гражданских дел. В-третьих, положение о передаче в ведение церковного суда тяжб о наследстве вступает в логическое и институциональное противоречие с нормами Русской Правды, которые действовали в этот период, и, согласно которым, эти дела рассматривались княжеским судом. В-четвертых, упомянутые в тексте устава князя Владимира благотворительные институты — больницы, гостиницы, странноприимницы, — сложились гораздо позже. Возможно, что этот устав даже был сфабрикован во второй половине XII столетия, поэтому сфера компетенции церковного суда выглядит чрезмерно широкой для времени княжения Владимира⁴.

Однако такое мнение разделялось не всеми историками. Отмечалось, что «передача дел о наследстве в ведомство церкви по уставу, тогда как по Р. Правде они веда-

¹ Памятники истории Киевского государства IX—XII вв. С. 155.

² Там же. С. 157.

³ Там же. С. 159.

⁴ См.: Голубинский Е.Е. История Русской церкви. Т. I: Киевский или домонгольский период. Ч. II. 2-е изд. М., 1904. С. 403—405.

ются князем, вовсе не доказательство подложности устава, а указывает в нашей истории на период двоеправия, на борьбу двух течений. Устав Владимира образовался, как и Р. Правда, путем частной кодификации таких правил...»¹ Противоречивость самого процесса формализации обычного права, его фрагментарность и некомплексность, обусловленные объективными причинами, переносились и на конкретные «продукты права», уже писаного и постепенно систематизировавшегося.

Институциональная роль Православной церкви заключалась также в «трансплантации» и адаптации к местной практике византийских и древнеримских правовых норм. В церковных уставах можно встретить ссылки на греческие юридические источники, а митрополит Кирилл II, выступая на Владимирском Соборе 1274 г. в связи с новым славянским переводом Номоканона, заявил, что неурядица православно-го быта происходила «от неразумных правил церковных. Помрачени бо беаху прежде сего облаком (тмою) премудрости елиньскаго языка, ныне же облисташа, рекше истолкованы быша и благодатью Божиею ясно сияють, неведения тму отгоняюще и все просвещающе светем разумным»². По тексту данного перевода были составлены две редакции Кормчих книг (сборников церковных и светских законов, источниковая база которых включала сербские и болгарские переводы византийских кодексов, элементы княжеских уставов и Русской Правды) — новгородская, или софийская, относящаяся к концу XIII в. и характеризующаяся рядом внесенных с учетом местной практики дополнений, и рязанская.

Заимствовались для составления судебных книг Православной церкви и материалы из светских сборников права, в том числе из византийского законодательного свода «Эклога» (726 г.)³, включенного в Кормчие книги под названием «Леона, царя премудрого, и Константина верной царю главизны» (то есть главы) и представлявшего собой совокупность правил апостольской церкви, Вселенских соборов, а также ряд гражданских законов православных византийских императоров, изданного там же практического руководства для судей, включавшего нормы различных сфер права («Прохирон», 879 г.) и др. В XII—XIII вв. был осуществлен перевод византийского Земледельческого закона, или Крестьянского устава (*Leges rusticae*), оформленный в виде компиляции с общим названием «Книги законныя, имиже годится всякое дело исправляти всемь православнымь княземь»⁴.

Конечно, влияние византийского законодательства на славянское было опосредовано вполне определенной фигурой — переводчиком. «Переводчики и составители... чужеземных сборников и русские их писатели имели, конечно, в виду не одни назидательныя цели, а и практическое их приложение. Но условия русской жизни были столь существенно различны с византийскими, что не один раз возникал вопрос о необходимости приспособления чужих норм к русской действительности. Это было прямо неизбежно, так как в русском языке некоторых понятий совершенно не существовало. Поэтому и наблюдаются в славянских текстах сборников более или менее существ-

¹ Дьяконов М. Указ. соч. С. 36—37.

² Цит. по: Там же. С. 38.

³ См. русский перевод данного литературного памятника: *Васильевский В.Г.* Законодательство иконоборцев // Журнал Министерства народного просвещения. 1878. Т. СХСІХ. См. также: *Он же.* Труды: В 4 т. СПб.; Пг.; Л., 1908—1930. Т. IV. Л., 1930.

⁴ См.: Византийский Земледельческий закон / Текст, исслед., коммент. подгот. Е.Э. Липшиц, И.П. Медведев, Е.К. Пиотровская; Под ред. И.П. Медведева. Л., 1984. 280 с. С. 190—269; *Липшиц Е.Э.* Право и суд в Византии в IV—VIII вв. Л.: Наука, 1976. 230 с.; *Панченко Б.А.* Крестьянская собственность в Византийской империи: Земледельческий закон и монастырские документы. София, 1903; Первоначальный славяно-русский Номоканон / Соч. А. Павлова. Казань: В унив. тип., 1869. 146 разд. паг.; Обзорение Кормчей книги в историческом виде / Розенкамф Г., бар. М.: О-во истории и древностей рос. при Моск. ун-те, 1829. 763 с.; *Срезневский И.И.* Обзорение древних русских списков Кормчей книги. СПб., 1899.

венные отступления от оригинала (курсив наш. — *Авт.*)»¹, что выражалось в замене терминов, подборе эквивалентов, адаптации (смягчении или усилении) норм применительно к отечественным условиям и др. Ведь переводчик во все времена — это, «по существу, соавтор, устанавливающий через себя как посредника контакт между двумя... языковыми культурами... между двумя духовными цивилизациями»² и институциональными системами.

Среди более поздних образцов формального нормотворчества особое внимание историков и правоведов привлекают Двинская уставная грамота (1397 г.), Новгородская и Псковская судные грамоты. В последней, составленной на вече не раньше 1462—63 гг. (возможно, в 1467 г.), подробно регламентировались статусы князя и посадника, производилась спецификация набора прав и обязанностей этих принципов, определялась их субординация с агентами других институций³, уточнялись механизмы определения и подтверждения реальных имущественных прав посредством княжеского или посаднического судопроизводства, были разграничены сферы компетенции судов. В частности, устанавливалась следующая норма: «Князю, посаднику и наместнику архиепископа не (следует) пересуживать дела, решённые судьёю; судьи и (архиепископский) наместник (также) не пересуживают дела, решённые князем»⁴. В Псковской судной грамоте были определены императивы (строгие ограничения) действий князя и посадника в рамках институции судопроизводства. В частности, запрещалось присвоение городских судебных пошлин, использование своих прав в целях личной мести, решение дел «по дружбе» и без расследования, взяточничество и др.

В процессе судопроизводства объективно необходимой была институция свидетельства, которую, в случае индивидуальных споров, Грамота вменяла соседям: «...а коли будет с кем суд о земле... или о воде; а будет на той земле двор или ниви розстрадни, а стражет и владеет тою землею, или водою (определенное число. — *Авт.*) лет...; ино тому исцу (истцу. — *Авт.*) ссылаться на соседе... А суседи став, на коих ссылаются, да скажут как прав пред Богом: что чист...»⁵ Однако институции соседства оказывалось недостаточно для участия в качестве свидетеля при церковных разбирательствах, поскольку в них затрагивались интересы более масштабных и фундаментальных институциональных субъектов: «...за церковною землею, и на суде, помочью суседи не ходят; ийти на суд старостам за церковную землю»⁶.

Также регулировались отношения господ с наймитами, изорниками, огородниками, кочетниками. Особо актуализировались возможности оппортунистического поведения, в частности невозвращения господину «покрут», то есть полученной ранее материальной помощи. Механизм разрешения такого рода конфликтов был также основан на институции свидетельства: «...коли изорник имет запираяться у государя покруты, а молвит так: у тебя, есми, на селе живал, а тебе есми не виноват; ино на то государю тому поставить люди сторонние..., а тем людям сказати как прямо пред Богом, как чисто на селе седел; ино государю правда давши, взять свое, или изорнику верить, то воля государева»⁷. Предлагалось, таким образом, выставить нескольких

¹ Дьяконов М. Указ. соч. С. 39.

² Кондрашова Л.И. Предисловие // Лаоцзы. Дао-Дэ цзин, или Трактат о Пути и Морали / Пер. с др.-кит., предисл. и послесл. Л.И. Кондрашовой. М.: РИПОЛ КЛАССИК, 2003. 224 с. С. 22.

³ См.: Псковская судная грамота, составленная на вече в 1467 г. — Изд. по списку, хранящемуся в б-ке кн. Михаила Семеновича Воронцова [Н. Мурзакевичем]. Одесса: Гор. тип., 1847. 18 + 6 с. С. 1—2.

⁴ Псковская судная грамота: Пер. // Памятники русского права / Под ред. С.В. Юшкова; Авт.-сост. А.А. Зимин. Вып. 2. М.: Госюриздат, 1953. С. 302—324.

⁵ Псковская судная грамота, составленная на вече в 1467 г. С. 2.

⁶ Там же. С. 11.

⁷ Там же. С. 9.

свидетелей, которые должны были объективно и «по совести» указать на достоверность факта и условия получения «изорником» (земледельцем) помощи от своего господина.

Привлечем внимание к активному использованию в судебных процессах, относящихся к концу рассматриваемого исторического периода, письменных документов, апелляция к которым заметна и в тексте рассматриваемой грамоты. Так, в статье 13, регулирующей ситуацию конфликта по поводу землевладения, сказано, что если истец «предъявит документы, доказывающие давности его владения (тою землею), то дело передается на усмотрение последнего». В свою очередь, обретение институции наследства во многом связывалось с соответствующими документами — домашними расписками, письменными завещаниями и долговыми записями (ст. 14). В случае взыскания торговой ссуды со ссылкой на «доски» (записи, устанавливавшие долговые обязательства) существовала возможность отклонения этого требования путем предъявления расписки о погашении, но только оригинала, а не копии (ст. 38). Можно говорить о явно происходившем эволюционном повышении роли письменных атрибутов в институциональных отношениях.

Нуждается в актуализации проблема исторического изменения форм институциональных отношений. Насколько уместно отождествлять формализацию институций исключительно с фиксацией связанных с ними норм и правил в виде «писанных законов»? Ведь в таком случае следовало бы признать, что в «дописьменную эпоху» все институции имели неформальный характер, что вряд ли верно. Современные институционалисты считают, что закрепление возникших и достаточно распространенных институциональных отношений «может быть как формальным (в виде отдельных постановлений, указов, разрешений и прочее), так и неформальным (в виде привычки, общепринятой нормы, признанной модели поведения)»¹. Этот общепризнанный тезис относится к современной стадии развития институциональной системы и не всегда может быть распространен на более ранние исторические эпохи.

Ведь разве норма не есть форма, выражающая содержание определенных общественных отношений, институций, институтов и т.п.? Разве модель поведения не является его формой? Очевидно наличие у всех институциональных феноменов во все времена определенных внутренних, внешних, производных, превращенных и других форм, выражающих их содержание. Поэтому более корректным представляется разграничение официальных и неофициальных форм социального закрепления функций и моделей общественных отношений. К первым (официальным) в рассматриваемый исторический период относились продукты княжеского, церковного и вечевого правотворчества, в том числе первые правовые кодексы, а ко вторым — элементы обычного права.

Формализация сложившегося в Древней Руси конгломерата институциональных отношений изначально проходила прежде всего в русле их кодификации, то есть агрегирования массивов однородной институциональной информации и их структурирования в форме кодексов с целью исключения внутренней противоречивости. Под институциональной информацией понимаются различные сведения и данные, факты и прецеденты, имеющие отношение к социально-функциональной структуре общества и экономики, то есть к институциям, статусам, нормам, правилам, процедурам, ритуалам, обрядам, обычаям и т.д. Но кодифицировать информацию институционального характера, циркулировавшую в хозяйственной системе Древней Руси (так называемую «пошлину», или «старину»), в полном объеме было невозможно из-

---

¹ Лебедева Н.Н. Институциональный механизм экономики: сущность, структура, развитие. Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2002. 326 с. С. 42.

за огромных транзакционных издержек ее сбора, обобщения и упорядочивания. Поэтому кодексы в принципе не могли охватить всего многообразия конкретных форм реализации институционального фактора хозяйственной деятельности. Они обобщали институциональные отношения только в отдельных значимых сферах общественной жизни, например в судопроизводстве.

В дальнейшем с укреплением институций государства, законодательства и делопроизводства, с усилением и пространственной экспансией их структурных форм и агентов произошло усиление санкций за нарушение официальных правил жизнедеятельности. Эволюционно возникли возможности значительного отрыва официальных институциональных актов от реально сложившихся, закрепленных общими и локальными обычаями устойчивых форм институциональных отношений. Официальные правила все более становились результатом лоббирования узкогрупповых и корпоративных интересов, проведения определенной государственной политики, а не облечения обычая в наиболее адекватную его содержанию, четкую и внутренне согласованную форму. Поэтому в современных исследованиях часто подчеркивается противоречие между формальными и неформальными правилами, нормами и процедурами хозяйственной деятельности, которое в рассматриваемый исторический период еще не возникло.

§ 4. Первые авторские произведения «российских институционалистов» (XI—XII вв.)

Наибольший интерес представляет появление на изучаемом этапе первых религиозно-дидактических и литературно-публицистических произведений. К начинателям писательства Древней Руси, в мировоззрении которых важное место занимали идеи институционального характера, можно отнести Илариона, первого Киевского митрополита из русских (с 1051 г.). Он создал произведение «Слово о законе и благодати» (XI в., между 1037—1050 гг.), где с патриотических позиций сжато оценил деятельность древнерусских князей и международную роль Киевского государства. В творческом наследии Илариона уделялось большое внимание институциям православного христианского общества, взаимодействию и согласованному развитию религиозного и общественного сознания, а также соответствующим социальным связям и отношениям.

Митрополит Иларион признавал за каждым сословием необходимость выполнения определенной, исключительно ему присущей и общественно полезной функции (сословной институции, по предлагаемой терминологии) в государственном хозяйстве. Так, правители призваны защищать государство от внешних и внутренних врагов «мужеством и смыслом», «землю свою пасти правдою»¹, решать задачи социальной поддержки незащищенных слоев, а также, выражаясь современным научным языком, создавать благоприятные условия расширенного воспроизводства институции Православия, поддерживая ее путем приоритетного распределения материальных потоков в пользу церкви, а также содействуя в конкуренции с альтернативными институциями религиозной сферы. Только мощное государство способно избавить своих граждан от войн и мятежей, предотвратить голод, защитить торговлю, поддержать развитие Православия и культуры, считал митрополит Иларион. Следовательно, государство предстает в его преднаучной концепции как хозяйственно, национально и религиозно обоснованное образование.

¹ Цит. по: Мюллер Л. Понять Россию: историко-культурные исследования. М.: Прогресс-Традиция, 2000. 432 с. С. 103.

С точки зрения современной трактовки социальной философии Илариона, в иерархической структуре сословных институций ниже князя находятся бояре, обеспечивающие поддержку его деятельности мудрыми советами; воины, посредством которых князь исполняет свою обязанность охранять и защищать страну; ремесленники, формирующие предметный мир жизни христианского люда; крестьяне, возделывающие поля, чтобы на них произрастали «плоды» и народу не приходилось страдать от голода¹. В таких формах первоначально осмысливалась специфика иерархического строения институциональной системы, выделялись ее базовые элементы.

Вызывает интерес осуществленное в «Слове» митрополита Илариона философское осмысление и разграничение понятий закона и благодати, истины. Под «законом» понималась, очевидно, система норм Ветхого Завета и Талмуда, предшествовавших Завету Новому: «Законъ бо предътечя бе и слуга благодети и истине, истина же и благодеть слуга будущему веку, жизни нетленней... Прежде законъ, ти по томъ благодеть, прежде стень (тьнь. — *Авт.*), ти по томъ истина»². Заключенная в Новом Завете система конституирующих ценностей, императивов и норм задавала модель социально приемлемого поведения, скрепляя согласием сообщество своих приверженцев.

Православное христианство рассматривается Иларионом как результат эволюции институции иудейства, иудаизма («и иудейство прекратилось, и закон миновал»)³, а механизмом его распространения определялась пространственная диффузия: «Законъ бо прежде бе и възнесся въ мале, и отииде. Вера же христианская, последжаявльшися, больши первыя бысть и *расплодися* на множество языкъ»⁴. Хотя эпоха «закона» применительно к реалиям Киевской Руси фактически связывается с господством язычества, однако «в отношении “закона” даются более беспощадные оценки, чем в отношении “языческой лести”»⁵, что можно расценивать как объективную уступку традициям дохристианского периода в условиях происходившей смены институций религиозной сферы и сложившегося переходного этапа — «двоеверия». Но эмоционально выраженная в «Слове о законе и благодати» гордость за прошлое Руси, несмотря на его откровенно языческий характер, не может не вызывать некоторого удивления у современного читателя, учитывающего митрополичий сан автора. Не следует, конечно, забывать, что за образными определениями «закона», «благодати» и «языческой лести» реально скрывается «острейшая для Древней Руси проблема взаимодействия трех религий (религиозных институций. — *Авт.*): иудейства, христианства и язычества. Это важнейшая идейно смысловая линия произведения»⁶ Илариона Киевского, который в равной степени осуждал иудейство с его узконациональной замкнутостью и слабо обоснованными религиозными амбициями, проявляя при этом «категоричную неприязнь... к единоверцам грекам, кичившимся своим превосходством и претендовавшим на исключительное положение в христианском мире»⁷.

Митрополит Иларион подчеркивал прогрессивный характер Православия, являющегося институциональной основой интеграции Русского государства в состав передовых держав своего времени не под эгидой Константинополя, но в равном ста-

¹ Мюллер Л. Указ. соч. С. 103.

² Слово о законе и благодати митрополита Киевского Илариона // Библиотека литературы Древней Руси. Т. 1: XI—XII в. СПб.: Наука, 1997. С. 26, 28.

³ Там же. С. 33.

⁴ Там же. С. 32.

⁵ Послания Митрополита Никифора / Ин-т философии РАН; Подгот. текстов, пер. Г.С. Баранковой; Отв. ред.-сост. В.В. Мильков. М., 2000. 123 с. С. 22.

⁶ Там же.

⁷ Там же.

тусе с Византией: «Се бо уже и мы съ всеми христианами славимъ Святую Троицу»¹. Действительно, «до крещения как бы “еще-не-страна”, Русь становится “страною” и одновременно членом христианского (византийского) сообщества государств»². Можно заключить, вслед за Н.Е. Выжлецовою, что в «Слове о законе и благодати» воплотилось собственно русское осмысление христианской традиции³.

Аналогичная тенденция проявилась и при переводе «Пчелы» (не позднее XII—XIII вв.), популярного на Руси сборника цитат из Священного Писания, изречений Отцов Церкви, афоризмов античных философов, ораторов и государственных деятелей, изначально составленного в Византии. Как подчеркивает К.А. Максимович, «в древнерусской версии “Пчелы”, в отличие от греческого оригинала, сильнее выражен христианский элемент и на князя возлагается обязанность следовать евангельским заповедям»⁴, а писанный юридический закон («номос») русский переводчик превращает в «божественный закон».

Особым смыслом исполнена заключительная, торжественная часть «Слова», «похвала кагану нашему Влодемиру, от него же крещени быхом», в которой обрисован образ князя-христианина и выделены ключевые компоненты формировавшейся официальной идеологии Киевской Руси. Закономерно, что этот фрагмент многократно цитировался в последующих древнерусских произведениях. Иларион подчеркивал высокий международный статус древнерусского государства: «Не въ худе бо и неведоме земли владычствоваша, нъ в Руське, яже ведомее и слышима есть всеми четырьми конци земли»⁵. По мнению митрополита, решающую роль в этом сыграло твердое руководство со стороны князя Владимира, который «единодержецъ быв земли своеи». Обосновывалось мощное позитивное влияние христианства на укрепление экономического и культурного могущества Руси, ни в чем не уступающей Византии. Словами ученого-монаха Г. Подскальски, «Премудрость христианской веры есть та самая миротворная Премудрость Божия, которая должна наставить людей искусству правления городами и народами... С Премудростью русская священная держава не ниже греческой»⁶. В «Слове» отразилась проявлявшаяся в конкретно-исторических условиях Киевской Руси начала XI в. закономерность, характерная для стран, развивающихся способом институциональной «трансплантации», когда «усвоение ценностей очень быстро принимает состязательный характер, и просвещаемый мир стремится превзойти по части просвещения сам источник просвещения»⁷.

Конечно, нельзя не упомянуть среди первых письменных русских произведений «Житие Феодосия Печерского», написанное преподобным Нестором Летописцем⁸, тогда еще амбициозным молодым иноком («мнихом») Печерского монастыря, в конце XI в. (по мнению академика А.А. Шахматова — до 1088 г.)⁹. Нарушитель традиций

¹ Слово о законе и благодати митрополита Киевского Илариона... С. 38.

² Подскальски Г. Христианство и богословская литература в Киевской Руси (988—1237 гг.). СПб.: Византиноведение, 1996. XX + 572 с. С. 37.

³ См.: *Выжлецова Н.Е.* Святость как первооснова древнерусской духовности // Вестник Новгородского государственного университета. 2001. № 18.

⁴ *Максимович К.А.* Образ идеального правителя в древнерусской «Пчеле» и политическая мысль Византии // Древняя Русь: Вопросы медиевистики. 2002. № 7 (март). С. 33.

⁵ Слово о законе и благодати митрополита Киевского Илариона... С. 42, 44.

⁶ *Подскальски Г.* Указ. соч. С. 436, 438.

⁷ *Парсамов В., Шанская Т.* Власть и просвещение в России XVIII — начала XIX в.: (Вводные замечания к теме) // Логос. 2003. № 4—5. С. 245.

⁸ См. также: *Приселков М.Д.* Нестор-летописец: Опыт историко-литературной характеристики. Пг., 1923.

⁹ См.: *Шахматов А.А.* Повесть временных лет. Т. 1: Вводная часть. Текст. Примечания. Пг.: Археогр. комис., 1916. 402 с.

византийской агиографии, первым внесший в летописания автобиографические элементы и «множеством греховъ напыльнень... от уности»¹, Нестор в жизнеописании святого Феодосия Печерского, игумена Печерского монастыря (основанного под Киевом в середине XI в.), тонко обличал отступления от православных норм поведения (девиации), распространяя свою объективную и нелицеприятную критику на русских князей.

«Житие Феодосия Печерского» проникнуто оптимизмом и национально-патриотическими настроениями его автора, свидетельствуя о наличии у Руси своего чудотворца и повышая тем самым ее статус среди христианских держав. Это тем более важно, что жития на этом историческом этапе выполняли функцию «массовой литературы».

Текст «Жития» представляет собой богатый эмпирический материал, касающийся особенностей внутреннего быта и порядков русских монастырей (в частности, нормы размера пожертвований — «2 гривны золота и оклад... на икону»)², их роли в жизни крупных городов и государства в целом. При этом «монастырская жизнь не рассматривается Нестором как способ полной изоляции от мира — святой (Феодосий. — *Авт.*) не отказывается от встречи с преследующей его матерью, дает нелицеприятные советы и поучения князьям, помогает найти правду, заступничество и помощь всем нуждающимся в нем и в монастыре горожанам. Типично русская черта проявилась в том, что *жертвенное служение* аскета складывается из труда на общую пользу (курсив наш. — *Авт.*)»³. Нестор прославляет подвижничество и покорство Феодосия Печерского как основоположника древнерусского монашества, солидаризируется с ним в осуждении «неверья» и практики накопления монастырями излишнего богатства («благодательства»), «братоненавидения» и раздоров князей.

В отличие от своего предшественника Илариона, митрополит Киевский Никифор (сер. XI в. — 1121 г.) относится, как отмечает С.М. Полянский, «к числу тех деятелей древнерусской культуры, имена которых до сих пор редко звучат при характеристике истории отечественной мысли»⁴. Проблема, видимо, заключается в греческом происхождении Никифора: он прибыл на Русь из Византии в декабре 1104 г., почти сразу же был избран великим князем на митрополичью кафедру и поставлен на нее («посажен на стол») решением Собора русских епископов.

До сих пор в научных трудах не до конца изжит «довольно обедненный стереотип греческих митрополитов на Киевской кафедре»⁵, представляющий их не как акторов церковно-административных и культурных процессов, а, скорее, как их пассивных наблюдателей, отчужденных от паствы и тоскующих по родине⁶. Конечно, «на этом фоне гораздо привлекательнее выглядит деятельность русских по происхождению иерархов: Илариона, Климента Смолятича, Кирилла Туровского. Однако упрощенное деление на греков и русских совсем не отражает подлинной роли представителей древнерусского священноначалия в культурообразующем процессе. Яркая фигура митрополита Никифора опровергает эту одностороннюю схему и позволяет по-

¹ Успенский сборник XII—XIII вв. / Под ред. С.И. Коткова. М., 1971. С. 135.

² Житие Феодосия Печерского // Библиотека литературы Древней Руси. Т. 1: XI—XII века. СПб., 1997. С. 401.

³ Послания Митрополита Никифора... С. 33—34.

⁴ Полянский С.М. Богословско-философские взгляды митрополита Никифора // Древняя Русь. 2001. № 4. С. 97.

⁵ Там же.

⁶ См. также: Гайдено П.И. Место русского митрополита в системе церковно-государственных отношений Киевской Руси: (Постановка вопроса) // Православный собеседник. Казань, 2004. № 1 (6). С. 136—167.

новому рассматривать многие вопросы по истории древнерусской мысли¹, в том числе ее институционального направления.

До нашего времени дошло пять произведений Никифора. Обращение архипастыря в начале Великого поста 1113 г., известное как «Поучение в неделю сыропустную», «было оглашено не только в киевском кафедральном Софийском соборе, но рассылалось в письменном виде в прочие русские приходы»², что свидетельствует о высокой степени его влияния на сознание прихожан. С позиций институционально-экономического подхода в содержании этой проповеди следует отметить два ключевых момента.

Первый из них связан с порицанием практики взимания высоких долговых процентов, из-за чего институция «резоимства» перерастала в «лихоимство»: «режа бо жилы и закалая его злым ножом — лихоиманием неправедныя мзды тяжкаго реза»³. Эти гневные слова были произнесены незадолго до восстания в Киеве весной 1113 г., сразу после смерти «вельми сребролюбивого» (выражение В.Н. Татищева) князя Святополка Изяславича, когда городские жители разгромили дома евреев-ростовщиков и захватили дворец крупнейшего боярина, тысяцкого Путяты Вышатича. Только прибытие в Киев Владимира Мономаха, по просьбе боярства занявшего великий стол, остановило бунт. Сразу же был принят «Устав Владимира», ограничивавший ставку процента по денежным ссудам и облегчавший положение закупов. Вскоре, примерно около 1116 г. была принята и «Пространная редакция Русской Правды», направленная на предотвращение практики закабаления закупов (ст. 59 и 60) и ограждавшая их интересы от произвола ростовщиков.

Уточним, что приглашение авторитетного шестидесятилетнего Владимира Мономаха на киевский стол по «ряду» (контракту) местным боярством было осуществлено в обход принятой очередности наследования, то есть с нарушением институции преемства, создав тем самым локальный институциональный прецедент, ведь в этот период «князья строили свои отношения исходя из соображений старейшинства»⁴.

Второй институциональный момент «Поучения в неделю сыропустную» связан с осуждением митрополитом Никифором народного пьянства как особой негативной институции: «...пьянство нарицающе мать всякия злобы и всякия нечистоты и блуда, а ты ничтоже согрешати глаголеши. Пьянство — вольный бес, пьянство — дщи диавола, пьянство — уму смерть; погубивый бо ум скотины пуши есть»⁵. Нетрезвый образ жизни, таким образом, подвергался критике с морально-нравственных позиций как противоречащий идеальной модели поведения и системе жизненных ценностей православного христианина, что сжато обосновывалось уже в первом письменном памятнике русского проповедничества — «Поучении к братии» Новгородского епископа Л. Жидяты (ок. 1035 г.)⁶. Так «в результате взаимодействия и взаимопроникновения народной и церковной культур образуется определенное знание о человеке, каким он является и каким должен являться. С помощью властных институтов, это знание внедряется во все сферы культуры»⁷ и общественной жизни.

¹ Полянский С.М. Указ. соч. С. 97.

² См.: Послания Митрополита Никифора... С. 52.

³ Цит. по: Там же. С. 52.

⁴ Фроянов И.Я., Дворниченко А.Ю. Города-государства Древней Руси // Становление и развитие раннеклассовых обществ. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1986. 336 с. С. 82.

⁵ Поучение митрополита Никифора в неделю сыропустную. (См.: <http://kds.eparhia.ru/bibliot/makariv/mitr/> [Электронная библиотека Казанской духовной семинарии РПЦ].)

⁶ См.: Тимковский Р. Поучение архиепископа Луки к братии // Русские достопамятности, изд. ОИДР. Ч. 1. М., 1815. С. 3—16.

⁷ Чумакова Т.В. Указ. соч. С. 6.

Факт осуждения «пиянства» с митрополичьей кафедры в начале XII в., вообще говоря, знаменателен, ведь, как обосновывал самобытный историк И.Г. Прыжов (1793—1858), «пиянства в домосковской Руси не было, не было его как порока, разъедающего народный организм»¹, поскольку применение в основной массе народа находили лишь слабоалкогольные (с современной точки зрения) напитки — брага, мед, пиво и квас. Но и их потребление было редким, носило обрядовый характер, обычно связывалось с годовыми церковными праздниками, когда допускались воздержание от работы и легкое опьянение. Согласно немногочисленным исследованиям, трезвость была «обычным состоянием повседневности»² русского народа в первые века государственности, хотя уже в правление Ивана III и его сына Василия III осуществлялись серьезные действия по ограничению употребления спиртного. Однако именно «эти меры и могли создать ту благостную картину “непьющей Руси”, которую зафиксировали для начала XVI века Герберштейн и Прыжов. Это все равно, что судить о пьянстве в СССР по временам М. Горбачева»³. Поэтому следует признать недопустимой идеализацию Древней Руси, в которой институция пьянства сложилась и получила широкое распространение. Как показывает массовое распространение «пивного алкоголизма» в современной России, расширению масштабов пьянства отнюдь не препятствует низкое содержание алкоголя в употребляемых напитках.

Не случайно первая дошедшая до современности проповедь, направленная исключительно против пьянства, датируется концом XII в. и принадлежит епископу Белгородскому Григорию, второму по значимости лицу в церковной иерархии Руси домонгольского периода⁴. Он дал аналитически смутную, но очень образную картину этого явления, обращаясь к своей пастве: «...пьете вино и мед или иные напитки безмерно, так что будто от злого огня выгораете», «и тот лишь считаете праздник славным, если лежат все, будто мертвые спяну, как идолы — с разверстыми ртами, но языками безгласными, с очами открытыми, но не видящими, с ногами, которые не могут ходить!»⁵ При этом «огненное зазжение», вызываемое алкоголем, сравнивалось с огнем преисподней⁶, а пьянство трактовалось иерархом как социальная патология и эмоционально противопоставлялось христианству: «крещение угнетается вашим пьянством, ибо крещение святое на святыне основано, в пьянице же святыни нет никакой»⁷.

Послания митрополита Никифора «о разделении церквей на восточную и западную» и особенно «о посте и воздержании чувств» (примерно 1114—1121 гг.) были обращены к князю Владимиру Мономаху. Это отнюдь не поучения архиепископа, но, скорее, часть более обширной переписки, связанной с совместной общественной деятельностью⁸: существует предположение, высказанное Б.А. Рыбаковым, о возможном знакомстве Никифора с произведениями Владимира Мономаха⁹.

¹ Прыжов И.Г. История кабаков в России в связи с историей русского народа. 2-е изд. Казань, 1914. С. 10.

² Афанасьев А.Л. Иван Прыжов: история пьянства и трезвости в России // Общественные науки и современность. 1997. № 3. С. 88.

³ Там же. С. 89 (сноска от ред.).

⁴ См.: Соболевский А.И. Два русских поучения с именем Григория // Известия Отделения русского языка и словесности Императорской Академии наук. Т. XII, кн. 1. СПб., 1907. 482 с.

⁵ Поучение Григория, епископа белгородского // Изборник: Повести Древней Руси / Сост. и примеч. Л. Дмитриева и Н. Поньрко; Вступит. ст. Д. Лихачева. М.: Худож. лит., 1986. 447 с. С. 106.

⁶ См. также: Пигин А.В. Демонологические сказания в русской рукописной книжности XIV—XX вв. (Повесть о бесе Зерефере; Повесть о видении Антония Галичанина; Повесть Никодима типикариси Соловецкого о некоем иноке; Повесть о бесноватой жене Соломонии): Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. СПб., 1999. 28 с.

⁷ Поучение Григория, епископа белгородского... С. 106.

⁸ См.: Полянский С.М. Указ. соч. С. 99.

⁹ См.: Рыбаков Б.А. Древняя Русь: Сказания, былины, летописи. М., 1963. С. 268.

В этих посланиях философствующий митрополит развивает представление об антропоморфной модели государства, проводя аналогии с человеческим организмом, где роль души отводилась князю: «Как ты, князь, сидя здесь, в своей стране, действуешь по всей земле через своих воевод и слуг, сам являясь господином и князем, так же и душа по всему телу действует пятью слугами своими, то есть пятью чувствами»¹. Подобные аналогии применялись в общественных науках и многие столетия спустя: вспомним, например, понятие «единый хозяйственный организм», актуализированное академиком АН СССР Н.Н. Некрасовым², или детальное сравнение системы управления фирмой с мозгом, проведенное С. Биром³, а также современное понятие «души предприятия»⁴.

Никифор прямо и конкретно обосновывал божественную природу великокняжеской власти, в отличие от своего предшественника Илариона, в «Слове о законе и благодати» которого «нигде прямо не дается определение земной власти как божественной по происхождению»⁵. Эта идея была привнесена на Русь из византийской политической мысли⁶, но воспринять ее было довольно трудно в условиях удельной системы и жесткой конкуренции князей за престижные «столы» с использованием любых возможных средств. Случай и насилие выступали основными факторами обретения княжеского стола, поэтому избрание Божье могло быть неправильно истолковано «в виде конкретной силы, действующей в ряду других факторов, создающих власть»⁷.

Однако, по мысли митрополита Никифора, «подобает князьям, как избранным Богом и призванным Им на правую веру Его, хорошо понимать слова Христовы и твердую церковную основу... Един ведь Бог царствует над небесными [силами]. Вам же [князьям] дано с его помощью царствовать над земными... из рода в род»⁸. Гармония институций княжества и священства (которое Никифор относит под покровительство князя, именуя его «царское священство»)⁹ понималась как основа устойчивого развития Киевского государства, а ее обоснование подготавливало почву для введения в XIII в. богослужебного чина интронизации русских князей, которые изначально не испытывали потребности в церковном освящении своей власти. Митрополит развивал свою мысль следующим образом: «...руки твои, по Божьей благодати, ко всем простираются и никогда не было спрятано сокровище, никогда ты не считал ни золота, ни серебра, но все раздавая, черпал обеими руками и доселе. Но казна твоя, по Божьей благодати, неоскудеваема и неистощима, раздаваема и неисчерпаема»¹⁰. Так ненавязчиво утверждалась идеальная модель поведения великого князя.

В «Послании о посте и воздержании чувств» также нашла отражение институция церковного заступничества, осуществлявшаяся митрополитами и игуменами, свя-

¹ Послание Никифора, митрополита Киевского, к великому князю Владимиру, сыну Всеволода, сына Ярослава // *Послания Митрополита Никифора...* С. 78.

² См.: *Некрасов Н.* Единый хозяйственный организм // *Наука и жизнь.* 1978. № 1. С. 2.

³ См.: *Бир С.* Мозг фирмы. 2-е изд. М.: Едиториал УРСС, 2005. 416 с.

⁴ См.: *Клейнер Г.Б.* Роль предприятия в современной экономике // *Институциональная экономика: Учеб. пособие / Под рук. акад. Д.С. Львова.* М.: ИНФРА-М, 2001. 318 с. С. 146.

⁵ *Полянский С.М.* Указ. соч. С. 106.

⁶ См. также: *Чичуров И.С.* Политическая идеология Средневековья: Византия и Русь. М.: Наука, 1990.

⁷ *Полянский С.М.* Указ. соч. С. 106.

⁸ Послание Никифора, митрополита Киевского, к великому князю Владимиру, сыну Всеволода, сына Ярослава. С. 107.

⁹ Там же. С. 76.

¹⁰ Там же. С. 79.

занная со «смягчением сердца» князя: «Подумай..., князь мой, поразмысли о тех, кто был изгнан тобой, об осужденных тобой на наказание, об отвергнутых. Вспомни о тех, кто кого оговорил и кто кого оклеветал. И сам как судья рассуди их... и отпусти, да и тебе отпустится, и отдай, да и тебе отдастся»¹. Образно и деликатно Никифор указывал Владимиру Мономаху на вред институции наушничества, состоящей в распространении слухов и, видимо, практиковавшейся в ближнем окружении князя: «Поэтому следует верить единственно глазам, слуху же не верить, ни не верить, но подвергнуть испытанию и неоднократному рассуждению... слышимое»². Поскольку достоверность получаемой таким способом информации была крайне низкой, митрополит советовал осуществлять ее фильтрацию и проверку, «избегая существующих здесь слухов»³.

Рассуждение о пользе постничества и осуждение латинства представляет собой «написание на латыню к Ярославу о ересях», обращенное Волынскому и Муромскому князю Ярославу Святославичу, но существовавшее в списках также без указания адресата (в этой связи его подчас именуют «Посланием о латинах к неизвестному князю»). В этом произведении митрополит Никифор, напомним, грек по происхождению, «продолжает традицию древнерусской антилатинской полемики, начатой “Написанием” митрополита Ефрема»⁴. Обосновывая причины, по которым «имеют же проклятельство латина», он особо отмечал разницу между институциями епископства и святительства, с одной стороны, и воинства — с другой: «...в время брани вьюют епископи их и с простыми людьми; не ведают бо, которое деяло епископство и святительство, которое ли воинское»⁵. Поэтому «нам же, православным Христианом, не достоин с ними ни ясти, ни пити, ни целовати их» за исключением вынужденных ситуаций («аще случится православным с ними ясти по нужди»). Обличение латинства (католицизма) как институции, конкурентной православному христианству, преследовало задачи недопущения дезинтеграции древнерусского общества и укрепления великокняжеской власти.

В целом митрополит Киевский Никифор «не стал безусловным проводником мировоззренческих и политических идей Византии, как принято думать о греческих митрополитах на Руси. Он сам оказался под влиянием новой для него социально-политической и этнокультурной среды и был способен проникнуться ее идеями и проблемами. Перенесенные на русскую почву созданные византийской культурой духовные ценности... подвергались на Руси глубокой трансформации, начинали как бы новую жизнь, приобретали совсем иные черты под воздействием национальных творческих начал»⁶. Хотя послания Никифора по содержанию не являются сугубо экономическими, в них затрагивались многие философские проблемы взаимодействия государственной и церковной властей, а также оценивалось общественное значение различных институций. Исходно византийские идеи грека-митрополита оказали существенное влияние на патриотические сочинения князя Владимира Мономаха.

В этом контексте уместно напомнить о литературном наследии этого выдающегося князя — трех произведениях, написанных им в престарелом возрасте и объединяемых исследователями под общим названием «Поучение». Одна из его частей, собственно «Поучение», появилось в период 1117—1125 гг. и было написано в жанре на-

¹ Послание Никифора, митрополита Киевского... С. 80.

² Там же. С. 79.

³ Там же. С. 81.

⁴ Полянский С.М. Указ. соч. С. 100.

⁵ Послание митрополита Никифора о латинах к неизвестному князю. (См.: <http://kds.eparhia.ru/bibliot/makariv/nikifora/> [Электронная библиотека Казанской духовной семинарии РПЦ].)

⁶ Полянский С.М. Указ. соч. С. 108.

ставления сыновьям о принципах управления государством и нормах поведения князя как социального персонажа. Руководство княжеством рассматривается как каждодневный тяжелый труд, поэтому лень является главной причиной неэффективного управления, военных неудач и недовольства подданных: «Бога ради, — восклицает Владимир Мономах, — не ленитесь, молю вас, ...ни затворничеством, ни монашеством, ни голоданием, которые иные добродетельные претерпевают, но малым делом можно получить милость Божию»¹. При этом физический и умственный труд князя не противопоставляются, а взаимно дополняют друг друга: это отражало реальный уровень специализации высших лиц государства на данном этапе. Особая роль придавалась знаниям, что было адекватным следствием развития книжной культуры на Руси.

Как отмечают исследователи, «Поучение» Владимира Мономаха во многом созвучно идеям «Изборника» 1076 г., не имеющего прямых аналогов в древнерусской книжности и отличавшегося «вольной редакцией авторитетных греческих текстов», выразившей «собственные религиозно-нравственные предпочтения»². «Изборник» фактически представлял собой руководство к жизни, основанной на единстве с базовыми моральными принципами православного вероучения. При всей сходности этих двух текстов, у «Поучения» есть существенная особенность, ведь его «установки на соблюдение благочестия тесно переплетены с хозяйственно-бытовыми рекомендациями, из чего следует, что автор в большей мере руководствовался практицизмом, чем набожностью»³, то есть, не отказываясь от религиозной рациональности, приоритет отдавал рациональности хозяйственной.

Для «Поучения» характерно, что «законность практически отождествляется со справедливостью, ибо предполагается равная ответственность “малых” и “больших” людей. В этом нельзя не видеть стремления к гармонизации общественных отношений, выразившейся, по крайней мере, в равноправии всех перед законом»⁴. Идея гармонизации была характерна и для практических действий Владимира Мономаха, выразившись в его политике, направленной на поиск «точки равновесия» интересов князей в целях сохранения единства Русского государства.

Одним из крупнейших древнерусских писателей и церковных деятелей XII в. был святитель Кирилл Туровский (1130-е гг. — до 1182 г.), богословские сочинения которого не только имели широкую известность, но и наряду с творениями Отцов Церкви включались в состав многочисленных сборников. В творческое наследие епископа Туровского входят обличительные и поучительные «слова», притчи, письма к князю Андрею Боголюбскому и др.

В своих трудах мыслитель демонстрирует зрелую концепцию роли Православной церкви в жизни государства. В отличие от Илариона и Климента Смолятича, он обосновывал приоритет Церкви в крещении Руси, характеризовал ее как материнское начало общественного бытия, тогда как ранее основной акцент делался на фигуре великого князя. Подобно Феодосию Печерскому и многим другим иерархам своего времени, он ревностно оберегал единство Церкви и непримиримо обличал инакомыслие и ереси, в частности, подверг критике не до конца изжитое на Руси арианство.

«Повесть о слепце и хромце», написанная после 1169 г., трактуется исследователями как памфлетическое произведение, посвященное конфликту Андрея Боголюбского (в сочинении он выведен в образе «хромца», что намекало на его реальный фи-

¹ Поучение Владимира Мономаха // Изборник: Повести Древней Руси... С. 61.

² Послания Митрополита Никифора... С. 34.

³ Там же. С. 36.

⁴ Там же.

зический недостаток) и митрополита Киевского Константина по поводу поставленного князем русского епископа Феодора («слепца») вместо греческого, в результате чего потребовалось вмешательство Константинопольского патриарха, а «лжеепископ Феодорец» был отстранен и казнен. Кирилл Туровский посвятил немало сил гневному обличению незаконного епископа, «окунувшись» в круговорот церковно-политической борьбы. Будучи приверженцем наиболее суровых институциональных форм монашества (затворничества и столпничества), он широко рассматривал аскетические нормы «печерской идеологии» как эталонные не только для «мнихов» и князей, но и для всех членов общества. Естественно, что в вопросах познания и монастырского быта епископ был убежденным консерватором и противником «своевольства», любого сомнения в социальных и церковных устоях.

Уже первые древнерусские писатели с негодованием говорили о социальном неравенстве, о высочайшей дифференциации хозяйственных субъектов по размерам имущества и уровню дохода, о произволе богачей и полном бесправии неимущих. Так, в «Слове Даниила Заточника» (XII в.) читаем: «Зане, господине, богат мужь везде знаем есть и на чюжей стране друзи держить; а убог во своей ненавидим ходить. Богат возглаголеть — вси молчат и вознесут слово его до облак; а убогий возглаголеть — вси на нь кликнуть (все на него закричат. — *Авт.*). Их же (чьи же. — *Авт.*) ризы светлы, тех речь честна»¹.

Таковы были социальные последствия активно разворачивавшегося в пространственно-временном континууме древнерусского общества процесса классообразования, замечательную характеристику которому дал выдающийся советский историк Б.А. Романов: «В сложном и извилистом ходе этого процесса, завязывающего и рвущего узлы в жизни “людей”, есть своя не только продольная (во времени), но и, так сказать, поперечная динамика, мятущая этих людей как в географическом, так и в социальном пространстве — пока-то их прочно прибьет к тому или иному берегу, общественному стандарту»².

Бедность характеризует столь низкий размер дохода, имущества и капитала человека, который достаточен лишь для его поддержания в простом статусе, то есть на пределе выживания или в непосредственной близости к нему. За границей бедности «разверзается пропасть» нищеты, когда субъект не может обеспечить даже удовлетворения своих базовых потребностей, что ведет к постепенной утрате им социальной определенности³. Бедность и нищета — определенные социальные «состояния», статусы, за которыми стоят соответствующие институты, бедство и нищенство. Поэтому саму постановку Д. Заточником проблемы бедности и имущественного неравенства следует рассматривать как начало важного направления институциональных исследований.

Автор «Слова» не был сторонником денежного богатства. Он полагал богатым то государство, в котором имеется многочисленное мужское население и в котором, по современной терминологии, обеспечивается устойчиво-расширенное воспроизводство агентской базы институции воинства. В своем «Слове» Д. Заточник приводил библейский рассказ о том, как иудейский царь Иезекииль («Езекий царь») хвастался перед послами царя вавилонского, «показаща им множество злата и сребра», на что

¹ Слово Даниила Заточника / С предисл. и примеч. И.А. Шляпкина. СПб., 1889. (Изд. ОЛДР. Вып. LXXXI). С. 9.

² Романов Б.А. Люди и нравы древней Руси: Историко-бытовые очерки. М.: Территория, 2002. 256 с. С. 18.

³ См.: Иниаков О.В., Фролов Д.П. «Простые люди» и индикаторы развития // Экономист. 2006. № 11; Они же. Простой человек в социальном пространстве современной России // Личность. Культура. Общество. 2006. Т. 8, вып. 2.

получил ответ: «...наш царь богаче тебя не множеством злата, но множеством вой (войска. — *Авт.*): занеже мужи злато добудут, а златом людей не добыти»¹. И еще: «Паволока бо испестрена многими шолкы и красно лице являеть; тако и ты, княже, многими людми честен и славен по всем странам»². Как видим, приоритет отдавался человеческому компоненту государственного богатства, который рассматривался на этом этапе развития общественно-экономической мысли исключительно в количественном аспекте. Люди трактовались лишь как равнозначные исполнители определенных, социально закрепленных за ними функций — «воинников», «ратаев» (крестьян) и др., — то есть как масса, лишенная индивидуальности. Последняя характеристика могла быть присуща лишь князю и высокопоставленным начальникам (его помощникам и воеводам), но не «простым людям».

В то же время направленность идей автора «Слова» можно понимать как осознание (пока еще в неявной форме) необходимости переориентации с накопления казны на осуществление князем функции поддержки низших слоев населения. Так, Д. Заточник призывал князя к милосердию и подаянию: «Да не будет, княже мой, господине, рука твоя согбена (сжата. — *Авт.*) на подание убогих: ни чашею бо моря расчерпати, ни нашим иманием (нашими просьбами. — *Авт.*) твоего дому истощити. Яко же бо невод не удержит воды, точию едины рыбы (а только рыб. — *Авт.*), тако и ты, княже, не въздержи злата, ни сребра, но раздавай людем»³. Конечно, раздачи в формах подаяния и милостыни не были процессами постоянными и планомерными, не могли охватить всех нуждавшихся субъектов. Тем более что эффекты безвозмездной помощи далеко не всегда позитивны, что позволило Д. Заточнику, ставя себя мысленно на место князя, воскликнуть: «...да не буду как мех дырявый, роняя богатство в руки неимущих; да не уподоблюсь жерновам, ибо те многих людей насыщают, а сами себя не могут насытить житом»⁴.

Однако лишь в форме раздач на рубеже XII—XIII вв., да и в более поздние исторические периоды, осуществлялась поддержка социальных «низов», поскольку система институтов обеспечения условий их индивидуального простого воспроизводства отсутствовала. Находившаяся в процессе становления отечественная налоговая система, «скользившая по грани» бытия и небытия в противоречивом единстве случайности и постепенности, рациональности и неопределенности, была ориентирована на объединение и аккумуляцию усилий и возможностей для противостояния еще слабого государства внешним силам и укрепления его внутренней структуры. В системе функций налогообложения на этом этапе не было места социальному компоненту, хотя его более позднее включение уже готовилось наличием интегрирующей функции, скреплявшей единую общность русского народа посредством институциональной структуризации и стратификации.

В соответствии с господствующей тенденцией времени укрепление институции княжества Д. Заточник противопоставлял боярскому сепаратизму. Служение одному князю, конечно, значительно расширяло горизонты планирования хозяйственных акторов, снижало уровень транзакционных издержек, который в условиях высокой вероятности грабежей и произвола со стороны вотчинников был почти запретительным для осуществления эффективного производства. Поэтому в «Слове» говорилось, что «лучше бы ми в дерюзе служити тебе, нежели в багрянице в боярстем дворе»⁵, «дуб

¹ Слово Даниила Заточника... С. 15.

² Моление Даниила Заточника // Древнерусская притча / Сост. Н.И. Прокофьева, Л.И. Алехиной. М.: Сов. Россия, 1991. 528 с. С. 371.

³ Там же. С. 374.

⁴ Там же.

⁵ Слово Даниила Заточника... С. 43. См. также: *Мордухович Л.М.* Указ. соч. С. 75—76.

крепок множеством кореня; тако и град нашъ твоею (княжеской. — *Авт.*) дръжавою»¹, то есть властью.

Существует два дошедших до нас произведения Д. Заточника, известных как «Слово» и «Моление». Д.С. Лихачев предлагал рассматривать их как цельный текст, учитывая при этом как наличие многочисленных поздних редакций, так и существование протографа данного произведения. Судя по тексту «Моления», его автор находился в критическом имущественном положении. По этой причине он и обращался к князю северного Переяславля, получившего позднее титул Залесского, Ярославу Владимировичу с низжайшей просьбой, мольбой о помощи и поддержке в трудную минуту, предлагая ему свои услуги советника и подкрепляя свои доводы ссылками на Священное Писание, грамотно и умело используя исторические аналогии с выдающимися правителями Руси: «...так и аз всем обидим есмь, зане огражен есмь страхом грозы твоеа, яко плодом (оплотом. — *Авт.*) твердым»².

Лидерские качества князя, его решительность и целеустремленность, инициативность и восприимчивость к новым идеям являлись, согласно Д. Заточнику, определяющим моментом силы государства, его военной эффективности и благополучия подданных: «Дивиа (славно. — *Авт.*) за буяном кони паствити, тако и за добрым князем воевати. Многажды безнарядием полци погибають. Видих: велик зверь, а главы не имеет, тако и многи полки без добра князя»³. Степень княжеской щедрости в задаче произведенного и аккумулированного в казне продукта автор «Слова» и «Моления» признавал важнейшим фактором укрепления институций власти, интеграции лучших социальных сил вокруг правителя: «Зане князь щедр — отець есть слугам многим: мнозии бо оставяють отца и матерь, к нему прибегают. Доброму бо господину служба, дослужится слободы (свободы. — *Авт.*), а злу господину служба, дослужится болшей роботы (рабства. — *Авт.*)»⁴.

Согласно О.Э. Бессоновой, такой порядок можно считать вполне адекватным нормам, относящимся к завершению периода «общинного раздатка», который она хронологически связывает с концом IX — началом XIII в. Институциональный механизм «раздаточного хозяйства» основан на аккумуляции земельных владений и предметов потребления в руках представителей княжеской и отчасти общинной власти с последующим распределением согласно социальному статусу акторов⁵.

Во всех негативных для народа эффектах княжеского правления Д. Заточник упрекал его слуг, из чего делал для себя следующий вывод: «Не имей собе двора близ царева двора и не дръжи села близ княжа села: тивун (тиун. — *Авт.*) бо его аки огонь трепетицею накладен (как огонь, на осине разоженный. — *Авт.*), и рядовичи его, аки искры. Аще от огня устережешися, но от искор не можеши устречися (уберечься. — *Авт.*) и сождения порт (одежды. — *Авт.*)»⁶. Тиунами назывались княжеские и боярские слуги, выполнявшие функции управления домашним хозяйством, а рядовичами — люди, находившиеся в служении у князя по специальному договору («ряду»). Исследователи отмечают близость социального статуса рядовичей и закупов.

Подчеркивая важную роль княжеских советников («думцев»), автор маркировал их действия сугубо отрицательно. Дисфункциональный характер деятельности агентов этого социального типа был связан с высокой долей среди них «случайных» людей, не обладавших необходимыми для осуществления своей институции способностями,

¹ Моление Даниила Заточника... С. 371.

² Там же.

³ Там же.

⁴ Там же.

⁵ См.: Бессонова О.Э. Указ. соч. С. 91–98.

⁶ Моление Даниила Заточника... С. 371–372.

прежде всего связанными с дальновидным обоснованием княжеских решений: «Господине мой! То не море топить корабли, но ветри; не огонь творить ражежение железу, но надымание мешное (поддувание мехами. — *Авт.*); тако же и князь не сам впадаеть въ вещь (в ошибку. — *Авт.*), но думци вводить. З добрым бо думцею думая, князь высока стола добудеть, а с лихим думцею думая, меншего лишен будеть»¹.

В приведенных строках наблюдается ставшая традиционной для рассматриваемого периода переориентация в поиске врагов князя извне внутрь государства, в ближнем княжеском окружении. Внутренние враги представлялись даже более опасными, так как их оппортунистические действия не ожидаемы заранее. Образно говоря, «дурные советники» и прочие «ласкатели» сражают не со спины, а изнутри, поэтому доверие к ним князя — это, по сути, потенциальный суицид с его стороны. Отсюда можно понять логику Н. Макиавелли, полагавшего, что судить об уме правителя следует по тому, каковы его советники и помощники².

Чем больше под княжеской рукой находилось действительно мудрых «думцев», вырабатывавших планы и проекты практических решений, тем более эффективной становилась деятельность князя. Наиболее рациональной, с точки зрения Д. Заточника, была политика жалования и поддержки «нищих мудрых» (умных, но бедных), поскольку они становились наиболее преданными слугами князя в противовес боярам, жаждавших личного обогащения и преследовавших своекорыстные планы: «Господине мой! Не лиши хлеба нища мудра, ни вознесе до облак богата несмыслена. Нищъ бо мудр, аки злато в кални судни (в грязном сосуде. — *Авт.*); а богат красен и не смыслить, то аки паволочито изголовие (шелковая подушка. — *Авт.*) соломы наткано»³. Для актора с низким социальным и имущественным статусом покровительство со стороны могущественного принцепала является важным фактором закрепления приверженности ему, что существенно снижает риск оппортунистического поведения. Возможности продвижения «простого человека», каким был и Д. Заточник, по социальной лестнице связаны не столько с его возможно незаурядными способностями, сколько с патронажем. Поэтому среди представителей «низов общества» широко распространена стратегия поиска принцепала с последующим «втягиванием» в его институциональную «орбиту».

Д. Заточник приводил ряд доводов, обосновывая полезность мудрых советников для княжеской власти: «Мужа бо мудра посылай и мало ему кажи (объясняй. — *Авт.*), а безумнаго посылай, и сам не ленися по нем ити (вслед идти. — *Авт.*). Очи бо мудрых желают благых, а безумнаго дому пира. Лепше слышати прение умных, нижели наказаниа (совета. — *Авт.*) безумных... ни мертвеца росмешити, ни безумнаго наказати (научить. — *Авт.*)»⁴. Он не считал молодость непреодолимым барьером для обретения мудрости, говоря о себе: «...юн возраст имею, а стар смысл во мне». С этим можно согласиться, ведь мудрость состоит в уяснении объективного взгляда на вещи, что слабо связано с возрастом, а, скорее, с событийной напряженностью индивидуальной жизни и навыками ее реалистичного осмысления. В среднем, конечно, опыт приходит с возрастом, поскольку человек Древней Руси так же, как и современные люди, в процессе развития по своему жизненному циклу последовательно преодолевал ряд исторически сложившихся и типичных институциональных этапов (обучение в рамках семьи, помощь по хозяйству, брак, хождение на рать, рождение детей, потеря близких и т.д.), позволявших ему накапливать полезные рутины общежития и знания о нем.

¹ Моление Даниила Заточника... С. 372.

² См.: *Макиавелли Н.* Государь: Сочинения. М.: ЭКСМО-Пресс, 1998. 656 с.

³ Моление Даниила Заточника... С. 372.

⁴ Там же.

Но мудрость — отнюдь не прямой результат опыта (такова опытность), хотя часто она выступает его производной, опосредованной способностью делать объективные выводы из ранее осуществленных действий и наблюдений.

В «Молении» затрагивалась важная микрохозяйственная проблема — оптимизация институциональных отношений в семье. Автор уделял им не меньшее внимание, чем восхвалению добросердечия и милостивости князя, фактически понимая семью как «становый» институт общества, его основную «ячейку». Для него неприемлемым являлся брак по расчету. В описываемый исторический период красота жены представляла собой важный атрибут социального статуса ее мужа, отражая его материальные возможности, поскольку решение о свадьбе принималось главой семьи невесты после процедуры торга (сватовства). Обратный механизм еще не был развит в силу угнетенного статуса женщин, поэтому для Д. Заточника было «дивней дивного, кто в жены возьмет уродину прибытка ради»¹. В условиях капиталистического общества, напротив, на брак «смотрят как на средство обогащения и создания наследников богатства. Мужчины преследуют богатых женщин, а последние — богатых мужчин, которые им могут дать роскошь и пустую жизнь. Главное основание сегодняшнего брака — богатство, капитал, а все прежние основания исчезли»², хотя и не окончательно.

В рассматриваемый исторический период производство базировалось на физическом труде, относительно слабо дополнявшемся техническими приспособлениями. Подавляющее большинство технологий, в том числе социальных, были трудоемкими: например, внеэкономическое, силовое принуждение составляло основу механизма власти. Что могли противопоставить женщины мужчинам в условиях господства физической силы? Ровным счетом ничего. Поэтому женщина выступала живым индикатором статуса своего мужчины (мужа) и, соответственно, его имущества и дохода. Но если в капиталистических обществах, как указывал Т. Веблен, «обязанностью женщины стало потреблять подставным образом за главу семейства»³, то на Руси XII столетия одной из основных функций женщины, наряду с деторождением, являлась индикация статуса мужа своей красотой.

Не менее важными функциями жены были поддержание согласия в семье и повседневное ведение домашнего хозяйства. Плохая жена, следуя ходу мысли автора «Моления», подрывает изнутри крепость семьи, а деструкция этого института отрицательно сказывается на мощи всего княжества. Прямая аналогия внутреннего семейного порядка с государственным будет проведена позднее, в XVI в., и закреплена в нормах «Домостроя». Исходя из столь широкого «княжеско-хозяйственного» контекста, не следует удивляться гневным словам Д. Заточника о плохих женах: «Что есть жена зла? Гостинница неуповаема, кощунница бесовская. Что есть жена зла? Мирский мятежь, ослепление уму, поборница греху, засада от спасения... Добра жена венец мужу своему и безпечалие; а зла жена лютая печаль, *истощение дому*. Червь древо глтит, а зла жена *дом мужа своего теряет* (курсив наш. — Авт.)»⁴. Оппортунизм со стороны жены отрицательно сказывался, прежде всего, на эффективности институции домоводства. Измена жены сопоставлялась Д. Заточником с воровством мужа и фактически рассматривалась как проявление дисфункции семейной организации: «Девушка бо погубляет красу свою бляднею, а мужь свое мужество татбою»⁵.

¹ Слово Даниила Заточника, написанное им своему князю Ярославу Владимировичу // Изборник: Повести Древней Руси... С. 103.

² Пол, брак, семья / Под ред. П. Попхристова, Т. Бостанджиева, А. Бонева. София: Медицина и физкультура, 1977. 300 с. С. 250.

³ Веблен Т. Теория праздного класса. М.: Прогресс, 1984. 367 с. С. 193.

⁴ Моление Даниила Заточника... С. 373.

⁵ Там же. С. 372.

Обратим внимание, насколько четко в древнерусском языке отражалась специфика институциональных явлений. Так, в приведенной цитате «блядня» и «татба» обозначают единичное или случайное осуществление этих негативно маркируемых общественным действием, тогда как их социальная типизация в качестве особых функций и устойчивое закрепление за определенными субъектами с последующим постоянным осуществлением, формирующим специфические модели поведения и образы жизни, обозначаются в русском языке при помощи базовой для называния институций константы¹, форманта *-ство*, как «блядство» и «татство».

Слабость мужа проявлялась и в фетишизации красоты жены, становлении ее рабом и данником, поэтому «аще который муж смотреть на красоту жены своеа и на я, и ласковая словеса и льстива, а дел ее не испытаеть, то даи Бог ему трясицею (лихорадкой. — *Авт.*) болети, да будет проклят»². Выражаясь современными терминами институциональной теории, в структурно-функциональных рамках семьи происходит непрерывный поиск компромисса интересов ее членов, один из которых может явно или латентно узурпировать власть, эволюционно закрепившись в статусе принципала и манипулируя своим агентом в личных интересах без адекватного возмещения его усилий. Тем самым провоцируется накопление институциональных противоречий в семье и повышение внутренней напряженности, выражающееся в перманентных конфликтах, что снижает ее социальную эффективность как микрохозяйственного института. Поэтому Д. Заточник увещевал мужей и жен о необходимости соблюдения взаимного статусного паритета, заложенного в традициях семейной жизни, ссылаясь при этом на заветы апостола Павла: «Послушь, жены, слова Павла апостола, глаголюща: крест есть глава церкви, а мужь — жене своей. Жены же у церкви стойте молящися Богу и святей Богородици; а чему ся хотите учить, да учитесь дома у своих мужей. А вы, мужи, по закону водите (храните. — *Авт.*) жены свои, понеже не борзо (нелегко. — *Авт.*) обрести добры жены»³.

Д. Заточник неявно рассматривал семью как основной институт общества, обеспечивающий осуществление институций домохозяйства и домоводства, на которых базируются благополучение и богатство всего княжества. Распространенная точка зрения об институциональном подобии семьи и государства впоследствии многократно подвергалась критике. Уже Ж.-Ж. Руссо считал, что даже «если бы между Государством и семьею и существовало такое сходство, как это утверждают многие авторы, то даже из этого не следовало бы еще, что *правила поведения*, принятые в одном из этих двух обществ, были бы приемлемы в другом (курсив наш. — *Авт.*)»⁴. Речь шла о существенных различиях институциональных механизмов на микро- и макроуровнях⁵.

Сложно определить, к какому сословию принадлежал Д. Заточник, интересы каких социальных групп он пытался отстаивать — дворян, дружинников, холопов или вообще образованных маргиналов. Это тем более трудно сделать, что его образ во многом стал собирательным, «впитав» поздние редакции и доработки, которые не изменили, однако, стили и идейной направленности созданных им произведений. По-

¹ См. также: Степанов Ю.С. Константы: Словарь русской культуры. Опыт исследования. М.: Школа, Языки русской культуры, 1997. 824 с.

² Моление Даниила Заточника... С. 372.

³ Там же. С. 373.

⁴ Руссо Ж.-Ж. Об общественном договоре: Трактаты. М.: КАНОН-пресс: Кучково поле, 1998. 416 с. С. 153.

⁵ См. также: Иншаков О.В., Лебедева Н.Н. Типология и классификация институциональных механизмов // Экономика развития региона: проблемы, поиски, перспективы: Ежегод. Вып. 1. Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2002.

нятно, что социальный статус автора был невысоким. Д.С. Лихачев относил его к типичным княжеским «милостникам», характерным для социального строя Владимиро-Суздальской земли и, условно говоря, «вербовавшимся» из разных слоев и категорий имущественно и институционально зависимых людей.

Именно на таких «милостников», дворовых княжеских холопов, начали распространяться права, ранее принадлежавшие исключительно дружинникам князя: «Однако, в отличие от дружинников, дворня, или дворяне, не могли считаться ровней князю. Он был для них господином, а не товарищем»¹, то есть принципалом. В отношениях князя и его агентов-«милостников» формировались предпосылки деспотической монархии, начавшей складываться в Северо-Восточной Руси уже во второй половине XII в. и принципиально отличавшейся от западноевропейской модели отношений вассалов и сюзеренов.

В изумительно оригинальном и самобытном тексте «Моления» уникально сочетаются панегирик и скрытая ирония в отношении князя, очевидная серьезность и балагурство. Глубокий, критичный и насмешливо-мудрый взгляд на общественное устройство Древней Руси в произведениях Д. Заточника до сих пор ставит в недоумение многих исследователей. И в его осмыслении ставить точку еще рано.

Итак, ключевой тенденцией древнерусской книжной мысли XI—XII вв. стало обоснование институционального подобия Киевской Руси и Византии, в частности, Киев сравнивался с Константинополем, проводились параллели между их главными храмами. Поскольку все более актуализировалась идея «translatio imperia»², функции византийских императоров стали переноситься на Киевских князей: так, князь Владимир часто уподоблялся императору Константину. Однако в сочинениях мыслителей этого периода все сильнее выражалось происходившее повышение национального самосознания, обретшее в XIV—XV столетиях идеологическую форму концепции Святой Руси.

Сочинения носили в основном теологический характер, основное внимание уделялось обоснованию статуса Православия и места Руси в системе христианских государств, вопросам взаимодействия княжества и священства, обсуждению проблем монастырских порядков и осуждению еретических «уклонений». Вместе с тем были поставлены и более широкие проблемы имущественного «расслоения» и необходимости княжеской помощи бедным. Кроме того, в текстах данного периода косвенно затрагивались институциональные проблемы межкняжеских отношений и конфликтов, относящиеся к макроуровню институциональной системы хозяйства и ставшие причиной очередного поворотного этапа российской истории.

§ 5. Русь Средневековая: от удельной раздробленности и монгольского владычества — к образованию централизованного государства

Вернемся к реальным институциональным процессам, происходившим на Руси в XI — первой половине XV в. и во многом определивших специфику институциональных идей в рассматриваемую эпоху. Ближе к 1015 г. князь Владимир Мономах столкнулся с острой проблемой управления подвластными территориями. Удержание авторитета и порядка одновременно в разных частях экономического пространства требовало создания эффективной институциональной системы управления. Использование стратегии немедленного реагирования с отправлением воевод для усмирения восставших земель было связано с риском оппортунизма этих княжеских агентов, ведь «воево-

---

¹ Павленко Н.И., Андреев И.Л., Федоров В.А. Указ. соч. С. 65.

² См.: Чумакова Т.В. Указ. соч. С. 12.

да мог оказаться претендентом на местный княжеский стол и отколоться вместе с теми подданными, которые ему сочувствовали. Поэтому при Владимире создалась, а позже, при Ярославе, окрепла, система раздачи уделов ближайшим родственникам, как правило сыновьям»¹. Родилась идея совокупного владения родом Рюриковичей и никем другим Русской землей, последовательно проводившаяся киевскими летописцами.

После смерти князя Ярослава Мудрого в 1054 г. начались княжеские междоусобицы, комплексно проявились тенденции разобщенности русских городов и территорий. В немалой степени этому способствовало увеличение экономической самостоятельности таких городов, как Новгород, Полоцк, и появление новых «точек хозяйственного развития» (Галич, Владимир-на-Клязьме и др.), которые были центрами княжеских земель. Их возрастающее экономическое обособление выразилось в тенденциях утверждения самодостаточности, закрепления политической суверенности и преследования исключительно локальных интересов. Безусловно, раздробленность не возникла дискретно в XI в., а стала результатом эволюционной концентрации и взаимного усиления целого ряда исторических событий и тенденций².

Во-первых, «не было установленного порядка перехода Киева и меньших городов с волостями из рук в руки по смерти их властителей», в результате чего «князья были склонны приобретать собственническое чувство по отношению к попадавшим под их власть областям»³, а временно осуществлявшаяся функция владения закреплялась за ними в качестве постоянной.

Во-вторых, проявились долгосрочные негативные эффекты политически не обдуманного импульсивного решения князя Святослава о разрушении столицы Хазарского каганата (965 г.), стратегически важного форпоста на пути враждебных тюркских племен, которые быстро (в масштабах исторического времени) наводнили Причерноморские степи, повысив транзакционные издержки торговли с Византией и обусловив ее упадок.

На фоне активизировавшейся дезинтеграции русских княжеств было произведено институциональное закрепление реально сложившегося обособления в развитии структуры отношений собственности: в 1097 г. собрался Съезд русских князей в Любече, принявший решение о наследовании земель своих отцов и о независимости владений⁴. Вот как в Лаврентьевской летописи сжато описан итог этого съезда: князья «сняшася Любячи на устроенье мира, и глаголаша к собе, рекуще: “почто губим Русскую землю, сами на ся котору деюще? А Половци землю нашу несут розно, и ради суть, оже между нами рати; да ныне отселе имеемся по едино сердце, и блюдем Русские земли, кождо да держит отчину свою...”»⁵. Так, центробежные силы в русском хозяйственном пространстве получили дополнительный институциональный импульс, усиленный решениями последующих княжеских съездов (1100, 1101, 1103 и 1110 гг.), заложивших «юридические основы существования суверенных государств на территории бывшей единой Киевской Руси»⁶.

¹ Гумилев Л.Н. Указ. соч. С. 60.

² См.: Пауто В.Т. Очерки по истории Галицко-Волынской Руси / АН СССР. Ин-т истории. М.: Изд-во АН СССР, 1950. 327 с.; Черепнин Л.В. Пути и формы политического развития русских земель XII—XIII вв. // Польша и Русь. М., 1974; Дворниченко А.Ю. Русские земли Великого княжества Литовского (до начала XVI в.). СПб., 1993.

³ Пайнс Р. Указ. соч. С. 54.

⁴ См.: История Отечества: Энцикл. слов. / Сост. Б.Ю. Иванов, В.М. Карев, Е.И. Кускина и др. М.: Большая Российская энциклопедия, 1999. 656 с. С. 10.

⁵ Лаврентьевская летопись // Полное собрание русских летописей, изданных Археологической комиссией. Т. I. Вып. 1—3. Изд. 2-е. Л., 1926—1928. Стб. 256—257.

⁶ Данилевский И.Н. Указ. соч. С. 159.

Резко повышавшаяся в каждом удельном княжестве институциональная нагрузка, сочетаясь с их разобщенностью и негативно дополняясь неоднородностью хозяйственного пространства, усиливала внутренние и внешние противоречия, что привело к подрыву экономической мощи Киева, особенно после его полного разграбления в 1169 и 1203 гг. войсками враждующих князей. Взятие Константинополя крестоносцами в 1204 г. оторвало Русь от Византии, существенно снизив международное значение Киева и предопределив его упадок¹.

С княжения Владимира Святославовича (с 980 г.) и до смерти Мстислава Великого Древняя Русь, несмотря на все смуты, была единым государством, хотя уже при Мономахе разные ветви рода Рюриковичей по праву владели «отчинами» и «дединами» — отдельными землями. Раздробленность, или удельный период, на Руси в целом берет начало с 1332 г. — со смерти сына Мономаха, Мстислава Владимировича. До смерти Юрия Долгорукого в 1157 г. продолжалась борьба за Киев между ветвями Рюрикова дома. Затем произошла дифференциация центров социально-экономической и политической жизни, рассредоточившихся по новым «великим княжениям» на юго-западе (Галицкое и Волынское княжества), северо-западе (Полоцкое и Смоленское княжества), севере (Новгородская земля) и северо-востоке (Владими́ро-Суздальская земля). Заметим, что Владимиро-Суздальская земля сохраняла единство с княжения Андрея Боголюбского до смерти Александра Невского, вопреки периодическим смутам. Как это ни покажется парадоксальным, но татарское завоевание на некоторое время приостановило распад общего институционального пространства, однако оно не смогло создать позитивный импульс его реинтеграции. Для этого потребовались многие годы тяжелейшей жизни под игмом автохтонов-кочевников...

На примере пронизанной дезинтеграционными тенденциями феодальной Руси представляется целесообразным акцентировать институциональное значение цветового маркирования (и восприятия) отдельных областей экономического пространства. Напомним, что в XIV—XVI вв. существовали Черная, Белая (Московия) и Червонная Русь (Галиция). Особый интерес представляет этимология бытовавших цветовых понятий, обозначавших статусы пространств и их субъектов. Так, «черными» именовались земли, подлежащие обложению государственными налогами и повинностями, а также проживавшие в этих пространствах люди. Соответственно, «Черной Русью» называли северо-восточные земли, находившиеся под властью Орды и уплачивавшие «черный бор», то есть чрезвычайный налог, вменявшийся великим князем Владимирским с целью уплаты увеличенного объема «выхода» (дани). Напротив, к «белым», или «обельным», относились земли, свободные от податей (своеобразные «оффшорные зоны» того времени), равно как и жившее на них население, именовавшееся «беломестцами» («белопоместцами»).

Наращение трансакционных издержек, тормозя прогресс, выразилось в эволюционном «сжатии» хозяйственного пространства и ослаблении реальных возможностей укрепления статуса Руси. Такое название закрепилось только за Северо-Восточными землями бывшего Древнерусского государства, которые, как замечает И.В. Можайскова, «стали постоянной отдельной собственностью каждого князя, личным его достоянием, которое передавалось от отца к сыну по личному распоряжению владельца или по обычаю, что привело к дроблению княжеств, особенно в восточной части Руси. Вот этот-то процесс и совпал с завоеванием Руси монголами»².

¹ См.: Вернадский Г.В. Начертание русской истории. СПб.: Лань, 2000. 320 с. С. 82.

² Можайскова И.В. Духовный образ русской цивилизации и судьба России: (Опыт метаисторического исследования): В 4 ч. Ч. III: Метаистория в тысячелетиях жизни русской цивилизации. М., 2001. 580 с. С. 157.

Механизм институциональных «сдержек и противовесов», не успев закрепиться, был разрушен.

Естественный процесс институционального самоопределения Руси был прерван нашествием монголо-татарских орд (1237—41 гг.) и установлением более чем двухвекового контроля (а по сути, ига, как ни коробит этот термин современных татарских историографов) завоевателей над Северо-Восточной Русью. Главная причина поражения состояла в социально-экономическом строе, то есть институциональной структуре. В кочевом обществе все мужчины и даже женщины были воинами, а в древнерусском военную силу представляли только знать и горожане (менее 2—3% населения), крестьяне же были безоружными и объективно ничего не могли противопоставить врагу.

Дополнительными, но не менее важными причинами невозможности военного отпора явились, говоря в современных образных терминах, «институциональные заборы и барьеры» между княжествами; «институциональные ловушки», в которые заманивали князей завоеватели, суля им различные привилегии; разобщенность дружин удельных княжеств; глубокие противоречия обособленных локальных интересов. Действуя совокупно, эти и другие причины определили отсутствие необходимой институциональной основы для совместной организации военного сопротивления.

По причине раздробленности Руси, когда каждый удельный князь по отдельности не представлял для Орды опасности, а условия их интеграции и консолидации отсутствовали, целесообразной формой организации подчинения явилось совмещение моделей прямого и вассального правления. На большей части покоренной территории монголы оставили Рюриковичей в качестве вассалов, а «лесные области на севере не соответствовали образу жизни степняков и поэтому они были заинтересованы только в эксплуатации их людских и финансовых ресурсов»¹, в чем проявились экономические причины установления господства.

Определились специфические, негативные по своему характеру условия ведения хозяйства — периодические набеги татар, чреватые гибелью или пленением близких родственников, полной потерей имущества и необходимостью отстраивать быт заново на пустом месте. Тяжкие испытания, выпавшие на долю русского народа, наложили глубокий отпечаток на формирование и развитие социальных институций на долгие века. Ослабленные в результате татаро-монгольского завоевания Южнорусские земли в конце XII—XIII вв. не смогли оказать достойного сопротивления польским и литовским захватчикам, что привело к еще большей стагнации хозяйства.

Нашествие кочевников, действовавших в соответствии со своим способом производства, нанесло значительный урон хозяйству Русских земель. Земледельческое население было изгнано из плодородных южных степной и лесостепной зон в лесную зону, на суглинистые почвы. Города Южной и Северо-Восточной Руси были уничтожены или обезлюдели, а их богатства подверглись разграблению. Огромное количество мужчин и женщин зрелого возраста, а также детей было уведено из родных мест в качестве рабов. Были перерезаны международные торговые пути.

Но именно гибель городов и обесценивание движимых богатств превратили крупные земельные владения в главный источник благосостояния и дали мощный импульс развитию институций феодализма². Уже к исходу XIII в. выжившая после татарского погрома знать «села» на землю и постаралась заселить ее крестьянами, бежавшими сюда из степной и лесостепной зон³. Начался многолетний период сдержи-

¹ Можайскова И.В. Указ. соч. С. 159.

² См.: Скрынников Р.Г. Указ. соч.

³ См. также: Янин В.Л. Новгородская феодальная вотчина (историко-генеалогическое исследование). М.: Наука, 1981.

ваемой постоянными набегами кочевников адаптации крестьян к новым условиям земледелия¹. Княжеская дружина окончательно трансформировалась в двор, состоявший из слуг-землевладельцев — бояр и дворян². Владимиро-Суздальская Русь стала «Царевым улусом» — вассальным княжеством Золотой Орды, а реально — глухой аграрной периферией. Новгородские земли завоеваны не были, но платили дань татарам через великого князя Владимирского.

Существует и точка зрения, согласно которой «русские княжества, принявшие союз с Ордой, полностью сохранили свою идеологическую независимость и политическую самостоятельность... это показывает, что Русь была не провинцией Монгольского улуса, а страной, союзной великому хану, выплачивавшей некоторый налог на содержание войска, которое ей самой было нужно»³. Конечно, иерархия институциональной структуры власти «под татарами» в целом сохранялась, но великий князь Владимирский был вассалом монгольского хана, поэтому если и можно признать тезис о суверенности реально раздробленного Русского государства в период монгольского господства, то с существенными оговорками.

Действительно, во второй половине XIII — начале XIV в. Золотой Орде требовался порядок в русской земле, твердая и сильная власть, поскольку усобицы подтачивали могущество монголов, отвлекая силы от ведения военных действий. В определенном смысле данщик зависел от данника, что и обуславливало политику, которую можно обозначить как союзническую на неравных условиях. Инверсию статусов Орды и Руси и закрепление их в новой конфигурации уже как противников (сначала потенциальных, а затем действительных) можно связать с религиозным переворотом 1312 г., когда хан Узбек насильственно обратил монголов в мусульманство, истребив всех противников ислама, в том числе весь административный аппарат. Эта революция «перечеркнула упущенные исторические возможности, одну из которых было (вполне реальное исторически) крещение Орды, с неизбежным в этом случае ее ослаблением, поскольку русские в Сарае тотчас получили бы доступ к государственным должностям»⁴. Православная Русь оказалась в статусе идеологически враждебной страны, а трансакционные издержки взаимодействий ее населения, в том числе агентов княжеской власти, с представителями монголов резко возросли.

Киевский стол в реалиях дезинтеграции русских княжеств сохранял статус «старейшего» вплоть до XIII в., когда произошел его экономический упадок и население стало активно «голосовать ногами» в пользу Северо-Западных земель. Однако в период монгольского владычества институциональный центр страны переместился во Владимиро-Суздальскую Русь: за Владимирским княжеством исторически закрепился статус Великого в связи с приданной ему ханом функцией, обеспечивавшей носителю власти полномочия сбора ордынской дани с других подвластных Орде княжеств и возможности вмешательства в их экономико-политическую жизнь. «Теперь великий князь, хотя и первый слуга хана, его наместник, пользовался среди других князей не одними только почетными преимуществами, но и действительными: владея своим личным уделом, он владел и великим княжеством Владимирским и землей Новгородской, как наместник хана»⁵. Во второй половине XIII в. из состава Владимирского княжества выделилось Московское, которое в 1362 г., хозяйственно окрепнув и обре-

¹ См.: Шапиро А.Л. Проблемы социально-экономической истории Руси XIV—XVI вв. Л.: Изд-во ЛГУ, 1977. 214 с.

² См.: Скрынников Р.Г. Указ. соч.

³ Гумилев Л.Н. Указ. соч. С. 133—134.

⁴ Балашов Д. Великий стол. М.: Вече, 1998. 480 с. С. 473.

⁵ Великий князь // Энциклопедический словарь. Т. Va: Вальтер — Венути / Изд. Ф.А. Брокгауз, И.А. Ефрон. СПб.: Типо-Литография И.А. Ефрона, 1892. С. 755.

тя статус Великого, само «поглотило» некогда породившую его юрисдикцию (в терминах В.Л. Макарова)¹. Так в Древней Руси специфически проявлялись различные закономерности эволюции институциональных пространств.

В начале XIV в. произошла эволюционная смена институциональных механизмов монгольского господства — от прямого управления подвластными русскими землями на основе институции баскачества к делегированию функции сбора «выхода» избранному князю. Противостояние Городца и Твери, затем Твери и Москвы, позже Москвы и Нижнего Новгорода, а потом Москвы и Твери за статус центра интеграции Русских земель позволило золотоордынскому руководству закреплять эту функцию одновременно за двумя борющимися княжествами, которые, таким образом, становились институционально ориентированными на взаимодействие с властями Золотой Орды, генерируя социальную напряженность на Руси. Примерно с 1290 г. (соперничество Городца и Твери) ослабевает и механизм баскаческого контроля, субъекты которого были исходно рассеяны по русским городам с резиденцией великого баскака во Владимире. К функциям баскаков относились исчисление «налоговой базы» (если дань рассматривать как форму принудительного налога), разбор тяжб князей и мониторинг устойчивости ханской власти на подчиненной территории. Стационарное присутствие контролеров было заменено периодическими наездами монгольских «контролирующих инспекций».

Длительный характер испрашивания инвеституры в Орде, комплементарной институцией которого являлось дарительство, стимулировал восприятие князьями и послами, а затем и перенос на Русь различных норм и порядков быта монгольских высших руководителей, элементов системы управления. Специфика дипломатии русских князей заключалась в высочайшей неопределенности результатов их поездок в Орду, чреватых казнью или внезапной милостью, что стимулировало их к созданию своих агентов среди приближенных хана, их задариванию в большем объеме, чем это было предусмотрено обычаем. Последний предполагал вручение даров и подарков ордынскому хану, его хатуням (женам), эмирам, царевичам, нойонам (князьям), темникам (начальникам туменов монгольского войска), нукерам (телохранителям). Интересно, что Церковь достаточно эффективно адаптировалась к экстремальным условиям и играла колоссальную посредническую роль: так, в XIV в. от ее позиции в значительной степени зависело получение ярлыка.

Институциональной особенностью монгольского быта была система улусов, внедрявшаяся на завоеванных территориях, которые становились подчиненными единому управлению из Золотой Орды, действию механизмов данничества и получения ярлыков. Это стимулировало широкое распространение в сфере княжеской власти на Руси неформальных оппортунистических институций лукавства, искусительства, доносительства, предательства, клятвоотступничества, наущничества, братоубийства, изменничества и др. Произошла жесточайшая эрозия традиционных норм и нравственных устоев народа, отложенные негативные эффекты которой давали о себе знать в течение многих веков.

Но тяжесть испытаний имела и позитивный эффект. Именно к этому времени относится становление институции отечества, социальное утверждение которой в процессе ее генезиса осуществлялось на фоне постепенного объединения разрозненных патриотических выступлений российского народа против различных и многочисленных интервентов и оккупантов, попыток сплочения Русских земель в единое политическое образование². Все острее и насущнее становилась задача преодоления татаро-

¹ См.: Макаров В.Л. О математических моделях конкуренции между предприятиями // Экономическая наука современной России. 2002. № 1. С. 6.

² См.: Росенко М.И., Росенко М.Н. Россия как отечество: исторические судьбы и современность. СПб., 1992. С. 9.

монгольской интервенции как фактора общесистемного экстремального повышения транзакционных издержек и рисков долгосрочно ориентированной хозяйственной деятельности. В своеобразной конкуренции мелких и крупных уделов, до предела повышавшей уровень хозяйственных рисков, постепенно формировались тенденции централизации властных функций и образования институционального аттрактора Русских земель, «в рамках которого постепенно совершается переход от свободной конкуренции территорий и групп к более или менее сбалансированной сети взаимосвязей более высокого порядка, включающей в себя огромное число людей»¹.

Модель поведения хозяйственных субъектов Руси в период монгольского владычества основывалась на двух взаимоисключающих принципах, связанных с необходимостью упорного, тяжелого труда для обеспечения своего существования и его потенциальной бесцельностью по причине высокого риска потери всего имущества и даже жизни во время татарских нашествий. Оперативный режим хозяйствования преобладал над стратегическим. «Такой жизни, — писал Н. Элиас, — балансирующей между двумя крайностями и протекающей в условиях постоянной опасности, соответствуют определенная структура индивидуального поведения и психический аппарат индивида... Вся эта полная беспоконья и угроз атмосфера непредвиденности и опасности, где имеются лишь малые и в мгновение ока исчезающие островки защищенности, уже сама по себе, без всяких внешних поводов, часто ведет к резким колебаниям настроения индивида: он то и дело переходит от предельного наслаждения жизнью к глубочайшему раскаянию. Если можно так выразиться, душа его гораздо в большей мере готова и склонна к быстрым скачкам из одной крайности в другую... здесь часто хватает какого-то впечатления, неконтролируемой ассоциации, чтобы возник страх или произошел радикальный поворот к другой крайности»². Не в экстремальных ли условиях ведения хозяйства во время татаро-монгольского владычества кристаллизировались и вышлифовывались противоречивые черты русского национального характера, формировалась знаменитая двойственность «русской души»?

Непрерывное балансирование между полюсами и тяготение к ним традиционно считаются основными свойствами национального русского характера, в котором «скрещиваются не только разные черты, но и черты в “едином регистре”: религиозность с крайним безбожием, бескорыстие со скопидомством, практицизм с полной беспомощностью перед внешними обстоятельствами, гостеприимство с человеконенавистничеством, национальное самооплевывание с шовинизмом, неумение воевать с внезапно проявляющимися великолепными чертами боевой стойкости»³. Неопределенность условий и результатов жизнедеятельности русского народа в период золотоордынского владычества сформировала и закрепила неопределенность типичного образа мысли и характера. В этом проявляется взаимосвязь онтологического и гносеологического аспектов социальных институций, которые должны пониматься не только как «привычный образ мысли, руководствуясь которым живут люди» (Т. Веблен)⁴, но и как привычный образ и способ жизнедеятельности людей.

Главной чертой хозяйственного строя Руси в период ее монгольской ассимиляции (начиная с 1236 г.) и закрепления их полного владычества явилось, по выражению историка Н.А. Полевого, «уничтожение прежнего быта и порядка»⁵. Конечно, с

¹ Элиас Н. О процессе цивилизации: Социогенетические и психогенетические исследования. Т. 2: Изменения в обществе: Проект теории цивилизации. М.; СПб.: Университет. кн., 2001. 382 с. С. 315.

² Там же. С. 245.

³ Лихачев Д.С. Указ. соч. С. 29.

⁴ Веблен Т. Указ. соч. С. 202.

⁵ Полевой Н.А. История русского народа: Историческая энциклопедия: В 3 т. Т. 3. М.: Вече, 1997. 768 с. С. 14.

позиций институционального эволюционизма, основы которого формировались в XIX в., можно заключить, что «ничтожества нет в мире. Ничто не уничтожается в полном смысле сего слова: все совершает только переходы, или изменяется. Изменения совершаются равно в духе и вещественности и всегда бывают постепенно»¹.

Однако сравнение состояния хозяйства Руси на входе и на выходе в «черный ящик» эпохи золотоордынского владычества показывает, что первое по отношению к последнему почти полностью ликвидировалось, в результате чего закрепились институции и нормы жизнедеятельности в условиях агрессивной внешней среды и наложения неоднородных институциональных пространств. На это указывает высокий темп происходивших институциональных изменений, в ходе которых имело место как насаждение золотоордынских порядков, в течение трех столетий ставших почти органичными русскому хозяйственному строю, так и восприятие, заимствование у ордынцев более прогрессивных и рациональных форм организации совместной деятельности.

Основными результатами институциональных изменений хозяйственного строя Руси в период монгольского владычества стали:

- податная система, где дань (ордынский «выход») как форма личного налога являлась элементом довольно несовершенного механизма налогообложения, поскольку взималась непосредственно с субъектов, частично или полностью игнорируя уровень их дохода и величину имущества;
- административно-территориальное деление (удельная система), закрепление князей в статусе вассалов хана, механизм инвеституры и получения ярлыка на «великий стол» и другие столы, что отразилось на принципах субординации великого и удельных князей;
- система государственного управления без посредничества сословно-представительных органов и института церкви;
- ополчение как институциональное дополнение дружины, применение степной тактики боевых действий.

Отложенными во времени эффектами золотоордынского владычества стали постепенное формирование статуса «Белого царя» как независимого и не платящего дани, закрепившегося за российскими государями начиная с Ивана IV²; централизация власти и создание жесткой иерархии государственных институций; закрепление даточной повинности, ставшей одной из наиболее обременительных для тяглого населения и предполагавшей выделение крестьянскими и посадскими общинами ратников. При Петре I эта повинность была трансформирована в рекрутскую, относительно более легкую для крестьян, поскольку брали не всех тружеников мужского пола, а по жребию, и при этом социально эффективную, фактически позволившую сформировать в России профессиональную армию.

Вплоть до своего распада Золотая Орда являлась своего рода институциональным эталоном для Российского государства, параллельно выступая «транслятором институтов “восточного деспотизма” стран Ближнего и Дальнего Востока»³. Исходно рецепция ордынских институций и организационных форм с последующей их модификацией применительно к специфике отечественного хозяйственного пространства была вызвана высокой частотой поездок князей в Сарай и значительной длительностью пребывания там, позволявшей им досконально изучить местные порядки. По-

¹ Полевой Н.А. История русского народа: Историческая энциклопедия: В 3 т. Т. 3. С. 14.

² См. также: Горский А.А. О титуле «царь» в средневековой Руси (до середины XVI в.) // Одиссей: Человек в истории, 1996: Ремесло историка на исходе XX века / Гл. ред. А.Я. Гуревич. М.: Coda, 1996. 223 с.

³ Нуреев Р.М. Россия: исторические судьбы власти-собственности // Постсоветский институционализм-2006: Власть и бизнес / Под ред. Р.М. Нуреева. Ростов н/Д: Наука-Пресс, 2006. 512 с. С. 26.

сле ослабления влияния Орды на русские дела с конца XIV в. функционирование соответствующих продуктов институциональной «трансплантации» можно объяснить действием механизма инерции, понимая ее как движение институциональной структуры по ранее экзогенно заданной эволюционной траектории¹ вплоть до исчерпания эффекта «path dependence», а также эффектом гистерезиса, связанного с чрезмерно высоким уровнем издержек изменения сложившегося в условиях агрессивной интервенции механизма управления и хозяйствования. Однако создаваемые позитивные эффекты централизации власти оборачивались высокими институциональными затратами для тяжелых слоев населения.

Монгольское право оказало заметное влияние на формирование и развитие русского правового нормотворчества. Прежде всего это отразилось в закреплении социальной дифференциации русского общества, что позволяло захватчикам успешно «разделять и властвовать» в завоеванных землях.

Ханские ярлыки как атрибуты княжеского статуса во время золотоордынского господства выдавались и князьям (определяя права на определенный стол), и духовенству (митрополиту, епископам). Последние освобождались от дани, получали право суда в своих владениях, право быть неподвластными ханским баскакам в имениях и т.д. В борьбе за получение ярлыка на тот или иной княжеский стол обычно использовались любые методы, включая предательство, братоубийство, подкуп и т.п.

В политической сфере формировалась атмосфера всеобщего недоверия друг к другу, которая медленно и трудно, но все же преодолевалась общей идеей, заключавшейся в нежелании терпеть внешнее господство, в ненависти к общему врагу, настойчивом стремлении к стабильному ведению хозяйства.

Историческая победа русских полков в Куликовской битве (8 сентября 1380 г.) над ордынским войском положила начало процессу освобождения от татаро-монгольского ига и новому объединению ранее обособленных частей хозяйственного пространства Руси. Вместе с тем это была «пиррова победа», ведь на поле брани poleg весь «цвет» двора и городской Москвы. Но усиление идей и настроений единения в рамках институционально признанного всеми государства вокруг выявившегося в борьбе за освобождение лидера начало воплощаться в реальность. Важную роль в этом процессе сыграл св. Сергей Радонежский, миротворец, идейный вдохновитель интеграционной политики князя Дмитрия Донского и выдающийся подвижник, посвятивший жизнь борьбе за нравственное возрождение народа, «личный статус»² которого был сравним с великокняжеским.

Затяжное действие механизма торможения в период вассальной зависимости Северо-Восточной Руси от Золотой Орды (XIII—XV вв.) продуцировало ряд негативных эффектов для ее дальнейшего развития, в частности, детерминировало длительное доминирование феодально-крепостнических отношений и институтов, обусловило закрепление институций самодержавной власти и привело к формированию авторитарного характера «русской цивилизации». Самобытность нашей Родины, к которой столь трепетно относились ее патриоты во все времена, явилась, по сути, следствием долгой изоляции в стремительно пустевшем экономическом пространстве в период ига. Этим же можно объяснить несовпадение векторов и темпов развития экономических и политических институций и институтов России и стран Западной Европы, анализ которых впоследствии стал ключевым для «особых форм обществен-

---

¹ См.: *Клейнер Г.Б.* К проблеме институтогенеза в переходной российской экономической среде // Стратегическое планирование и развитие предприятий. Секция 1: Тез. докл. и сообщ. IV Всерос. симп., Москва, 15—17 апр. 2003 г. / Под ред. проф. Г.Б. Клейнера. М.: ЦЭМИ РАН, 2003. 159 с. С. 75.

² См.: *Касьянова К.* О русском национальном характере. М.: Ин-т нац. модели экономики, 1994. 267 с.

ной мысли, а именно: дворянской революционности, славянофильства, западничества, народничества, толстовства»¹. В частности, на Руси внутри знати закрепились и утвердились отношения типа «хозяин — слуга», а не более мягкая модель «сюзерен — вассал», как в Европе.

Поиск общинниками гаранта стабильности хозяйственной деятельности как один из наиболее простых вариантов уклонения от рисков стимулировал быстрое расширение агентской базы институции закладничества, предполагавшей добровольный переход под покровительство определенного принципала — удельного князя или крупного боярина. В Западной Европе многими сходными чертами с данной институцией обладала в этот период коммендация. По мнению М. Ольминского, именно так «возникает на месте старого, общинного, новый иерархический союз людей, экономически различных по силе, а потому и политически неравноправных. И такая иерархическая ячейка вовсе не была результатом только насилия: она соответствовала интересам, — а следовательно и правосознанию, — массы населения. Из этих иерархически-организованных союзов впоследствии вырабатывается то, что мы знаем под именем крепостной вотчины и поместья»². Первоначально крестьянин в статусе закладника обладал достаточно высокой степенью институциональной маневренности и «сравнительно легко мог избежать власти своего помещика»³, что ограничивало возможности эксплуатации «тяглых людей».

«Ордынское нашествие, — замечает И.Д. Афанасенко, — разорило русские города, ремесло, торговля пришли в упадок. Мировой торговый путь (волховско-днепровский путь “из варяг в греки”) не действовал. На города приходилась основная тяжесть дани. Товарное производство стало замещаться натуральным хозяйством. В этих условиях содержать военное сословие можно было лишь за счет “кормления”»⁴. Здесь кормлением неточно названо княжеское земельное пожалование в «вотчину», имевшее место в XII — второй половине XIII в. Институциональный механизм кормления возник в Московском государстве лишь в XV столетии, когда вместо владетельного князя Московский князь назначал «наместника», который приезжал в княжество со своим двором и управлял им в течение трех — пяти лет, за что местное население было обязано «кормить» его и слуг.

В исторической литературе сложились две точки зрения на экономическую основу объединения земель Северо-Восточной Руси. По мнению Л.В. Черепнина⁵, отсутствие на Руси майората (единонаследия) привело к тому, что крупное вотчинное землевладение было институционально неустойчивым, что выразилось в чрезвычайно быстром дроблении первоначально крупных вотчин, к началу XV в. превратившихся в мелкие. Вследствие этого князья и бояре не могли содержать крупных дворов и с их помощью защищать от внешней опасности и держать «в узде» крестьян. Усиление классовой борьбы заставило феодалов объединяться вокруг сильнейшего московского князя. При всей внешней логичности, слабость этой концепции связана с полным отсутствием данных о классовой борьбе крестьян.

Вторая точка зрения принадлежит Р.Г. Скрынникову, также связывающему кризис вотчинного владения с отсутствием институции майората. В результате обостре-

¹ Галактионов А.А. Русская социология XI—XX вв.: Учеб. СПб.: Изд-во «Лань», 2002. 416 с. С. 6.

² Александров М.С. (Ольминский М.). Государство, бюрократия и абсолютизм в истории России. Изд. 2-е. М.; Пг.: Книгоизд-во «Коммунист», 1919. С. 11—12.

³ Там же. С. 13.

⁴ Афанасенко И.Д. Российская цивилизация и экономические реформы // Актуальные проблемы экономической истории России XX века: Сб. науч. ст. Волгоград: Изд-во ВолГУ, 1997. 196 с. С. 14.

⁵ См.: Черепнин Л.В. Образование Русского централизованного государства в XIV—XV вв. М.: Соц-ЭкЛит, 1960.

ется борьба за передел вотчин между вотчинниками, что заставляет их объединяться сначала вокруг своих великих князей (Тверского, Московского, Нижегородского) в первой половине XIV в., а затем вокруг победившего Московского князя. Крестьяне выступают в данной концепции своего рода «социальным контекстом», но не акторами происходившей интеграции.

Таким образом, приведенные позиции известных историков являются полярными, но истина, как известно, избегает крайностей, а держится «золотой середины». Видимо, должна появиться синтетическая концепция, учитывающая заинтересованность и реальную степень участия в интеграционном процессе разных групп социальных акторов.

Московская Русь, словами Н.М. Карамзина, «возвысив главу свою между Азиатскими и Европейскими царствами... представляла в своем гражданском образе черты сих обеих частей мира: смесь древних Восточных нравов, принесенных Славянами в Европу и подновленных, так сказать, нашею долговременною связию с Моголами, Византийских, заимствованных Россиянами вместе с Христианскою Верою, и некоторых Германских, сообщенных им Варягами»¹.

Несмотря на жестокую борьбу за политическое главенство, образование центра объединения в Москве представляется исторически объективным процессом, поскольку именно это княжество проявило в полной мере институцию лидерства и доказало, что только единое и сильное государство могло обеспечить оборону российского отечества от многочисленных врагов, угрожавших с востока (монголо-татары), с юга (турки) и с запада (немецкое рыцарство, Польское и Литовское княжества). Московское княжество осуществляло постепенную экспансию общенациональных норм и порядков, формируя общие трансакционные факторы жизнедеятельности, интегрировавшие экономическое пространство Руси.

Политика великих русских князей была направлена на объединение усилий и богатств для совместного градостроительства, противостояния силам природы и внешним врагам. Потребность в полной социальной и экономической интеграции ранее раздробленного пространства страны объясняет первопричину формирования новой системы институций и институтов. Доминировал институциональный механизм экстренной мобилизации и аккумуляции факторов и ресурсов (денежных и материальных) в условиях войн, стихийных бедствий, при проведении торжеств, крупном хозяйственном и военном строительстве.

Решающую экономическую роль в укреплении централизованного институционального устройства сыграло уничтожение полной частной земельной собственности в великом княжестве Московском, постепенно присоединившем другие русские земли и установившем порядки, при которых князь стал именовать себя Великим и был не только правителем своей земли и ее обитателей, но и в буквальном смысле их собственником: «Жизнь, имение зависели от произвола Царей, и знаменитейшее в России титуло уже было не Княжеское, не Боярское, но титуло слуги Царева»².

При этом произошло слияние функций владения и распоряжения собственностью в институциональном режиме вотчины, наделявшем Великого князя всем комплексом имущественных прав на землю и позволявшем ему требовать службы от своих подданных вне зависимости от статусной дифференциации. Великий князь не нуждался в сборе налогов, поскольку вся страна платила за землю рентой и службой, и потому не имел необходимости в организации парламента³. В результате отечествен-

---

¹ Карамзин Н.М. О древней и новой России в ее политическом и гражданском отношениях // *Он же. История государства Российского*: В 4 кн. Кн. 4 (Т. X—XII). Ростов н/Д: Кн. изд-во, 1990. С. 476.

² Там же. С. 477.

³ См.: *Пайнс Р. Собственность и свобода*. М.: Моск. шк. полит. исслед., 2001. 415 с. С. 211.

ное правовое поле находилось в упрощенном состоянии по сравнению с Западной Европой, а хозяйственные отношения осуществлялись в основном через централизованные механизмы государственного принуждения.

Первые вотчины появились на рубеже XI—XII вв. Важно, что в экономическом аспекте они сразу приняли «биполярный» вид, то есть одновременно основывались на рабском труде холопов и на свободном труде крестьян. Этот факт позволил историкам акцентировать ту или иную сторону хозяйственного устройства Древней Руси, отдавая приоритет рабству, феодализму или даже признавая доминирующим патриархальный уклад. В период XIII—XV вв. вотчинная система землевладения стала фундаментом хозяйственного устройства. В конце XV — XVIII в. ее неудачно пытались заменить помещной (по турецкому образцу).

Характер институционального устройства политической сферы во многом зависел от форм закрепления экономических привилегий светских феодалов, что создавало предпосылки формирования органов сословного представительства, важнейшей функцией которых изначально стало принятие решений о сборе налогов¹. В Московском великом княжестве землевладельцы имели важные и широкие привилегии, не означавшие, однако, полного податного иммунитета, особенно в отношении важнейших государственных налогов и повинностей. В частности, освобождение от главного поземельного налога («дани»), равно как и от участия в укреплении крепостей («городного дела»), предоставлялось исключительно редко. Кроме того, в XIII—XVI вв. «жалованные грамоты князей в большинстве случаев лишь санкционировали привилегии феодалов, издавна присвоенные ими как феодалами-землевладельцами»², иначе говоря, они фиксировали в писаном праве реально сложившиеся экономические отношения, институциональные конфигурации субъектов и механизмы их взаимодействия.

Создание централизованного русского государства в конкретно-исторических условиях было инициировано различными институциональными субъектами на основе консонанса (согласия) их общих, ассоциированных интересов, связанных с повышением определенности хозяйствования. Представители различных социальных слоев осознали, что только на основе институции единства в рамках многонационального государства станет возможным формирование эффективных хозяйственных институций и институтов, их общее осмысление, практическое осуществление и совершенствование.

§ 6. Берестяные грамоты — «зеркало» институционального быта средневекового Новгорода

Объединение Северных и Северо-Западных земель вокруг Московского великого княжества происходило в условиях дальнейшего последовательного «укоренения» вотчинного уклада. У хозяйственных субъектов возросла заинтересованность в укреплении государственной власти и защите своих владений от внешней опасности и внутренних конфликтов. Параллельно происходило экономическое возрождение и развитие таких древнейших центров Русской земли, как Владимир, Псков, Новгород. Последний заслуживает особого внимания в свете задач нашего исследования.

¹ См.: *Флоря Б.Н.* Податные привилегии светских феодалов в период образования единого русского государства // *Россия XV—XVIII столетий: Сб. науч. ст. Юбил. изд.* Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2001. 292 с. С. 28—29.

² *История русской экономической мысли / Под ред. А.И. Пашкова. Т. I. Ч. 1. С. 66.*

Перенесемся же мысленно на Северо-Запад складывавшейся территории Русского государства. «Новгород» — общее название значительной группы хозяйственных и административных объектов. Его составляли непосредственно город («Господин Великий Новгород»), новгородская земля и волости. Естественное деление города рекой Волховом на две части получило и социальную форму, воплотившись в институциональном облике Новгорода. Если на Софийской стороне располагались административно-управленческие и религиозные объекты (Детинец, то есть городской кремль, собор Св. Софии как символ суверенитета, специальные хранилища казны, договоров и грамот), а проживали там представители аристократического слоя, то на правой — Торговой (Знаменской) стороне находились Ярославов двор, на котором собиралось вече, Торговая площадь, церковь Иоанна Предтечи на Опоках, где осуществлялся торговый суд, дворы иностранных купцов и другие сооружения. Соответственно правая сторона была заселена простым и торговым людом: купцами, продавцами, «черными» и «молодшими» людьми, городскими обывателями низших слоев, ремесленниками, чернорабочими.

«Новгородской землей, — сообщает Д.В. Аверкиев, — называлась более близкая к городу часть новгородских владений, где вполне господствовали новгородские порядки¹, которые именовались «пошлиной». Отсюда момент, нашедший отражение в договорных грамотах новгородцев с князьями, которые целовали крест на том, чтобы держать Новгород «в старине и пошлине», то есть управлять в рамках местной традиции. Институциональными «островками» этой земли были около тридцати пригородов — Псков, Ладога, Руса, Великие Луки, Орехов и другие, менее значимые, которые подчинялись решению новгородского вече, хотя и функционировали на основе системы самоуправления с выборным посадником. Менее самостоятельные поселения назывались волостями. Они часто были боярскими имениями, тогда их владельцы (которые в Новгороде назывались также «передними» или «большими людьми») формировали села и деревни, налаживали торговлю на специальных местах, а также принимали на свои земли «вольных охотников» (то есть желающих) на определенных условиях, в частности на условии подчинения боярскому суду.

Институирование географического пространства новгородского хозяйствования проявлялось в планировании города, пространственной организации его улиц и дворов, функции и формы которой исторически эволюционировали. Так, «нынешняя прямоугольная сетка улиц была заведена только в последней четверти XVIII в., при Екатерине II, когда многие губернские и уездные города перекраивались на петербургский манер². Как видно из древних планов Новгорода, в частности, из изображенного на Знаменской иконе (конец XVII в.), дворы организовывались вокруг центральной части города — Кремля, концентрически расходясь и образуя пять концов. Последние, объединяя «боярские патронимии», в совокупности «образовывали федерацию, известную всей Европе под названием “Новгород”. Каждый из этих поселков был как бы “государством в государстве”. Решая совместно важнейшие вопросы государственного управления, пять новгородских концов постоянно враждовали друг с другом, часто выступая один против другого с оружием в руках, заключая временные политические союзы, объединяясь и снова ссорясь³. Политическая борьба и коалиционная динамика боярских кланов выражалась в продвижении своего представителя на степень посадника, что позволяло победившему блоку лоббировать свои ассоциированные интересы.

¹ Аверкиев Д.В. Повести из старинного быта. Т. 2: Вечу не быть. СПб.: Тип. Братьев Пантелеевых, 1898. С. 4.

² Янин В.Л. Я послал тебе бересту... С. 14.

³ Там же. С. 17.

Требуем пояснения система новгородской администрации. Все принципалы назначались на вече¹, а высшей административной институцией в Новгороде XII—XV вв. было посадничество. Тысяцкие, ближайшие помощники посадников, выбирались из числа представителей наиболее древних и знатных боярских родов. «Правительство» представляло собой собрание тысяцких и посадников — степенных и старых, то есть бывших. Князь также приводился к присяге, подписывая грамоту с целым рядом условий и ограничений его функций. В частности, он «обязывался не посылать в новгородские волости своих мужей для управления; притом при назначении новгородцев в эти места наместниками князь обязан был посовещаться с посадником; князь или его наместник не мог судить без участия посадника; не мог лишать мужей волости без вины, то есть по произволу. Для суда князь имел право ездить по новгородским владениям только в известное время года... Князь не мог поселять своих людей в новгородских волостях; ни он, ни его княгиня, ни бояре, ни слуги не могли покупать сел в новгородской земле, ни ставить слобод и мытов (таможен) на свое имя; князь не имел права затворять для торговли немецкий двор. Он обязывался дать новгородским гостям полную свободу торговли в своих владениях; не имел также права прибавлять пошлин»². Так в Новгороде на практике воплощалась идея либерализации внешней торговли, предполагающая минимизацию трансакционных издержек для субъектов этой сферы хозяйства за счет ликвидации институциональных барьеров и локализации функций управления. Статус посадника был существенно повышен после судебной реформы 1126 г., когда окончательное решение в совместном («смешном») суде князя и посадника было закреплено за последним при номинальном приоритете князя³.

Для Новгорода было характерно параллельное существование двух систем административного деления — кончанской и сотенной. Последняя интегрировала, по мнению В.Л. Янина, «усадебные горожан небоярского происхождения. Соответственно и посадник представлял бояр, а тысяцкий — начальник над сотскими — житейных, купцов и черных людей, сохранявших независимость»⁴. Неизменность границ боярских усадеб на протяжении X—XV вв. и сложившийся механизм кланового боярского городского землевладения негативно отразились на кооперации агентов профессиональных институций: «Разделенное частокколами боярских усадеб и патронимических комплексов простое население было лишено возможности объединяться по профессиональному признаку. Именно поэтому в Новгороде не возникло ремесленных цехов, а купеческие организации объединяли лишь самых богатых купцов»⁵. Одной из таких организаций (корпораций) крупного новгородского купечества являлось «Иваньское сто», созданное в IX в., интегрировавшее торговцев воском («вошников») и целенаправленно отстаивавшее интересы купцов путем взаимного, порой безвозмездного кредитования, вооруженной охраны грузов и создания сети представительских структур в русских городах⁶.

Право ведения торговли в Новгороде было всеобщим, то есть каждый мог стать продавцом, торговцем, однако для получения статуса купца было необходимо войти в организацию соответствующего института — общины или сотни. «Входная» единовременная плата («пошлина») за институцию купечества составляла не менее 50 гри-

¹ См. также: Институт выборов в истории России: Источники, свидетельства современников; Взгляды исследователей XIX — начала XX в. / Под ред. А.А. Вешнякова. М.: Норма, 2001. 784 с.

² Аверкиев Д.В. Указ. соч. С. 8.

³ См.: Янин В.Л. У истоков новгородской государственности / НовГУ. Новгород, 2001. 152 с. С. 6—30.

⁴ Янин В.Л. Я послал тебе бересту... С. 201.

⁵ Там же. С. 202.

⁶ См.: Афанасенко И.Д. Экономика и духовная программа России. СПб., 2001. С. 171.

вен серебра, а внесшие ее индивиды назывались «пошлыми» купцами. Интересно, как объяснят этот исторический факт многие современные институционалисты, считающие институты и институции общественным (публичным) благом?¹ Разве нет «входных барьеров» в современных институциях и организациях, или же ученые просто старательно их не замечают?

По свидетельству знатока средневекового новгородского быта Д.В. Аверкиева, «купцы, как показывает самое имя, были преимущественно скупщиками естественных произведений страны и поставщиками их на Варяжский двор»², специальное место, отведенное под поселение скандинавов. Масштабы их операций были гораздо более крупными по сравнению с не входившими в общину (или сотню) продавцами и торговцами. Международная торговля в рассматриваемый период «приносила сверхприбыль: пушная торговля — 1000%; работорговля для восточных гаремов — 20 000%. Но и риски торговли были высокими. Они состояли в сложностях транспортировки; конфискациях; кражах; потерях товаров и документов во время народных волнений и при нападении... в местах переправ товаров»³.

Разбогатевшие купцы («житыи люди»), являвшиеся важным субъектом новгородской жизни, постепенно сокращали долю денежных средств, задействованных в торговых операциях, в пользу ростовщических. К числу привилегий этих «зажиточных» акторов, бывших к тому же землевладельцами (хотя и менее крупными, чем бояре), относилось участие в высшем суде⁴. Напрашивается закономерный, казалось бы, вывод: торговая деятельность превалировала в Новгороде, определяла его быт, имущественное положение и статус большинства хозяйственных акторов, в конечном счете являясь залогом самостоятельности и народоправства.

Но проведенные во второй половине XX в. археологические раскопки и специальные исследования позволили уточнить социальную типологию хозяйственных субъектов средневекового Новгорода. Они дали основания отвергнуть традиционную для XIX — первой трети XX в. точку зрения о доминировании на хозяйственной арене Новгорода представителей купечества и первичного сектора, производившего товары для торговли, — охотничества, бортничества, рыболовства и т.д. До этого считалось, что «гостям» принадлежала экономическая власть в городе, они с помощью посадников лоббировали свои интересы и добивались выгодных условий деятельности.

Сходной позиции придерживаются и многие современные ученые — исследователи хозяйственного строя Древней Руси. В частности, И.Д. Афанасенко и Т.Н. Малькова пишут: «Крупное землевладение было условием выборов в органы управления, генезис же земельной собственности был связан с первоначальным накоплением капитала торговцами, его помещением в приобретение земель и превращением купцов в бояр. Но есть и другая версия, по которой земельная собственность возникла на основе “греческого пути” и прилегающих к нему территорий. Однако по любой из них экономика Новгорода имела товарную ориентацию, в которой ведущую роль играл крупный купеческий капитал. В ней функционировали денежные и кредитная системы, но без банков»⁵.

---

¹ См., напр.: *Шаститко А.Е.* Институты как общественные блага // Вестник МГУ. Сер. 6. Экономика. 1996. № 5. С. 37—43.

² *Аверкиев Д.В.* Указ. соч. С. 6.

³ *Афанасенко И.Д., Малькова Т.Н.* Экономика и учет древнего Новгорода — документальное наследие // Известия СПбУЭиФ. 2004. № 4 (40). С. 102.

⁴ См., напр.: *Янин В.Л.* Новгородские посадники. М.: Изд-во МГУ, 1962. 395 с.; *Лихачев Д.С.* Новгород Великий: очерк истории культуры Новгорода XI—XVII вв. М.: Сов. Россия, 1959. 102 с.

⁵ *Афанасенко И.Д., Малькова Т.Н.* Указ. соч. С. 113.

По концепции В.Л. Янина, следует больше акцентировать наличие развитой «обрабатывающей промышленности» в новгородском хозяйстве и значение ее представителей в управлении общественно-экономической жизнью города. Результаты археологических раскопок (в частности, обнаружение многочисленных древних мастерских) в сочетании с историографическим анализом огромного массива институциональных актов, начиная с летописей и заканчивая лавочными и писцовыми книгами, позволяют достроить упомянутую бинарную конструкцию типа «купец — поставщики» субъектом институции ремесленничества («ремьства»). Более того: «Купец и боярин-землевладелец этим анализом были противопоставлены друг другу. Была высказана уверенность в том, что главная роль купца в посредничестве между действительными владельцами богатств — боярами-землевладельцами — и рынком, а власть в Новгородской республике принадлежала кичащимся своим происхождением родовитым хозяевам богатейших и обширнейших земельных угодий»¹. Внешнеторговые транзакции преимущественно спекулятивного характера в значительной степени дополнялись внутренними, связанными с обработкой продуктов простого труда по присвоению природных ресурсов (рыбы, пушнины, меда, воска и т.д.). Труд ремесленников был гораздо более сложным, основываясь на тайных, передаваемых из поколения в поколение компетенциях «обработки металла и дерева, кости и кожи, камня и шерсти»², позволяя насытить жизненное пространство новгородцев предметами быта.

Поступательное развитие товарно-денежных отношений и формирование рыночных механизмов в конце XI — первом десятилетии XII в. постепенно переориентировало представителей новгородского «ремьства» с изготовления изделий по индивидуальным заказам на их массовое производство, порой в ущерб качеству. Внешне это подчас производило впечатление технологического регресса. Так, самозатачивающийся нож XI в., изготовлявшийся техникой «пакета», переоткрытой уже в XX столетии, в XII в. сменился довольно примитивной и ненадежной формой. Это означало, что ремесленники эволюционно установили примат количества товаров над их качеством в связи с быстрым ростом уровня спроса³.

Повторим, что потенциал самоорганизации новгородских ремесленников остался нераскрытым из-за сложившейся институциональной «системы самодовлеющего хозяйства» (В.Л. Янин), когда «практически на каждой боярской усадьбе имела какая-либо ремесленная мастерская, но в пределах такого клана группа бояродственников имела возможность располагать исчерпывающим набором производств, изделия которых в то же время обладали очевидной товарностью, прочно связывая владельцев усадеб с городским торгом, где реализовывалась избыточная продукция. Такая система решительно препятствовала консолидации ремесленников по профессиональному признаку. В Новгороде не возникло цеховых организаций. Участие мастеров разных производственных профилей в едином хозяйстве боярского клана становилось для этого неодолимым препятствием»⁴. Таким образом, пространственные институции средневекового Новгорода, воплощавшиеся в границах владений боярских кланов, выступали тормозом самоорганизации городского ремесленничества по профессиональному признаку и образования соответствующих институтов — цехов.

¹ Янин В.Л. Указ. соч. С. 121.

² Там же.

³ Там же. С. 224.

⁴ Янин В.Л. Значение открытия берестяных грамот для изучения отечественной истории // Берестяные грамоты: 50 лет открытия и изучения / Отв. ред. В.Л. Янин. М.: Индрик, 2003. 336 с. С. 19—20.

Вместе с тем развитие берестяной письменности, по мнению Э. Мюле, изначально отражало «повседневные потребности городских коммерсантов и торговцев в общении и документации своей деятельности. Использование бересты возросло по мере необходимости быстро и просто фиксировать деловые записи, а также осуществлять связь между различными населенными пунктами, используя дешевый материал для письма»¹. Иначе говоря, интенсивное использование берестяных грамот исходно было связано с деятельностью не феодалов-бояр или ремесленников, а именно торговцев, отражая статус Новгорода как ведущего торгового центра Северо-Западной Руси.

Данный вывод логично дополняет позицию В.Л. Янина о высоком значении ремесленничества в хозяйственной жизни средневекового Новгорода. Ведь масштабы торговой деятельности производны от уровня развития материального производства. Это относится и ко всей европейской городской цивилизации эпохи Средневековья, где отнюдь «не купцы и купеческая деятельность питали собой город, делали его процветающим и богатым, а, напротив, город — со своими ремесленниками, торговцами, рынками, покупателями — питал собой купечество, способствуя укреплению и экспансии оборота его дел»². Но специфика транзакций в сфере торговли и транспортировки грузов требовала более интенсивных коммуникаций по сравнению с сельским хозяйством и городской промышленностью.

Поэтому берестяные грамоты в XI — начале XIII века стали наиболее эффективным инструментом обмена информацией коммерческого характера между субъектами торговли и транспортного сообщения, а затем «эта форма деловой письменности распространилась на другие области экономической и общественной жизни и, наконец, на сферу личной жизни»³. При этом в качестве первичного писчего материала применялся «пергамен», а писчая бумага на Руси начала использоваться в первой половине XIV века.

Вообще говоря, открытие письменности в Древнем Шумере и ее широкое распространение стало акселератором диффузии и концентрации институциональных сведений, и «хотя письменность появилась в ответ на нужды административного делопроизводства, она скоро нашла множество других направлений применения религиозного, литературного и экономического характера»⁴. Такая тенденция обнаруживается и при изучении новгородских грамот на бересте с уточнением, что их возникновение было вызвано потребностями акторов торговой сферы.

Изучение берестяных грамот показало, что для новгородцев была характерна массовая грамотность. Функция первичной социализации акторов, включавшая доведение до их сведения базовой информации о существующих социальных институтах и формах организации жизнедеятельности, исторически закрепились на Руси за семьями. Функция передачи более специальных знаний о государственном устройстве была вменена особой профессиональной группе — учительству (в Новгороде — «мастера грамоты» или «начетчики», писцы, позднее — дьяки и подьячие, церковнослужители и др.), и реализовывались в рамках института школы. Эти знания зачастую передавались неявно, в процессе привития навыков письма: например, в ходе обучения грамоте дети в средневековом Новгороде (начиная с семилетнего возраста) получали задания переписывать определенные тексты, содержавшие летописные и цер-

---

¹ Мюле Э. Торговля и денежные операции в ранних новгородских берестяных грамотах (XI — первая четверть XIII в.) // Берестяные грамоты: 50 лет... С. 93.

² Факкани Р. Некоторые размышления об истоках древненовгородской письменности // Берестяные грамоты: 50 лет... С. 229.

³ Там же.

⁴ Камерон Р. Указ. соч. С. 44.

ковные сюжеты институционального характера, а также подражали взрослым, имитируя обороты, характерные для деловой переписки. Параллельно развивалось «учение книжное» — своего рода высшее образование средневековья¹.

Любопытно обнаруженное японским ученым К. Миурой высокое соответствие по ряду параметров между русскими берестяными грамотами и японскими мокканами, деревянными табличками с надписями тушью, которые активно использовались чиновниками Страны восходящего солнца в период Нара². Причем «это соответствие представляется не случайным и отражает аналогичные условия употребления материалов для письма в Японии и на Руси»³. Наверное, не случаен и тот факт, что современный ученый Б.А. Ерзнкян при анализе лингвоэкономических оснований институциональных структур обращается именно к японскому языку⁴.

Проведенный К. Миурой сравнительный анализ различных видов добуажных материалов для письма представлен в табл. 1.

Таблица 1

Межстрановое сопоставление писчих материалов добуажного периода

Материал	Стандартизация размеров	Употребление обеих сторон	Связка/свиток	Чернила/тушь
Папирус	○?	×?	○	☺
Пергамент	☺	☺	☺	☺
Британские деревянные пластинки	○	×	△	☺
Римские деревянные таблички	○	×	○	×
Индийские листовые грамоты	○	×?	○	×(△)
Русские берестяные грамоты	×	△	×(△)	×
Китайские мокканы	☺	×	☺	☺
Японские мокканы	×	△	×(△)	☺

Знаки в таблице: × — отсутствие признака; △ — слабое проявление признака; ○ — факультативность признака; ☺ — обязательность признака.

Источник: Миура К. Попытка сравнительного анализа русских берестяных грамот и японских мокканов // Берестяные грамоты: 50 лет открытия и изучения / Отв. ред. В.Л. Янин. М.: Индрик, 2003. 336 с. С. 251.

Послания на бересте, поиск и изучение которых ведутся в Великом Новгороде вот уже более чем полвека под руководством В.Л. Янина, представляют собой поистине уникальный и еще фактически не подвергнутый экономическому анализу «пласт» институциональных сведений: «Все стороны человеческой жизни и деятельности находят отражение в берестяных текстах, рассказывающих о том, о чем молчат летописи. Накоплены десятки грамот, характеризующих землевладение, ростовщичество, ремесло, торговлю, сбор дани и налогов, военные конфликты, правовые отношения, межгородские связи, семейные дела, языческие и христианские верования, подроб-

¹ См.: Великий Новгород — колыбель российского образования / Под общ. ред. В.Л. Янина. Новгород, 2000. 268 с.

² См. также: Черевко К.Е. «Кодзики» («Запись о деяниях древности») VIII в. и становление японского этноса, его языка и письменности: Учеб. пособие. М., 2002.

³ Миура К. Попытка сравнительного анализа русских берестяных грамот и японских мокканов // Берестяные грамоты: 50 лет... С. 252.

⁴ См.: Ерзнкян Б.А. Простые лингвоэкономические основания сложных институциональных структур // Встреча с простотой / Под ред. д-ра экон. наук О.В. Иншакова. Волгоград: Волгогр. науч. изд-во, 2006.

ности быта и хозяйства»¹. По их роли в воссоздании деталей частной и общественной жизни наших предков новгородские берестяные грамоты уподобляют древнеегипетским папирусам (А.В. Арциховский), а итальянский ученый Р. Факкани сравнивает по историко-культурной значимости обнаружение посланий на бересте в 1951 г. с открытием в Сирии древнего города Эблы, где в ходе раскопок были найдены многочисленные глиняные таблички на неизвестном семитском языке².

Берестяные грамоты отражают не только особенности быта и экономической культуры в средневековом Новгороде, но и характеризуют специфику осуществлявшихся транзакций. Например, грамота № 3³ содержит следующую информацию: «Поклонь от Грикши к Есифу. Приславь, Онанья молви[ль]... Язь ему отвечалъ: не рекль ми Есифъ варити перевары нина кого... И он приславъ к Федосьи: Вари ты пивъ, седишь на безатьщине, не варишь жито...»⁴ Акторами описанной хозяйственной ситуации шестисотлетней давности были землевладелец Есиф, его приказчик Грикша и зависимая крестьянка Федосья, у которой находился в пользовании выморочный участок земли (по принципу «безатьщины»).

Сложность сложившейся между указанными субъектами системы институционально-экономических отношений состояла в том, что бывший владелец этого участка Онанья требовал через Грикшу у Федосьи продолжать варить для него пиво. Однако это требование было неправомерным, так как право владения выморочным участком перешло к Есифу вместе с иммунитетом, то есть правом взимания всех доходов с него в свою пользу, исключая других лиц от притязаний на них. Статус владельца позволял, таким образом, на основании принципа иммунитета, концентрировать все частичные правомочия собственности, гарантируя крестьянам единственный вектор всех платежей и повинностей, снижая их транзакционную неопределенность и издержки ее преодоления.

Грамоты на бересте подчас изобилуют ошибками и описками, поскольку писались они простыми людьми. Между тем «в берестяной письменности можно найти те черты, которые позднее становятся конститутивным элементом делового регистра»⁵ в ходе институционализации бюрократической деятельности, возникновения депозитариев для хранения деловой документации и т.п.

Берестяные послания охватывают различные грани и проблемы боярского и крестьянского хозяйства средневекового Новгорода, в частности, отражают особенности институционального регулирования сбора оброка с крестьян. Перед нами грамота № 99, автор которой — некто Кирик, видимо приказчик, — обращался к боярину Онцифору: «Поклоно от (Ки)рика к О(н)цифоруо. Прикажзиваеши про риби. А мни смедри не платя без руоба. А ни посла еси цоловека да грамотоу. А цто оу тебе недоборе стари, пришли зеребе»⁶. Смерды (в тексте описка — «смедри») в данном случае платят оброк за пользование рыболовными участками, причем Кирик, как разъясняет В.Л. Янин, «просит Онцифора прислать грамоту, на основании которой он и будет взыскивать с крестьян рыбный оброк; еще нужно перечислить участки — “жеребы”, с которых Кирик должен получить недоимку — “недотор” за прошлый год или прошлые годы»⁷.

¹ Предисловие // Берестяные грамоты: 50 лет... С. 12.

² Факкани Р. Указ. соч. С. 226.

³ В основе нумерации берестяных грамот лежит хронология их открытия в ходе раскопок, проводящихся под руководством В.Л. Янина.

⁴ Янин В.Л. Я послал тебе бересту... С. 42.

⁵ Живов В.М. Деловой язык средневековой Руси и синтаксис берестяных грамот // Берестяные грамоты: 50 лет... С. 290.

⁶ Янин В.Л. Я послал тебе бересту... С. 122.

⁷ Там же.

Как видим, условия пользования любыми ресурсами (форма и размер платежа) диктовались владельцем территории в форме предписания своим агентам-приказчикам, которым делегировались полномочия сбора платежей с крестьян. В приведенном выше примере оброк должен был взиматься рыбой. Отсутствие средств для уплаты оброка и недоимок позволяло многим посредующим агентам извлекать выгоду из создававшейся ситуации в силу своего статуса. В частности, староста мог самостоятельно погасить долги крестьян (которые, кстати, в Новгороде XIV в. назывались «сиротами»), а затем взимать с них платежи с процентами. В случае возникновения противоречий и споров крестьяне вызывались к своему господину «позовкою» (письмом), а при отсутствии реакции приводились специальными чиновниками («дворянами»). Такой порядок взаимодействия принципала-помещика и его агентов-крестьян в боярском хозяйстве Новгорода отразился в тексте грамоты № 345: «...а звало есмь васо в городо, и вы моего слова нь послушали. А како приедуто по васо дворянь, тако будит...»¹

Сложился и функционировал механизм подачи жалоб. Его общие черты позволяют реконструировать грамота № 370, которая в переводе звучит следующим образом: «Поклон Юрию и Максиму от всех крестьян. Кого ты нам поставил ключником, тот за нас не стоит, разоряет нас штрафами, мы им ограблены. А сиди и не смей от него отъехать! А мы из-за этого погигли (разорены)...»² Наложённый ключником запрет отъезжать от земли на промысел, рыболовство, на ярмарки и по другим хозяйственным делам искусственно сужал пространство продуктивной деятельности крестьян, лишая их доступа к дополнительным ресурсам и необходимым товарам, ведя к повышению уровня альтернативных издержек вынужденного бездействия («сидения») и прямым убыткам.

Иногда крестьянские жалобы высказывались через заступников — дворовых людей. Судя по тексту грамоты № 301, некто Кля в довольно резкой форме констатирует последствия систематического завышения уровня податей. Приведем русский перевод: «Господину Михаилу Юрьевичу, сыну посадничьему, слуга твой Кля бьет челом. Чем, господин, пожалуешь свою волость? Половина пуста, а кто остался, те хотят, чтобы их пожаловали, хотят, господин, чтобы их пожаловали — подати убавили. А тебе, своему господину, челом бьют»³. Крестьяне выразили свой протест, выражаясь в терминах современной теории коллективного выбора, путем «голосования ногами» в пользу другой юрисдикции⁴, мобильно переместившись в новое локальное пространство с относительно более благоприятными институциональными условиями хозяйствования.

Агенты-посредники боярина в управлении поместным хозяйством (дьяки, ключники, приказчики и т.д.) в благоприятных ситуациях умело использовали тактику манипулирования своим принципалом, корректируя по своему усмотрению условия обложения крестьян и даже фальсифицируя соответствующие документы. Тем самым они произвольно осуществляли инверсию своего статуса и присваивали вкупе с делегированными им полномочиями многие другие. Говоря языком современной институциональной теории, промежуточный, посредующий характер статусов этих специфических «мезосубъектов» в транзакционном пространстве, возникавшем между принципалом-боярином и его конечными агентами-крестьянами, позволял им извлекать существенную институциональную ренту из выполняемых функций.

¹ Янин В.Л. Я послал тебе бересту... С. 123.

² Там же. С. 124.

³ Там же. С. 127.

⁴ См., напр.: Макаров В.Л. О математических моделях конкуренции между предприятиями // Экономическая наука современной России. 2002. № 1.

Об этом свидетельствует одна из крестьянских жалоб (грамота № 307): «Осподену Ондреяну Михаиловищу, осподену Микыти Михаилоцю, оспоже нашей Настасеи Михаилове жене чоломъ бею хрестьяне избоищане. Здесе, осподо, оу вашей вьлости являются позовнице оу Горотънеи, zde являтсѧ ппозовници ложивьи, здесе, осподо, являются рукописание лживья. А перепесысысывають вашъ Нетребуи деякъ позовници и рукописания лживья. А творятсѧ печатале Ива Парфе рукусаниуея. А хрестьяну вашъ вамъ, осподи, цоломъ бею»¹. Речь идет о подделке «позовниц» (судебных повесток) и «рукописаний» (духовных грамот, завещаний), по которым от крестьян требовались дополнительные платы разного характера.

Берестяные грамоты позволяют реконструировать характерные для Новгорода описываемого периода транзакции во всей их подлинной сложности. Так, написанная около середины XIV в. грамота № 690, по мнению Р. Факкани, представляет собой упрощенную, зачаточную форму переводного векселя (тратты), обращение которых стало активно развиваться в Венеции и во Флоренции в первой половине того же столетия².

В грамоте № 699 было обнаружено слово «изорник» («пограбиле землю со свомо изореникомъ»), ранее известное лишь по тексту Псковской судной грамоты (XIV—XV вв.) в значении «крестьянин ...лишенный средств производства и вынужденный нанимать для обработки чужую землю»³. Однако в контексте новгородских берестяных посланий изорником назывался «арендатор, равноправный с владельцем»⁴, что позволяет уточнить статус данного типа хозяйственных субъектов.

Сопоставление грамот № 258 и № 42 показывает, что некоторые (а возможно, многие) бояре специализировались на продаже полученной в качестве натурального оброка продукции натурального хозяйства. Так, фигурирующий в грамоте № 258 боярин Сидор взимал часть оброка с крестьян-рыболовов лососем в копченом и соленом виде («сухие» и «просолни») с целью их последующей продажи купцам-рыбникам. Интересно, что упомянутый боярин даже кредитовал своих агентов-рыболовов, чтобы повысить устойчивость выполняемой ими функции и обеспечить повышение улова рыбы ценных пород. В этом видятся пока еще смутные контуры кооперации производителей, кредиторов и скупщиков⁵. Вместе с тем прояснить черты «институционального портрета» новгородского купечества средних веков достаточно сложно в связи с актуальной узостью источниковой базы⁶.

Новгородские берестяные грамоты «проливают свет» и на институцию купеческого складничества, представлявшую собой характерный элемент институционального механизма средневековой торговли. Как подчеркивает Е.А. Рыбина, «это тем более важно, что из-за отсутствия источников практически ничего не известно о купеческих и ремесленных организациях на Руси, в то время как в средневековой Европе эти институты были хорошо развиты»⁷. Грамоты на бересте позволяют частично ком-

¹ Янин В.Л. Я послал тебе бересту... С. 128.

² См.: Факкани Р. Указ. соч. С. 231.

³ Астахина Л.Ю. Лексические соответствия в псковских и владимирских источниках // Псковские говоры и их окружение. Псков, 1991. С. 113. Цит. по: Костючук Л.Я. Берестяные грамоты как один из источников современной лексикографии (Псковский областной словарь с историческими данными) // Берестяные грамоты: 50 лет... С. 298.

⁴ Костючук Л.Я. Указ. соч. С. 298.

⁵ См.: Янин В.Л. Я послал тебе бересту... С. 156—158.

⁶ См.: Там же. С. 168.

⁷ Рыбина Е.А. О купеческом складничестве на Руси (по материалам берестяных грамот) // Берестяные грамоты: 50 лет... С. 96.

пенсировать дефицит письменных источников о складничестве, особенно о ранних этапах эволюции этой хозяйственной институции.

Первые косвенные свидетельства о складнических операциях были обнаружены в грамотах, относящихся к XII в., что позволяет расценивать их как отражение процесса становления данной институции. Однако термин «складник» впервые стал употребляться в грамотах XIV столетия (№ 133, 354, 490), что позволяет связать с этим периодом закрепление институции складничества в функциональной структуре хозяйственной деятельности Новгорода¹. Именно тогда «отмечены активные торговые связи Новгорода с другими древнерусскими городами. Поездки в южные, юго-восточные и западные города, отстоящие от Новгорода на сотни километров, совершались, конечно, не в одиночку, а группами купцов»². Расширение пространства торговой деятельности мотивировало усиление кооперативных тенденций среди новгородского купечества в целях минимизации хозяйственных рисков и повышения эффективности крупных коммерческих предприятий.

Институция купеческого складничества представляет собой социальную форму функции совместной деятельности купцов на основе внесения паев. Осуществление этой специфической общественной функции могло быть и случайным (эпизодическим), например в рамках одной дальней поездки. Постоянная же реализация данной институции воплощалась в определенной организационной форме, которая в русском языке также носит название «складничество», причем некоторые исследователи видят в ней прототип современных рабочих команд³. Инструментом осуществления институции складничества был неформальный договор — конкретно-историческая форма договора простого товарищества, — которым определялись размеры паев и обязанности участников совместной торговли на основе сложившихся обычных норм.

Изучение берестяных грамот позволило отчасти реконструировать модели отношений складников и механизмы урегулирования возникавших конфликтов, оценить масштабы совместных торговых операций, уточнить социальный тип субъектов складничества и их специализацию.

Как оказалось, «складниками нередко были родственники, чаще всего братья», хотя «из текста тверской грамоты № 2 очевидно, что совместную торговлю вели мать с сыном»⁴. Круг участников складнических отношений, очевидно, определялся высоким уровнем доверия между ними, поэтому изначально был ограничен родственными связями, а поскольку торговля требовала больших физических затрат и была сопряжена со значительными опасностями, он сужался до близких родственников по мужской линии — братьев. Об этом косвенно свидетельствуют многие берестяные послания: «Брат Милята!» (грамота № 675), «Челобитье от Есифа брату его Фоме...» (№ 129), «А ты, брат, не спеши...» (№ 68) и др.⁵ Институция кровного родства становилась фактором уверенности в хозяйственных операциях, выступала залогом надежности и обязательной поддержки. Это четко сформулировал автор грамоты № 749 Иван, обращаясь к своему брату Лёнтию: «...ты мой брат во что ти еси надобень...»⁶. К братьям обращались и за безвозмездной денежной помощью (грамота № 296), и

¹ См.: Рыбина Е.А. Указ. соч. С. 96—97.

² Там же. С. 97.

³ См.: Карякин А.М. Командная работа: основы теории и практики. Иваново, 2003. 136 с. С. 29.

⁴ Рыбина Е.А. Указ. соч. С. 100.

⁵ Там же.

⁶ Цит. по: Пачкунова Е.Э. Возможности реконструкции частной жизни новгородцев XI—XV вв. по берестяным грамотам // Берестяные грамоты: 50 лет... С. 130.

даже с просьбой прислать новый плащ (грамота № 765): «...братъ попецялися о мне хожю ти наго...»¹.

Конечно, по мере развития товарно-денежных отношений кровно-родственный «базис» складничества постепенно все более размывался. Поэтому слово «брат» использовалось все больше в евангельском смысле², как «братство во Христе». Обоснованной представляется позиция Е.Э. Пачкуновой: «Скорее можно говорить о том, что для новгородцев *“брат”* — это не просто категория кровного родства, это — статус человека в межличностных отношениях (как в семье, так и за ее пределами). Этот статус предусматривал не только привилегии, но и определенные обязанности, невыполнение которых в критический момент воспринималось как нарушение некоей неписаной нравственной нормы братских отношений (курсив наш. — Авт.)»³. Исследователь приводит пример грамоты № 622, автор которой купец-складник Матфей «с обидой и недоумением предлагает передать заботу о своем товаре “цюзимо” (чужим. — Авт.), если его компаньоны Марк и Савва не справляются с этим»⁴.

Среди организованных складников выделялся старший, руководивший совместным торговым предприятием путем распоряжений («наказов») и принимавший отчеты о результатах поездок и о произведенных операциях. Как следует из грамоты № 622, иногда компаньоны недостаточно четко выполняли указания старшего, вызывая нарекания с его стороны. Оппортунизм был органично присущ складническим отношениям, да и вообще «ложь, мошенничество, фальсификация и воровство — естественные и нормальные черты рыночного процесса»⁵. Хотя купцы несли имущественную ответственность за вверенные им товары компаньонов, подменяя друг друга в торговых поездках, были случаи сокрытия товара. О такой драматической ситуации «свидетельствует грамота № 548, автор которой видел, как был спрятан товар Олексы»⁶.

Хотя существовали штрафные санкции за нарушение условий неформальных договоренностей складников (грамоты № 246, 915), они применялись с учетом конкретных обстоятельств. Так, в грамоте № 105 зафиксировано объяснение складника Семки причин, по которым он не вернул деньги своему кредитору Кулотке. Причем данная «объяснительная» писалась на имя должностного лица Недсы, выступавшего своего рода третейским судьей в этом споре. Семка объясняет, что он вернул деньги не самому Кулотке, а его компаньону Лазовке. Никаких указаний на штраф в этой грамоте не найдено, тогда как в грамоте № 915 некто Рожнет напоминает своему заемщику Коснятину о долге и угрожает штрафом в размере 50% от суммы долга⁷.

Анализ текстов наиболее древних из обнаруженных к настоящему времени берестяных грамот, относящихся к XII в. и касающихся хозяйственного быта новгородцев, позволяет сделать вывод о достаточно высоком, по сравнению со сделанными ранее предположениями, уровне монетизации осуществлявшихся трансакций. Свидетельствует В.Л. Янин: «Одна грамота за другой знакомят нас с монотонными расче-

¹ Цит. по: Пачкунова Е.Э. Указ. соч. С. 130.

² См.: Рождественская Т.В. Берестяные грамоты в системе памятников литературно-письменного языка Древней Руси // Берестяные грамоты: 50 лет... С. 309.

³ Пачкунова Е.Э. Указ. соч. С. 130.

⁴ Там же. С. 131.

⁵ Уайт Л. Избранное: Эволюция культуры. М.: Изд-во «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2004. 1064 с. С. 417.

⁶ Рыбина Е.А. Указ. соч. С. 101.

⁷ См.: Там же. С. 97–98.

тами: на таком-то взять такую-то сумму, тот-то столько-то должен. Суммы крупные и мелкие, денежные единицы в разных комбинациях: гривны и веверицы, резаны и куны, векши и ногаты...»¹ По предположению ученого, в этот период происходила аккумуляция денежных средств новгородской аристократией, что в дальнейшем позволило ей сконцентрировать в своих «невидимых руках» огромные земельные ресурсы и узурпировать властные функции. Подтверждением этому служит снижение частотности упоминания номинаций, связанных с деньгами, в более поздних грамотах вплоть до второй половины XIII в., тогда как частотность понятий, связанных с землей, в указанный период возрастает. Однако делать однозначный вывод все же представляется преждевременным.

Определенное представление о специфике древнерусского брачного и семейного права дает грамота № 9, получившая неофициальное название «Письмо покинутой жены». Этот текст особенно интересен в связи с утверждением Семейным кодексом РФ в 1996 г. принципа договорного режима имущества супругов, воплощаемого в брачном контракте, что до сих пор вызывает неоднозначную реакцию российского общества, но не мешает заключать такой договор каждой седьмой паре в нашей стране². Существование же практики заключения брачных соглашений на Руси в XII столетии позволяет по-новому взглянуть на актуальные тенденции институционального оформления семейных отношений и переосмыслить их с учетом исторических реалий. Это особенно интересно в свете интенсивного развития институциональной теории контрактов в экономической науке нашего времени³.

В начале письма присутствует крестик, выступающий символом христианской инвокации, то есть взывания к имени Божьему, что в рассматриваемый период являлось необходимой составной частью актов формуляров⁴. Современный исследователь этого текста А.В. Поппэ подчеркивает, что «инвокация нашей грамоты, ее безукоризненное стандартное, близкое книжному правописание и графика, отсутствие новгородизмов подтверждают мнение, что грамота написана начитанным профессиональным писцом, обслуживающим письменные и делопроизводственные нужды населения»⁵. Институт письма, видимо, являлась прототипом нотариата в феодальной России. Но не исключено, что сама Гостята была «человеком чрезвычайной начитанностью и вполне владеющим книжной речью»⁶. Это вполне вероятно в контексте доказанного исторической наукой достаточно высокого уровня грамотности средневекового русского человека⁷. В любом случае, данная берестяная грамота представляет собой образец формальной бытовой переписки, отражающий обычную практику семейных отношений в средневековом Новгороде.

Приведем текст грамоты № 9 в переводе А.А. Зализняка: «От Гостяты к Василию. Что мне дал отец | и родичи дали впридачу, то за ним. А теперь, | женюсь на новой жене, мне он не дает ничего. | Ударив по рукам (в знак новой помолвки), он меня прогнал, | а другую взял в жены. Приезжай, сделай милость»⁸.

¹ Янин В.Л. Я послал тебе бересту... С. 178.

² См.: Фридрих М. Брак по контракту // Бизнес-журнал. 2002. № 10 (10 нояб.).

³ См., напр.: Тамбовцев В.Л. Введение в экономическую теорию контрактов. М.: ИНФРА-М, 2004. 144 с.

⁴ См.: Поппэ А.А. О брачном контракте на Руси (на основании грамоты на бересте № 9) // Берестяные грамоты: 50 лет... С. 40.

⁵ Там же. С. 40—41.

⁶ Мещерский Н.А. Избранные статьи. СПб., 1995. 366 с. С. 98.

⁷ См. также: Зализняк А.А., Янин В.Л. Новгородская псалтирь начала XI в. — древнейшая книга Руси // Вестник РАН. 2001. Т. 71, № 3. С. 202—209.

⁸ Цит. по: Поппэ А.А. Указ. соч. С. 40.

Грамота наглядно демонстрирует пример оппортунизма в области брачно-контрактных отношений. По уточнению Н.А. Мещерского¹, бывший муж Гостяты не «ударил по рукам», а «избил руки», то есть нарушил условия заключенного договора, заключавшегося путем «рукобитья» (ритуального удара по ладоням отцов или братьев жениха и невесты), и не просто «не дает ничего», а не отдает, не возвращает ее приданого. Стремясь его вернуть («истязати»), Гостята на законных основаниях предъявляет бывшему супругу иск, ведь с ее стороны нарушений договора не было, а развод был его инициативой («пустиль же мя, а иную пояль»). Она не прелюбодействовала и не уходила от своего мужа, хотя возможность такого поведения предусматривалась и специально оговаривалась уставом князя Ярослава о церковных судах (XII—XIII вв.): «Аще поидет жена от своего мужа за иный муж или имет блясти от мужа, ту жену пояти в домъ церковны...»²

Поскольку брачный договор («ряд») на Руси заключался в присутствии свидетелей («видков») и переговорщиков с более широкими функциями («рядцев»), то Гостята обращается к одному из них, Василию, возможно ее брату или родственнику. Причем в грамоте выражена не просто просьба посодействовать в возврате приданого («Приезжай, сделай милость»), а, скорее, обоснованный обычаем призыв (другой вариант перевода — «Приезжай, дабы поступить как нужно»). Вполне вероятно, что Василий был «рукобитчиком» со стороны невесты, «ручавшимся» в соблюдении условий договора с ее стороны³, поэтому он должен был принять непосредственное активное участие в разбирательстве по поводу нарушения бывшим мужем принятых на себя обязательств.

Характерно, что «покинутая жена не жалуется на свою долю, не винит *малжена* в преступлении заповеди Божией — а она ведь христианка, — но просто констатирует, что бывший муж, вступив в новую связь, ничего ей не вернул, <...> и тем самым сломал брачный контракт, согласно которому развод по вине мужа (бросил жену и женился заново) предусматривал возвращение того, что дал отец и родственники»⁴. В берестяной грамоте № 9 не затрагивается морально-этическая сторона «ропуста» (развода), а лишь констатируются его имущественные последствия. Два века минуло после Крещения Руси, но даже брачные отношения были еще слабо охвачены влиянием Церкви. Хотя обычное право в этой сфере уже испытывало некоторое влияние византийских церковных «номоканонов» (в частности, нормы Прохирона, касавшиеся имущественных отношений в семье⁵, были известны на Руси с XI в.), однако «венчаный брак, должно быть, долго не был явлением повсеместным»⁶.

Как следует из грамоты № 9, брачно-контрактные отношения широко практиковались в средневековом Новгороде. Их массовый характер выражался в сложившихся обычаях и ритуалах заключения брачных «рядов», определенном составе и статусах участников процесса контрактации, типичных правах и обязанностях супругов, механизмах урегулирования конфликтов. Брачные контракты — отнюдь не новое для России явление, а возникновение практики их заключения было исходно обусловлено стремлением к повышению определенности в имущественных отношениях супругов.

¹ См.: Мещерский Н.А. Указ. соч. С. 96.

² Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1950. 568 с. С. 482.

³ Поннэ А.А. Указ. соч. С. 42.

⁴ Там же. С. 41.

⁵ См. также: Бенеманский М. Закон градский. М., 1917.

⁶ Поннэ А.А. Указ. соч. С. 40.

Институция супружества (брака) является содержанием института семьи и представляет собой комплексный, в частности сексуально-экономический, феномен. Брачный контракт следует понимать как инструмент осуществления этой институции, обеспечивающий супругам «уклонение» от эндогенных транзакционных рисков за счет четкого определения их имущественных границ, прав и обязанностей. По своей сути такой контракт есть инструмент самострахования супругов в ходе совместной жизни и хозяйствования. Поэтому эмоциональное отношение к нему в современной России должно в близкой перспективе смениться рациональным, учитывающим объективное наличие у институции супружества специфических рисков, но совсем не отменяющим слова митрополита Сурожского Антония: «Брак — чудо на земле. В мире, где все и всё идет вразброд, брак — место, где два человека, благодаря тому, что они друг друга полюбили, становятся едиными, место, где рознь кончается, где начинается осуществление единой жизни»¹.

Новгородские берестяные грамоты можно рассматривать как своего рода лингвистический шифр, разгадка которого позволяет понять код той исторической эпохи, специфику ее институций и правил, обычаев и норм, представлений русского народа о своем «ойкосе» и окружающем мире. Тексты на бересте, приоткрывая «завесу молчания» летописей, предстают посланиями из прошлого о социально-экономических институтах и институциях средневекового Новгорода, о бытовавшей хозяйственной культуре². Поэтому их дальнейшее изучение целесообразно активизировать с привлечением достижений современной экономической науки и, прежде всего, ее институционального направления.

Эпилог

Итак, на первом этапе эволюции институциональной мысли России (IX — середина XV в.) формировались основные «онтологические и гносеологические корни» реализации институциональной деятельности. Ее объектом являются элементы институциональной системы хозяйства и общества в целом, их связи и отношения, механизм взаимодействия и развития. Такая деятельность структурно может быть представлена двумя тесно взаимосвязанными блоками — познания и преобразования, — а функционально она закреплялась за определенными категориями социальных субъектов.

К онтологическим истокам формирования институционального направления в российской общественно-экономической мысли относились обычное и княжеское нормотворчество, заключавшееся в выработке норм, составлении регламентаций, кодексов, уставов и т.д.; заимствование зарубежных институций и правовых норм (из византийского, скандинавского и германского права); институциональная интервенция со стороны завоевателей. Гносеологическими формами институциональной деятельности выступали устное народное творчество, в образной форме отражавшее специфику институциональной системы, и первые авторские произведения. Специфика проявлений институциональной мысли на этом этапе была обусловлена противоречивой динамикой российской хозяйственной системы, ведь «становление бесконечно разнообразно»³.

¹ Митр. Сурожский Антоний. Таинство любви: Беседа о христианском браке. (См.: <http://www.metropolit-anthony.orc.ru/lub.htm>.)

² См. также: *Бенавист Э.* Словарь индоевропейских социальных терминов / Общ. ред. и вступ. ст. Ю.С. Степанова. М.: Прогресс-Универс, 1995. 456 с. [Оригинальное название: «Le vocabulaire des institutions indo-europeenes»].

³ *Бергсон А.* Творческая эволюция. Жуковский; М.: Кучково поле, 2006. 384 с. С. 291.

В IX столетии, ставшем отправным пунктом данного исследования, институции были довольно просты с современной точки зрения, а механизмы их закрепления, взаимодействия и изменения находились в начальной стадии развития. Основные институции касались семейно-родственных отношений, рода и места деятельности, положения в обществе и находили свое отражение в развитии форм общественного разделения труда, в социальном закреплении за акторами специфических функций. Суть общественного разделения труда заключается в непрерывной дифференциации функций хозяйственных субъектов с их последующими типизацией и закреплением для обеспечения устойчивого воспроизводства на расширяющейся агентской базе в рамках углубления социальной стратификации. Но поскольку каждый человек универсален и может параллельно выполнять разные институции, то исторически среднее количество закреплявшихся за акторами функций росло, развивались их «институциональные сферы». Таким образом, наблюдалось саморазвитие российской институциональной системы от более простых форм социальной типизации действий и закрепления необходимых функций ко все более сложным.

Этот прогресс может быть охарактеризован с двух сторон. Во-первых, в ходе усложнения форм и появления новых способов человеческой деятельности возникали и «отпочковывались» отдельные трудовые операции, перераставшие («кристаллизовавшиеся», по выражению К. Маркса) в отдельные «производительные функции» и становившиеся самостоятельными видами деятельности, формируя привычки, характер, состояние и образ жизни людей.

Во-вторых, мощностъ и сила институционального фактора постоянно возрастала, поскольку разделение труда сочеталось с кооперацией и неминуемо влияло на развитие организации, информации, технологий, самого человека, расширяя поле его предметной деятельности в природе. И чем глубже человек Древней Руси деятельностно проникал в природу, тем выше становились значение, роль и богатство институционального фактора отечественного хозяйства.

Наряду с закреплением и осмыслением исходных экономических институций происходила неосознанная постановка проблем эффективных договорных отношений в хозяйственных процессах. Специфика данного этапа развития институциональной мысли заключалась в появлении первых авторских произведений, создававшихся на основе отдельных эмпирических обобщений опыта древнерусского хозяйствования, а также Византии, стран Западной и Северной Европы, Золотой Орды и др. Наиболее широко применялись такие методы формирования знания, как поучение и обращение на основе наблюдения, сравнения и обобщения, выявления общего и особенного в институциональных отношениях. Особую роль в передаче институциональных знаний стал играть метод наставления. Вокруг авторитетных мыслителей постепенно формировались группы учеников, разделявших и распространявших их взгляды.

Интернальными эффектами институционализации исходных компонентов отечественного хозяйственного пространства стали практический отбор наиболее эффективных институций и институтов, их систематизация, выбор эффективных инструментов, процедур и порядков, форм и принципов организации; осуществление процессов государственной консолидации, ликвидации автономии племен и племенных союзов, укрепления и усиления авторитета княжеской власти, законодательного оформления базовых институций и институтов феодальной системы.

Экстернальными эффектами институционализации на изученном этапе явились формирование и выделение единой общности русского народа из родственных и со-

седствующих племен, развитие хозяйственной специализации и закрепление социальной стратификации.

Процессы нарастающей субординации и координации институционального пространства, дифференциации темпа и ритма эволюционного времени на разных уровнях хозяйствования, усложнение и разворачивание социальных связей и отношений детерминировали повышенное внимание к феноменам и проявлениям институционального бытия общества. Это проявилось, прежде всего, в их кодификации в юридических сборниках и документах, а также в осмыслении посредством образных характеристик народных мифологем, в сочинениях первых мыслителей — проповедников, философов, писателей.